

А.Г. Дружинин

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ

взгляд географа-обществоведа

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Г. Дружинин

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ
(взгляд географа-обществоведа)**

Монография

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 911.3(470+571)(035.3)
ББК 26.8+65.049(2Рос)я44
Д76

Рецензенты:

профессор, доктор географических наук,
Заслуженный деятель науки РФ **А. И. Чистобаев**;

профессор, доктор географических наук,
Заслуженный деятель науки РФ **Г. М. Фёдоров**

Дружинин А. Г.

Д76 Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа) : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 268 с.
ISBN 978-5-9275-3395-4

В монографии подробно охарактеризованы метаморфозы геоконцепта «Евразия», раскрыты основные общественно-географические факторы и тренды эволюции евразийского позиционирования постсоветской России, показаны возможности и риски (предопределяемые «инерцией колее», политико-экономическими процессами и интересами, а также этнодемографической динамикой) инкорпорирования Российской Федерации в формирующуюся «Большую Евразию». Приоритетное внимание уделено оценке влияния современных евразийских геополитических и геоэкономических трансформаций на эволюцию российского пространства (включая общественно-географические эффекты «разворота на Восток», а также конфликта в системе «Россия-Запад»). Раскрыты потенциал и векторы «мореориентированности» России в контексте «большой» евразийской интеграции. Обосновано всё возрастающее значение для России (и в целом Евразии) русско-тюркского взаимодействия.

Книга предназначена для географов-обществоведов, а также для специалистов в области экономического, политологического и культурологического анализа глобального и регионального развития.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-3395-4

УДК 911.3(470+571)(035.3)
ББК 26.8+65.049(2Рос)я44

© Дружинин А. Г., 2020

© Южный федеральный университет, 2020

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
1. Геоконцепт «Евразия»: генезис, метаморфозы, перспективы	11
1.1. Становление геоконцепта «Евразия» и его содержательные фундаменты	13
1.2. Постсоветские метаморфозы и потенциал геоконцепта «Евразия»	21
1.3. От «Евразии» к «Большой Евразии»: контур новой реальности.....	33
2. Современные тренды трансформации российского пространства: евразийские приоритеты и вызовы	51
2.1. «Москвоцентричность» Российской Федерации: евразийские эффекты и проекции.....	53
2.2. «Разворот» России на восток: евразийские детерминанты.....	77
2.3. Западное порубежье России: структуры трансформирующейся Евразии.....	97

3. «Мореориентированность» современной России: евразийские детерминанты, векторы, форматы.....	121
3.1. «Мореориентированность» России: исторический тренд и постсоветские «драйверы»	123
3.2. «Талассоаттрактивность» населения в Российской Федерации: основные тенденции	142
3.3. Потенциал и векторы «мореориентированности» России в контексте «большой» евразийской интеграции	153
4. Русско-тюркский геостратегический диалог как краеугольный камень евразийского позиционирования России	165
4.1. «Тюркская составляющая» в системе приоритетов пространственного развития России: этнодемографические, геолингвистические и этноэкономические аспекты	167
4.2. Россия и постсоветские тюркоязычные государства: тренды и факторы соразвития в многополюсной Евразии	188
4.3. Российско-турецкие отношения в меняющемся постсоветском евразийском контексте: особенности, факторы, перспективы	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
БИБЛИОГРАФИЯ	243

Введение

«Если Россия будет спасена, то только через евразийство», – полагал выдающийся историк, этнолог, географ Лев Николаевич Гумилёв, озвучив эту мысль (выпестованную многими десятилетиями яркого, высокопрофессионального творчества) моему Учителю С. Б. Лаврову¹ в тяжелейшем для России 1992 году. Именно тогда, уже расчленённая новообразованными государственными границами и стремительно разрушаемая великая страна (ввергнутая в водоворот кризиса и трансформаций и пытающаяся по-новому осмыслить себя и своё позиционирование) начала воспринимать, обсуждать и вновь культивировать геоконцепт «Евразия». В 1990-е и 2000-е годы, оказавшись значимой частью научного (в том числе и географического²) дискурса и широко укоренившись в российском общественном сознании, «евразийская идея», тем не

---

¹ *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.

² *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32–36; *Мироненко Н. С.* Геополитическая концепция евразийства // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 53–65; *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590; *Замятин Д. Н.* Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339–377; *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36; *Безруков Л. А.* Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. № 4. С. 12–24.

менее, так и не стала его интеллектуальной доминантой. Положение начало отчасти меняться лишь в связи с наметившийся десятилетие назад (во-многом благодаря «фактору Китая») геоэкономической «перецентровкой» Евразии, с возросшим хозяйственным потенциалом и геополитической активностью самой России, с реализацией конкретных шагов по евразийской реинтеграции, а также с проявившимся (фактически, уже с 2008 года) противостоянием между нашей страной и Западом, чётче оттеняющим (и делимитирующим) «евразийское пространство», рельефнее высвечивающим его специфику, катализирующим и акцентирующим долговременные устойчивые тренды (всё более воспринимаемые как геополитический и геоэкономический «поворот» России¹, индикатор грядущих её позиционных «тектонических сдвигов»²). Эти сдвиги (зримо и масштабно проявив себя в последние шесть-семь лет) вновь чрезвычайным образом актуализируют базовый концептуальный посыл основоположников «евразийства», сформулированный П. Н. Савицким в изданном в 1921 году сборнике «Исход к Востоку»: «Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия», и даже вовсе не Европа, но «Евразия»»³.

Современная Россия, тем не менее, – лишь часть былой могучей державы, на отдельных временных этапах контролировавшей до 41 % (а с учётом временных союзников – и до 64 %) всей территории евразийского материка. Ныне, в своём современном пространственном контуре, наша страна не только частично консолидирует, организует евразийское пространство, но и одновре-

---

¹ *Караганов С., Макаров И.* Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] <http://svop.ru/main/14175/> (Дата доступа – 06.02.2015).

² *Шупер В. А.* Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 529–539.

³ *Савицкий П.* Поворот к Востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Тип. «Балкан», 1921 С. 2–3.

менно вынуждена адаптироваться к стремительно видоизменяющейся геоэкономической и геополитической ситуации. Отражением, маркером, предтечей новой российской и евразийской реальности – стали активно культивируемые в отечественном научном дискурсе с рубежа 2015–2016 годов представления о «Большой Евразии», «большом Евразийском партнёрстве», об особой роли России в этом в целом всё ещё пока зыбком, лишь фрагментами просматриваемом интеграционном формате. Важен, симптоматичен, тем не менее, стартовый посыл, доминантный вектор: мы превращаемся (как акцентирует С. А. Караганов) – «в центр нового большого евразийского пространства, возвращаем особенно выгодную сейчас, при подъеме Азии, русскую евразийскую идентичность»¹.

К рубежу 2020 года представления о «Евразии» (геоконцепте – во многом выпестованном в нашей стране, ставшим неотъемлемой составляющей российской интеллектуальной традиции и вмещающем, в этой связи, особые содержательные грани и смыслы), о евразийской сущности России и её евразийских приоритетах, в итоге, оказались не просто реанимированы, но и испытали существенную метаморфозу, став, при этом, сердцевинной частью национальной, культивируемой государством идеологии. Ныне наблюдаемое столь актуализированное, значимое, необходимое стремительное и широкомасштабное «укоренение» в общественном сознании нового (радикально видоизменившегося) инварианта «евразийской идеи» (весьма показательна, отрадна и безусловно успешна, в этой связи, попытка презентовать соответствующую проблематику в рамках спецвыпуска «Вопросов географии»²), при этом, парадоксальным образом сочетается, с сохраняющей-

¹ Караганов С. А. Куда идти и с кем идти. Внешняя политика на пороге нового десятилетия // Российская газета [Электронное издание] <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatochnogo-zapadnocentrizma.html> (Дата доступа 30.12.2019).

² Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148 / под ред В. М. Котлякова и В. А. Шупера. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.

ся концептуальной «размытостью» пространственного контура «Большой Евразии», с практическим отсутствием общественно-географической детализации и конкретизации данного мегапроекта, а также видения факторов, особенностей и следствий влияния «большой» евразийской интеграции на регионы нашей страны и их положение в видоизменяющейся архитектуре трансграничных структур и связей.

Предлагаемая вниманию Читателя книга (логично пролонгируя уже более чем двадцатипятилетние усилия автора по осмыслению евразийских факторов, приоритетов и векторов постсоветского развития нашей страны¹⁾) являет собой попытку высветить эволюцию геоконцепта «Евразия», раскрыть основные общественно-географические аспекты меняющегося евразийского позиционирования современной России, показать вероятностные (предопределяемые «инерцией колеи», политико-экономическими процессами и интересами, а также этнодемографической динамикой) возможности, риски и барьеры инкорпорирования Российской Федерации и её регионов в формирующуюся «Большую Евразию». Приоритетное внимание, при этом, уделено оценке влияния евразийских геополитических и геоэкономических трансформаций на эволюцию российского пространства, включая и его исторически сложившуюся «москвоцентричность» и «вестернизированность». На обширном эмпирико-фактологическом материале проиллюстрирована и обоснована возрастающая

¹ Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.; Дружинин А. Г. Русский регионализм: явление в контексте геотнукльтурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 5–18; Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36; Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.; Дружинин А. Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38 и др.

«мореориентированность» России, сопряжённость этого фундаментального процесса с актуальными евразийскими векторами и приоритетами. Существенное место в книге уделено и «тюркской составляющей» в пространственном развитии Российской Федерации, в её как внутренней (региональной), так и внешней политике.

Содержательной основой данной монографии явились результаты исследований, выполненных её автором в рамках участия в грантах Российского научного фонда (РНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В частности, в рамках реализации тематики проекта РНФ 1918-00005 *«Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»* – подготовлены глава 1 Геоконцепт «Евразия»: генезис, метаморфозы, перспективы, а также глава 3 «Мореориентированность» современной России: евразийские детерминанты, векторы, форматы»; проекта РНФ 18-17-00112 *«Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»* – раздел 2.3. «Западное побережье России: структуры трансформирующейся Евразии»; проекта РФФИ 18-010-00015 *«Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного побережья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии»* – разделы 2.1. «Москвоцентричность» Российской Федерации: евразийские эффекты и проекции» и 2.2. «Разворот» России на восток: евразийские детерминанты»; проекта РФФИ 20-05-00369 *«Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы»* – раздел 4.1. «Тюркская составляющая» в системе приоритетов пространственного развития России: этнодемографические, геолингвистические и этноэкономические аспекты».

Реализация исследовательских проектов, презентация их результатов на симпозиумах, конференциях, путешествия по Миру – позволили автору в последнее пятилетие не только посетить различные уголки России, но и многие другие государства

Евразии¹; путевые наблюдения и впечатления предоставили возможность дополнить, расширить, конкретизировать представления о меняющейся общественной географии материка, чётче идентифицировать, осмыслить современные метаморфозы евразийского позиционирования самой России, оценить её возможности и приоритеты.

Хочется надеяться, что данное издание вызовет интерес уважаемых читателей, а содержащиеся в нём концептуальные положения и аналитика окажутся востребованными при разработке стратегий и программ пространственного развития России, её взаимодействия с сопредельными евразийскими государствами.

---

¹ Включая Азербайджан, Албанию, Армению, Бахрейн, Белоруссию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Бруней, Венгрию, Вьетнам, Грузию, Иран, Казахстан, Катар, КНДР, КНР, Республику Корея, Латвию, Малайзию, Молдавию, Оман, Польшу, Северную Македонию, Словакию, Словению, Турцию, Хорватию, Узбекистан, Украину, Филиппины, Финляндию, Эстонию, Японию и др.

**1. ГЕОКОНЦЕПТ «ЕВРАЗИЯ»:
ГЕНЕЗИС, МЕТАМОРФОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

1.1. Становление геоконцепта «Евразия» и его содержательные фундаменты

Любой сложившийся геоконцепт (то есть, согласно удачному определению, предложенному В. Н. Калуцковым, «супер-топоним..., знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определённого человеческого сообщества»¹) – продукт не только сфокусированной (в рамках конкретных культурно-интеллектуальных трендов, традиций, моды) фиксации общественно-географических реалий, но и итог множества сопутствующих, зачастую латентно действующих, сугубо внешних материальных и духовных обстоятельств.

Представления о «Евразии» начали выкристаллизовываться в русле резко проявившейся уже к середине XIX века² антитезы «Запад-Восток», чьей зримой кульминацией в тот период стала «Восточная» (Крымская) война 1853–56 гг., протекавшая на фоне иных, не менее значимых в плане «освоения» Азии европейскими державами событий («опиумных войн» с Китаем, практически полной аннексии Индии Великобританией после подавления восстания сипаев и др.). Именно в ту эпоху (пожалуй, не менее «трансформационную» чем современная) зарождается парадоксальный содержательно-смысловой дуализм (*двуединство*) концепта «Евразии» и проявляется его интеграционно-деинтеграционная миссия, ипостась. Топоним «Евразия», уже начиная с фундаментальных трудов А. Гумбольдта³, используется, в частности, в качестве «име-

---

¹ *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 102.

² *Dieter Groh.* RuBland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt am Main, 1988. 342.

³ *Humboldt A. von.* Kosmos. Bd. 1. Stuttgart; Tübingen, 1845. 562 с.

ни» крупнейшего на планете массива суши (вмещающего подавляющую часть её демографического, хозяйственного потенциала, важнейшие пласты её истории и др.); затем аналогичный подход десятилетиями воспроизводится как в России («Азийско-европейский материк» в терминологической версии В. И. Ламанского¹), так и за её пределами («Евро-Азия» Х. Маккиндера²), не утрачивая, кстати, актуальность и поныне.

Параллельно (прежде всего на отечественной интеллектуальной «почве») формируются системные предпосылки и для более локализованного, сфокусированного понимания «Евразии» как обособленной (совокупностью общественно-географических факторов) части материка. В их ряду необходимо упомянуть, прежде всего, славянофильские, «антизападнические» идеи Н. Я. Данилевского (чьей манифестацией стал опубликованный в 1869 году концептуальный труд «Россия и Европа»³), включающие базовый постулат: Россия не может считаться составной частью Европы, а являет равномасштабную, равнозначную сущность – особый культурно-исторический тип. Данный тезис, ставший отправным для конструирования российской версии концепта «Евразия», два десятилетия спустя географически был блестяще интерпретирован и конкретизирован В. Н. Ламанским в его яркой («рубежной» и для российской геополитики в целом, и для становления её «евразийских» основ) книге «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.), провозглашающей наличие особого «Среднего мира», т. е. «не настоящей Европы и не настоящей Азии» – чётко оконтуренного пространства («перекрывающего» Российскую Империю и частично выходящего за её пределы) с «господством русского народа, русской государственности и русского языка»⁴. Подобный

---

¹ Ламанский В. Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург, 1892. 132 с.

² Mackinder, H. J. The geographical pivot of history. The Geographical Journal, 1904, 23, Pp. 421–437.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа М.: Книга, 1991. 576 с.

⁴ Ламанский В. Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург, 1892. С. 3.

фокус на «срединных» евразийских территориях два десятилетия спустя воплотился (и оказался воспроизведён), кстати, не только в работах российских авторов (характерно, в этой связи, предлагаемое В. П. Семёновым-Тян-Шанским видение «Русской Евразии» как пространства от Волги до Енисея¹), но и в обретшем поистине глобальную популярность геоконцепте «Хартленда». В более локализованном и адаптированном виде он оказал существенное влияние и на самоидентификацию Балканского полуострова (в понимании сербских географов и, прежде всего, Иована Цвиича²) как «посредника» между Европой и Азией.

Идея «Евразии», в итоге, уже на ранних этапах своего зарождения парадоксальным образом синтезировала как «нерасчленённое», целостное видение присущей материку общественно-географической реальности, так и стремление к самоидентификации, обособлению части его территорий (в рамках культивируемой географической картины мира и в соответствии с геополитическими реалиями и интересами), фокусировке на их географической (в том числе и геокультурной) специфике.

Важной интеллектуальной предтечей становления «евразийства» (в качестве особой доктрины) стало и оформившееся (в весьма благоприятном для нашей страны политико-географическом контексте второй половины XIX столетия) восприятие «естественного» характера перманентно расширяющихся рубежей Империи. Симптоматично, что подобное (существенное для концептуализации «Евразии») представление о границах культивировалось не только собственно географами³, но и являлось в рос-

---

¹ Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.

² Цвијић Јован. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.

³ Соколовский Н. И. География. Часть четвёртая. География Российской Империи. Санкт-Петербург, 1846. 295 с.; Иванов Г. И. Картины России по географическим областям. Петроград, 1917. 115 с.

сийском обществе общепризнанным, укоренённым. Показательно, в этой связи, мнение основоположника пантюркизма И. Гаспринского (высказанное им в 1881 году и акцентировавшего, кстати, не только «тюркскую составляющую» России, но и необходимость, фундаментальную значимость русско-тюркского диалога), что «Россия еще не достигла своих исторических, естественных границ... которые, рано или поздно... заключат в себе все тюрко-татарские племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии»¹. Идеи о приоритетной роли России в объединении народов Евразии развил в дальнейшем в книге «История тюрков и татар»² (впервые изданной в 1911 году) другой видный тюрколог – Ахмет Заки Валиди.

Формирование «россиеориентированного» геоконцепта «Евразии» зримо ускорилось в начале XX столетия, когда в гигантской по размерам Империи (в своём максимуме – почти 41 % площади континента), испытавшей уязвимость, понесшей первые территориальные потери, ощутившей настоятельную потребность в интеграционных, «цементирующих» страну идеях, стали обсуждаться вопросы «прочности государственной территории»³, звучать призывы не отделять (в том числе ментально) «европейскую Россию» от «России азиатской»⁴. А Российская Империя в этот период воистину являла собой масштабнейшую и ярчайшую палитру интегрируемых российским государством (и русской культурой) региональных и этнических структур.

---

¹ *Гаспринский И.* Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь: Тип. Спиро, 1881. С. 12.

² *Әхмәтзәки Валиди Туған.* Башкорттарҙың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө. Китап, 1994. 374 с.

³ *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.

⁴ *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года в стране (концентрирующей почти 126 млн человек или 7,6 % всего населения планеты) проживало почти 106 млн представителей христианских конфессий (включая 87 млн православных и 11,5 млн католиков), почти 14 млн мусульман, более 5 млн иудеев¹. Основной массив демографического потенциала был сосредоточен в Европейской России (74,9 %), однако 7,3 % подданных Империи проживало в т. н. «Привислинских губерниях», 7,2 % – на Кавказе, 4,5 % – в Сибири, 6,1 % – в Средней Азии. На крайнем западе России, в десяти «Привислинских губерниях», почти для 72 % жителей родным языком, при этом, являлся польский (а «великорусский» – лишь для 3 %), в то время как, к примеру, в Средней Азии превалировали «турецко-татарские наречия», выступающие «родными» для 86 % населения (русский язык в аналогичном качестве здесь декларировали лишь 7,7 % всех жителей). Реалии страны и их необходимое осмысление (в укоренённой дихотомии «Европа-Азия») – «естественным образом» предполагали особый, интегрирующий, паневразийский формат.

Становление «евразийства» как научного направления и геополитической доктрины состоялось, тем не менее, лишь к началу 1920-х годов, когда пройдя через горнило войн и революций, Россия подтвердила свой суверенный статус, пресекла попытки установления внешнего контроля над своими ключевыми порубежными регионами и сохранила (с некоторыми, не превышающими 4 % от её былой территории, потерями) социально-экономическую и этнокультурную целостность. Именно эта полномасштабно проявившаяся устойчивость пространственного контура страны, опоясанной недружественным к ней окружением, чётче высветила концептуально прочерчиваемые рубежи «Евразии», позволило в целом свести их к государственным границам собственно России

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XII. Распределение населения по вероисповеданиям.

(согласно П. Н. Савицкому – «России-Евразии», «месторазвитию»¹). Обретя свою бóльшую определённую (соответствующую геополитической конъюнктуре и геокультурным реалиям того периода), концепт «Евразии» стал знаковой декларацией культурного полицентризма мира, видения «Евразии» как особой (целостной в природно-географическом, историко-культурном, политическом и хозяйственном отношениях и не тождественной ни Европе, ни Азии) части евразийского материка. Генерируемую в тот период «евразийскую идею» закономерно отличал и акцент на пространственной обусловленности выстраивания Россией многовекторных контактов, важности для неё разумной экономической автаркии (равно как и оценки рисков включения страны в «океаническое» мировое хозяйство), а также необходимости учёта синтетической (объединяющей славянские и туранские, тюркские начала) природы русских (примечательно, что именно летом 1921 года Советская Россия союзнически сблизилась с Турецкой Республикой и в это же время выходит первый «евразийский» сборник «Исход к Востоку», а четыре года спустя – фундаментальный труд Н. Трубецкого «Наследие Чингизхана»²).

Подобное развитие геоконцепта «Евразии» (усилиями, также, Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, Л. П. Красавина, Д. П. Святополк-Мирского, Г. В. Флоровского и др.³), логично продолжающее предшествующий российский интеллектуальный тренд, осуществлялось, правда, в среде русской эмиграции, то есть вне собственно «Евразии-России», получившей (с 30.12.1922 г.) своё новое название – «Союз Советских Социалистических Республик (СССР)». Данное государственное образование мыслилось его первыми руководителями как живой прообраз «будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве»⁴; в нём реализовывался (вплоть

---

¹ *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

² *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.

³ *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю.* Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

⁴ *Сталин И. В.* Об основах ленинизма // И. Сталин. Сочинения. Т. 6. 1924. С. 148.

до 1924 года чётко декларируемый¹) фактически не столько собственно «евразийский», сколько глобалистский геополитический проект, а одной из главных задач определялось «строительство социализма во всех странах»².

Не вполне «вписываясь» в государственный политико-идеологический «мейнстрим» и десятилетиями оставаясь малозаметным (и преимущественно внешним) компонентом в интеллектуальном поле страны, «евразийство», обретя черты маргинальности, в данном контексте постепенно угасало. Сама Россия – СССР, напротив, добилась максимального за всю свою историю влияния в Евразии³, воспроизведя (и, даже, ещё более рельефно обозначив) свою пространственную, этнокультурную и хозяйственную сущность; по целому ряду принципиальных моментов евразийские идеи оказались реализованы фактически.

Показательно, что в «Краткой географической энциклопедии» (1961 г.) понятие «Евразия» трактуется исключительно как «крупнейший материк Земли», а необходимость его применения связывается, прежде всего, «с изучением природы этого материка»⁴. Впрочем, с 1960-х годов уже непосредственно в нашей стране благодаря Л. Н. Гумилёву (циклу его тюрковедческих и руссиеведческих работ⁵) начал культивироваться, возрождаться, тиражироваться и иной, сфокусированный на общественно-географическом,

---

¹ *Троцкий Л. Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 2016. 476 с.

² *Ленин В. И.* Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. (октябрь 1917 – март 1918). М.: Изд-во политической литературы, 1977. С. 221.

³ *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.

⁴ Краткая географическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Григорьев. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 5.

⁵ *Гумилев Л. Н.* Хунну: Срединная Азия в древние времена / АН СССР. Ин-вост. лит.-ры. М., 1960. 292 с.; *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.; *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.

геокультурном видении «Евразии» её концепт. Реконструируя и презентуя мозаику евразийской геоистории, этот выдающийся географ, историк, этнолог своими многочисленными фундаментальными трудами инкорпорировал данный геоконцепт в массовое сознание, формируя и «цементируя» представления о «Евразии» как особом, реальном (и отличном от Евразии-материка) историческом, этническом и культурном ареале с присущими ему имманентными природно-ландшафтными характеристиками и политико-территориальными, этническими (суперэтническими) «скрепами».

Таблица 1

**Соотношение ведущих экономик мира в 1970, 1980 и 1990 гг.
(исходя из ВВП по официальному обменному курсу; СССР – 100)***

	1970 г.	1980 г.	1990 г.
СССР	100,0	100,0	100,0
США	248,3	296,9	768,5
Япония	48,3	115,5	398,8
Германия	49,7	102,6	226,7
Франция	34,2	74,8	163,9
Великобритания	30,0	60,0	140,5
КНР	21,4	20,3	46,4
Индия	14,7	20,2	42,0

* Составлено автором по данным Всемирного банка.

К концу 1980-х годов понятие «Евразия» (как пространственный аналог исторической России, СССР) становится «на шестой части суши» неотъемлемым (хотя и не бесспорным) компонентом национального мировоззрения, значимым элементом географической картины мира, ментального образа страны. Сам же СССР, в этот период утрачивая свою поступательную экономическую динамику (табл. 1), всё более демонстрировал центробежные векторы.

1.2. Постсоветские метаморфозы и потенциал геоконцепта «Евразия»

Распад СССР (мере проявления всё новых и новых его многообразных последствий – осмысливаемый как наша национальная катастрофа) резко уменьшил как глобальную конкурентоспособность России, так и возможности воспроизводства русской культуры; за новообразованными границами Российской Федерации остались 24 % территории бывшей сверхдержавы, треть её экономического и почти половина демографического потенциала (в т. ч. 25 млн русских¹); существенно сузился коммуникационный ресурс экономики, нагляднее проявились негативные для Российской Федерации эффекты «континентальности» (вне её юрисдикции оказались 25 из 67 морских портов и 10 из 20 приморских городов с людностью более 250 тысяч). Единая, складывавшаяся более пяти столетий политико-экономическая, социокультурная и селитебная общность, стремительно дезинтегрируясь, начала обретать облик аморфного, податливого внешним импульсам и воздействиям «постсоветского пространства». На фоне экономического спада (за 1990–1997 гг. суммарный ВВП России, Украины, Казахстана и Белоруссии – ещё недавно крупнейших составляющих СССР – сократился, по оценке Всемирного банка, практически на четверть) территориальные структуры и отношения (в силу присущей им инерционности²) продол-

¹ Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этн. и полит. границ рус. народа / В. Кабузан; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. 347 с.

² Артоболовский С. С., Бабурин В. Л., Бакланов П. Я., Касимов Н. С., Колосов В. А., Котляков В. М., Люри Д. И., Тишков А. А. Стратегии пространственного развития Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 3. С. 8–17.

жали, тем не менее, воспроизводить подобие былой целостности (в инфраструктуре, логистике, гуманитарных контактах). Именно в этих кризисно-транзитивных условиях ментальный конструкт «Евразии» оказался широко растиражирован, востребован и, выйдя из «тени» геообраза «Россия-СССР», обрёл импульсы своего **укоренения и «волнообразной»** (соответствующей политической и экономической конъюнктуре) **актуализации**. Ширилось «поле» применения топонима (от научных трактатов – до названий периодических изданий, политических партий, различного рода бизнеса). Оформилось «неоевразийство», то есть политико-философская доктрина, фактически культивирующая традиционные представления о «России-Евразии» («Россия – Heartland, «географическая ось истории», Суша. Россия есть Евразия», постулировал А. Г. Дугин в середине 1990-х годов¹). Последние активно тиражировались в геополитических и геоэкономических схемах², воспроизводились в работах по культурной географии³; на их основе формировалось видение «евразийского социально-экономического пространства»⁴, «евразийского культурного ареала»⁵.

Наряду с фактором «инерции СССР» (ментальной, равно как и воплощённой в структурах пространства), укоренению и культивированию геоконцепта «Евразия» (по наблюдению В. Л. Каганского литература по евразийству росла «как снежный ком»⁶)

¹ Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.

² Дергачев В. А. Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное издание на CD + Интернет-гиперссылки) – Издательский проект профессора Дергачева, 2011.

³ Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.

⁴ Дмитриевский Ю. Д. Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап ее решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32–36.

⁵ Дружинин А. Г. Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

⁶ Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое; отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. С. 531–590.

благоприятствовали и геополитические реалии: с 1991 года весь евразийский мегаконтинент превратился в подобие «Великой шахматной доски» (согласно известной метафоре З. Бжезинского¹), на которой свою активность стали проявлять всё новые и новые (как эндогенные, так и внешние) «фигуры». Топоним «Eurasia» становится неотъемлемой частью официального «языка» глобалистских сил; в странах Запада формируются многочисленные исследовательские центры с ориентацией на «евразийскую тематику». Всё это также «подпитывает» геоконцепт «Евразии» (в его двуедином смысловом значении: как континента и его обособленной части), способствует всё более широкому его применению.

Разворачивающееся в русле глобализации (реализуемой исключительно в интересах США, отчасти – в интересах ЕС, Японии и совсем спорадически – остальных стран мира²) продвижение на восток структур Запада (последовательное, на отдельных хронологических этапах обретающее резкие, жёсткие, зримые формы, включая «всплеск» террористической активности на Северном Кавказе в 1994–2000 гг., расширение НАТО в 1999 и 2004 гг., грузино-осетинский конфликт 2008 г., а с 2014 г. – и кризис на Украине) с середины 1990-х стало вызывать всё возрастающую контрреакцию Российской Федерации. Одним из её проявлений оказалось стремление концептуально очертить топонимом «Евразия» традиционную для страны сферу её геополитического влияния (характерно, что уже в 2000 году в «Концепции внешней политики Российской Федерации» Россия определяется как «крупнейшая евразийская держава»³). В этом же тренде (уже в научном дискур-

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

² *Ѓњато Р.* Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије. Зборник радова: Трећи конгрес српских географа. Бања Лука: ГДРС, СГД, ПМФ Бања Лука, ГФ Београд, 2011. С. 17–29.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 28 июня 2000 года. [Электронное издание] <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (Дата доступа – 4.12.2018).

се!) фиксировалось внимание на «евразийской» сущности и значимости тех или иных постсоветских территорий, например Кавказа (согласно Ю. А. Жданову – «солнечного сплетения Евразии»¹) или Крыма («евразийского микрокосмоса» по В. А. Дергачёву²), а сам образ «Евразии» стал отправным, базовым при формировании «россиеориентированных» геополитических доктрин (как многократно подмечал С. Б. Лавров, «евразийство» – это «важнейшая и актуальнейшая геополитическая концепция для России»³).

Геоконцепт «Евразия» оказался востребован и в контексте геоэкономически мотивированной частичной (непоследовательной, «неспешной», отчасти – декларативной) реинтеграции постсоветского пространства. Причём, если первоначально основным мотивом данного процесса выступало стремление «внутриматериковых» постсоветских государств обрести устойчивый доступ на мировые рынки (весьма характерно, что 24 марта 1994 г. вышло Постановление Правительство РФ о строительстве Каспийской трубопроводной системы, призванной обеспечить экспортные поставки нефти из Казахстана, а всего пять дней спустя, выступая в Москве, президент Н. Назарбаев впервые озвучил идею «Евразийского союза»), то уже с начала 2000-х гг. взаимозависимость постсоветских государств подпитывается резко возросшим (в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры) финансово-экономическим потенциалом России (за 2000–2013 гг. ВВП страны по официальному обменному курсу увеличился в 8,1 раза при среднемировом росте в 2,3 раза), её динамичным спросом на товары, услуги, рабочую силу (в 2013 году на территории РФ только на официальных основаниях находилось 2,2 млн трудовых мигрантов, в их числе 1,7 млн – представители постсоветских тюркоязычных государств⁴).

---

¹ Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. Учебная лекция по регионоведению / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону, 1998. 40 с.

² Дергачёв В. А. Геоэкономика. Киев: ВИРА-Р, 2002. 341 с.

³ Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.

⁴ Ткаченко А. А. Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 32–40.

В этих условиях Россия и некоторые сопредельные евразийские государства («в подражание», а также «в дополнение» и, отчасти, «в противовес» разворачивающимся в мире крупным интеграционным геоэкономическим проектам) выстраивают собственные форматы многостороннего взаимодействия (включая действующий с 2015 г. «Евразийский экономический союз»). И это, безусловно, также поддерживает позитивный тонус «евразийского дискурса», расширяет и конкретизирует пространство воспроизводства (и применения) концепта «Евразия», претерпевающего, в свою очередь, сложные, не всегда позитивные по вектору метаморфозы. Важнейшая из них, как видится, состоит в выраженном уже с середины 1990-х годов **«обесценивании» (ментальной «девалоризации») представлений о «Евразии»** в иерархически структурированной, изменчивой «мозаике» концептуализированных компонент географической картины мира постмодерна, с присущим ему видением множества параллельных «конструируемых» (и «деконструируемых») «географий»¹, фактически опирающихся на «текст» и тиражируемых мощными геологическими, информационными воздействиями на территориальные общности (и их представления о действительности). Последовательное инкорпорирование идей постмодерна подвергает ревизии исторически укоренённое понимание Евразии как реального общественно-географического (в том числе и материального) объекта с присущей ему вполне конкретной территорией и достаточно чётко делимитируемыми (хотя и «размытыми», «мигрирующими») границами. Одновременно инициируется «поиск» (прежде всего в научных и литературных текстах) инвариантных «Евразий», предлагаются их авторские презентации (наглядный пример – попытка обоснования «Северной Евразии»², ментально

¹ Claval P. Postmodernisme et géographies // Géographie et Cultures. 1999. № 4. P. 3–24; Soja E. Postmodern geographies: The reassertion of space in critical social theory. L.-NY.: Verso, 1989. 266 p.

² Замятин Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.

«рассекающая» исторически сложившееся евразийское пространство и объективно выводящая Россию на его периферию).

На «понижение статуса» рассматриваемого геоконцепта в последнюю четверть века (наряду с философскими, методологическими инновациями) существенное влияние оказал и весь геоэкономический (и, соответственно, геокультурный) контекст, ведущий к «девальвации» качественных компонент оценки «Евразии» в её компаративистике с «Европой» (основным соседом, «образцом», конкурентом) и ставящий под сомнение базовый тезис «евразийства» – их цивилизационную равнозначность. Если в 1990 г. соотношение экономического «веса» России (РСФСР) и четвёрки ведущих европейских государств (Великобритания, Германия, Италия и Франция) по данным Всемирного банка составляло 1 : 10, то к 2000 году – 1 : 24 (в 2018 г. – 1 : 8). Логично, что именно к середине «нулевых» годов степень хозяйственной зависимости РФ от ЕС достигла своего апогея (в 2008 г. почти 54 % внешнеторгового оборота России приходилось на страны Евросоюза), в дальнейшем, однако, снижаясь. Благодаря выстроенным центрo-периферийным взаимосвязям, уже с конца 1990-х годов (и особенно с 2004 г., периода, образно характеризуемого некоторыми авторами как «Большой взрыв ЕС»¹) на пространствах значительной части Евразии приверженность «общевропейским ценностям» стала восприниматься как некий императив, лицензия на власть и «символ веры», а само понятие «Европа» усилило своё ценностное, статусное звучание². Весьма показательно, что даже в выступлении В. В. Путина (2011 г.), посвящённом формированию Евразийского союза, последний рассматривается «...как неотъемлемая часть Большой Европы»³. В этих условиях «Евразия» всё больше отождествлялась с общественно-

---

¹ *Кацусигэ Кобаяси*. Кто хозяин либерального мирового порядка? Трансформация Евразии и новая парадигма международных отношений // Валдайские записки № 77. Ноябрь, 2017. 10 с.

² *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.

³ *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3.10.2011.

географической периферией, воспринималась как «мнимость», как «концептуализированная мифология российского пространства»¹, структура, утрачивающая свою идентичность².

На **«размывание» содержательно-смыслового контура** геоконцепта «Евразии» в постсоветский период существенное влияние оказали и трансграничные интеграционные процессы. В наибольшей мере проявились они на западных рубежах «Евразии», в европейско-евроазиатском «междумирье» (интерфейсе двух цивилизаций³), определяемом как «Европейский перешеек между Балтийским и Черным морями»⁴, «Великий Восточный перешеек»⁵, «Балто-Черноморье»⁶. Эта важнейшая составляющая так называемого «Великого Лимитрофа»⁷ оказалась (политико-экономическими интересами своих элит, миграционной активностью населения и, в ещё большей мере, ментально, благодаря перманентному информационно-идеологическому «прессу» последних трёх десятилетий) геополитически «перемещённой» на запад («вестернизированной»), всё чаще и явственнее позиционируя себя как «неРоссия». На этом фоне эволюционируют, трансформируются представления о границах не только «Евразии» (в понимании специфического в физико-географическом, этнокультурном и цивилизационном отношениях

¹ Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. С. 531–590.

² Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.

³ Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.

⁴ Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction. Wash, 1996. 214 p.

⁵ Halecki O. The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.

⁶ Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.

⁷ Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / Ред.-сост. Г. Б. Кремнев, Б. В. Межуев. М.: Европа, 2011.

макрорегиона¹), но и частично «перекрывающей» её пространство «Восточной Европы» (осмысленной как политическая и историческая данность только столетие назад)², оказывающейся ещё более разнородной, разделённой военно-политическими рубежами, «размытой», «вклинивающейся» в сердцевинные территории евразийского материка, захватывающей его обширные массивы. Сам же геоконцепт «Восточная Европа», при этом, устойчиво подменяется идеей-образом «Центрально-Восточной Европы» (выпестованной уже в геополитическом контексте 1990-х годов³).

Коррекции подвергаются и южные рубежи «Евразии», где с начала 2000-х выстраивается российско-турецкий стратегический альянс (неустойчивый, полный противоречий и сфокусированный главным образом на взаимных экономических интересах⁴), постепенно, фрагментами устанавливаются хозяйственные (на рынках энергоносителей, продовольствия, вооружений) и гуманитарные (в рамках Исламской Уммы) контакты России с ведущими арабскими державами (Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и др.), наблюдается геополитическое сближение с Ираном, возрастает (в том числе и благодаря опережающему экономическому росту⁵) геостратегическое значение тюркоязычных государств Средней Азии и Прикаспия. Данную ситуацию, кстати, ещё два десятилетия назад предчувствовал философ В. Л. Цымбурский, полагая, что образ Евразии постепенно откры-

---

¹ Каледин Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32–42.

² Межевич Н. М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.

³ Носков В. В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32.

⁴ Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 5–12.

⁵ Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.

вается от традиционной картоосновы, становится более смыслоёмким, приобретает ряд новых (геоидеологических и геокультурных) контекстов¹. Десятилетие назад, на основе отслеживания и анализа подобного рода метаморфозы, мной предложен геоконцепт **«многполюсной Мега-Евразии»**, объединяемой параллельно разворачивающимися экспансиями разномасштабных «центров силы», включая и доминирующую – евроатлантическую («западную»)². Значимые изменения в географическом контуре «Евразии» в последние годы констатировал и А. Г. Дугин, справедливо рассматривая и Турцию, и Иран в качестве её «ключевых игроков»³. Учёт историко-культурных «фундаментов» формирования евразийского пространства и при-сущих ему постсоветских изменений послужил основанием предложить (циклом недавно опубликованных мной работ⁴) видение «Евразии» как фактического триединства **«Сердцевинной Евразии»**⁵, **«Собственно Евразии»**⁶ и трансцивилизационной (русско-тюркско-арабо-персидской, православно-исламской) **«Расширенной Евразии»**⁷.

¹ *Цымбурский В. Л.* 1998. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. № 1–2.

² *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.

³ *Дугин А. Г.* Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

⁴ *Дружинин А. Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.; *Дружинин А. Г.* Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38.

⁵ Включающую Абхазию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, Украину (без её западных регионов) и Южную Осетию.

⁶ Помимо государств «Сердцевинной Евразии», включает Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Грецию, Кипр, Македонию, Румынию, Сербию, Черногорию.

⁷ Включает, помимо государств «Собственно Евразии», Афганистан, Бахрейн, Египет, Йемен, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Латвию, Ливан, Литву, Монголию, ОАЭ, Оман, Пакистан, Турцию, Саудовскую Аравию, Сирию, Эстонию.

Возникающая в итоге инвариантность (многомерность) образа «Евразии», равно как и выраженное ментальное «смещение» её географического контура на юго-восток, устойчиво подкрепляется и новыми крупными (порождёнными стремительным усилением геоэкономических позиций Китая, Индии, других «незападных» государств) форматами трансконтинентальной интеграции, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (с 2001 года), а также инициативу «Один пояс – один путь» (озвученную Председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года), не без основания рассматриваемую китайскими коллегами¹ как новый интеллектуальный горизонт экономической глобализации.

Созвучное геоэкономическим и геополитическим изменениям расширение и усложнение сферы потенциально-возможной области применения категории «Евразия», равно как и возрастающая её многогранность – протекают в ситуации резко активизировавшейся конкуренции государственных, этнонациональных, социально-групповых географических картин мира и, соответственно, перманентного **«противостояния» геоконцептов, в том числе в форме их «замещения».**

Так, в доминирующем ныне мировосприятии (и в русскоязычной, и в англоязычной среде) «Евразия» заметно уступает позиции геоконцепту «Россия» (Russia), что, в частности, хорошо иллюстрируемо соотношением результатов соответствующих запросов в основных поисковых системах Интернета (табл. 2).

Весьма серьёзным «концептом-конкурентом» Евразии выступает и культивируемая (несколько последних лет – активно) идеология «Русского мира» – как «пространства смыслов, духовных символов и особого социально-культурного развития»², «остаточного единства цивилизационных, культурных, социальных, семейных, производственных, инфраструктурных, экономических

---

¹ Liu W. D. Scientific understanding of the Belt and Road Initiative of China and related research themes // Progress in Geography. 2015. 35(5). 538–544.

² Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире. – М.: ВРНС, 2015.

Таблица 2

**Число результатов по запросам «Евразия», «Европа» и «Россия»
в основных поисковых системах
(в русскоязычной и англоязычной среде), млн***

	Яндекс	Google	Rambler	Yaho
Евразия	3,0	27,4	27,0	0,9
Eurasia	4,0	62,7	33,0	12,9
Европа	40,0	177,0	75,0	8,3
Europe	40,0	7230,0	41,0	60,5
Россия	105,0	1220,0	129,0	31,6
Russia	125,0	1700,0	125,0	47,1

*на 23.08.2019 г.

связей, существующих невзирая на границы, прочерченные с распадом СССР»¹. Определённой контрверсией «евразийской идее» становятся и различного рода изоляционистские интеллектуальные настроения (созвучные пониманию современной России как «острова»²): акцент на «одинокость» страны, отсутствие у неё каких-либо устойчивых союзнических отношений и обязательств³. При их декларировании, замечу, игнорируется не только ширящаяся (и углубляющаяся) включённость Российской Федерации, её хозяйствующих субъектов и в целом территориальной общности в общеевразийскую динамику, но и «евразийская» сущность самой России, её поликонфессиональность, полиэтничность, возрастающая зависимость значимой части её регионов («от Калининграда

¹ Аверьянов В. (автор-составитель), Баранов С., Гапоненко А., Елисеев А., Комогорцев А., Стариков А. Доктрина Русского мира. Доклад Изборскому клубу. [Электронное издание] <https://izborsk-club.ru/10269#a2> (Дата доступа – 4.12.2018).

² Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

³ Силаев Н., Сушенцов А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии. Валдайская записка № 66. Апрель, 2017. [Электронное издание] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/16328/> (Дата доступа – 4.12.2018).

до Владивостока»¹) от трансграничных, транснациональных контактов, необходимость их развития, пролонгации.

В условиях современного геоэкономического и геополитического «переформатирования» Евразии весомым дополнением (и альтернативой) традиционной «евразийской идеи» (своеобразным её геополитическим противовесом²) становится и концепт «Тюркского (Турецкого) мира – Türk Dünyasi», продвигаемый не только в Турецкой Республике, но и в некоторых постсоветских государствах, включая и одно из стратегически значимых для России – Казахстан (показательна в этом отношении сравнительно недавно опубликованная статья Н. Назарбаева «Семь граней Великой Степи»³, апеллирующая напрямую к туранизму, к особой роли Казахстана как прародины тюрков – «*Қара шаңырақ*»).

Характерно, что на фоне всей этой «перестраиваемой» и «перенастраиваемой» иерархии «евразийских» геоконцептов – сама постсоветская (и шире – общеевразийская) реальность неумолимо видоизменяется, обретая и новые общественно-географические структуры, и соответствующий им интеллектуальный формат.

---

¹ Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28; Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авт.; отв. ред. акад. РАН П. Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.

² Кефели И. Ф. Геополитические риски и шансы в процессе становления «Большого евразийского партнёрства» // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 38–46.

³ Назарбаев Н. Семь граней Великой степи [Электронное издание] http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (Дата доступа – 22.11.2018).

1.3. От «Евразии» к «Большой Евразии»: контур новой реальности

В последнее десятилетие евразийский материк выступает ареной масштабных, кардинальных (подобных «тектоническому сдвигу»¹) геоэкономических и геополитических изменений, с рубежа 2015–2016 гг. всё чаще в отечественном научном дискурсе соотносимых с формированием «Большой Евразии». Предвосхищая, акцентируя и в огромной мере программируя *новую евразийскую реальность*, данный геоконцепт последовательно обретает (в том числе и в связи с манифестацией «большого Евразийского партнёрства» в выступлении Президента РФ 17 июня 2016 года на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге) ипостась, пожалуй, ключевой (и наиболее «модной») категории современной российской геоэкономики и геополитики; симптоматично, что к концу 2019 г. национальная библиографическая база E-library вмещала уже более 65 тысяч публикаций с соответствующим словосочетанием. Столь стремительное и широко-масштабное «укоренение» в общественном сознании нового (радикально видоизменившегося) инварианта «евразийской идеи» парадоксальным образом сочетается с сохраняющейся «размытостью» концептуального контура «Большой Евразии», с вариативностью, зыбкостью представлений о месте и роли в данном интеграционном формате собственно Российской Федерации, её регионов.

В современном научном дискурсе «Большая Евразия» воспринимается преимущественно как:

---

¹ Шупер В. А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.

- «концепция, задающая интеллектуальную рамку для взаимодействия государств континента»¹;
- некий ареал международного сотрудничества на евразийском материке, пространство, конструируемое и организуемое «трансматериковыми коммуникациями или коридорами, а также коридорами регионального характера (субконтинентальными), связывающими отдельные регионы России с прилегающими странами»²;
- «региональное или макрорегиональное международное сообщество, в основе которого лежат не история или цивилизационная общность и даже не количество экономических проектов и взаимозависимость, а особое качество и интенсивность политических отношений между образующими его государствами, прежде всего между Россией и Китаем»³;
- структура, инициированная необходимостью «объединения усилий для противостояния вызовам «коллективного» Запада» и чей экономико-географический смысл «состоит в строительстве долгосрочной и устойчивой континентальной евразийской интеграции посредством активизации международных хозяйственных связей и сооружения транспортных коридоров, что тем самым содействует преодолению транспортно-коммуникационных ограничений ультраконтинентальных стран и районов»⁴.

---

¹ Вперед к Великому океану – 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе / Под ред. С. А. Караганова, Т. В. Бордачева. М., 2018.

² Вардомский Л. Б. Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 146.

³ Суслов Д. В., Пятчкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 16.

⁴ Безруков Л. А. Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 253.

Многообразие определений и их существенный содержательный «разброс» – не случайны, поскольку феномен «Большой Евразии» – многомерен, динамичен, противоречив, масштабен. Хотя соответствующий геоконцепт и генерирован именно в нашей стране, ориентирован на её геоэкономические и геополитические реалии, базируется на российской интеллектуальной традиции – системными факторами и проявлениями своего пространственно-временного бытия «Большая Евразия», разумеется, не сводима ни собственно к России, к Российской Федерации, ни к текущим, конъюнктурным особенностям и проблемным моментам её евразийского позиционирования.

Хронологически – это, вне сомнения, явление *исторической долговременности* (*longue durée* по терминологии Ф. Броделя¹), чьи фундаментальные предпосылки спонтанно и, казалось бы, вне заметной связи между собой складывались на пространстве материка Евразия практически всю вторую половину прошлого столетия. Имеется в виду и создание (по итогам Второй Мировой войны) возглавляемой СССР военно-политической и экономической группировки (обширнейшей по площади, временами охватывавшей до 64 % территории евразийского материка), и провозглашение Китайской Народной Республики (1949 г.), и относящийся к тому же периоду «лавинообразный» распад ранее доминировавших в южной и юго-восточной Азии колониальных империй с одновременным появлением множества самостоятельных (в большинстве своём «полузависимых»², а точнее – «полизависимых»³) государств, функционирующих в условиях смены сложившейся бицентрической модели мироустройства на моноцентрическую (её «центр», при этом, оказался экзогенен

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Весь мир, 2007. 551 с.

² Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 299–430.

³ Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

Евразии) и, затем, вновь экономически мотивированной реэмиссии бицентризма¹ уже в обновлённой конфигурации.

Фактором долгосрочных евразийских трансформаций явились также евроинтеграционные процессы, равно как и резко проявившийся в большинстве европейских государств (а с начала 1970-х гг. и во многих регионах СССР²) демографический переход, спровоцировавший кардинальные видоизменения сложившихся ранее геодемографических пропорций, в результате чего, в частности, за 1950–2018 гг. доля «Европы» (куда статистики ООН относят и Россию) в совокупном населении евразийского материка сократилась фактически вдвое (с 27 до 14 %), инициируя соответствующие экономические и этнокультурные «сдвиги».

Особо мощный, зримый импульс пролонгированный (и до определённого рубежа – неявный) процесс становления «Большой Евразии» (в её рельефно просматриваемых ныне форматах) получил с конца 1980-х – начала 1990-х годов в связи с активизацией глобализационных процессов и, одновременно – распадом Советского Союза, существенно лимитировавшим геостратегические возможности России, запустившим процесс «сжатия» сферы влияния русской культуры и де-факто превратившим постсоветское пространство в подобие «Великой шахматной доски» (согласно известной метафоре З. Бжезинского), на которой свою активность стали проявлять всё новые и новые (как экзогенные, так и внешние) «фигуры».

Современное положение России в Евразии – двойственно, противоречиво. В российской юрисдикции ныне около 31 % площади материка («дикая природа» занимает, при этом, более 10 млн км² или почти 59 % территории страны³), но лишь 2,7 % его населения; бази-

---

¹ *Иноземцев В.* Возвращение «Больших стратегий» <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (Дата доступа – 9 ноября 2018 г.)

² *Народонаселение стран мира. Справочник / под ред. Б. Ц. Урланиса. М.: Статистика, 1978. 527 с.*

³ *Бочарников В. Н.* Геопространство «дикой природы» России // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. С. 165–174.

рующаяся на богатейшем природно-ресурсном потенциале (первое место в мире по запасам природного газа, древесины, каменного угля, железных руд, второе – по нефти, третье – по площади пашни¹) российская экономика (в рейтинге евразийских держав – четвёртая), структурно деформированная (почти 65 % объёма российского экспорта в настоящее время приходится на топливно-энергетические товары, 10,1 % – на металлы и 5,2 % – на сельскохозяйственное сырьё, в первую очередь зерно), по многим направлениям утратившая технологическое лидерство² – в пространственном отношении является архипелаг полупериферии³, «утопающий» в своей же собственной периферии. Сохраняя облик «страны-гиганта»⁴ со всё ещё масштабным (частично растраченным в постсоветский период) геоисторическим наследием и вновь усилившимся в последнее десятилетие военно-стратегическим влиянием (по оценке С. Караганова Россия де-факто – крупнейший поставщик безопасности в мире⁵), Российская Федерация выступает не только одним из субъектов, но и, фактически, важнейшим субареалом охвативших Евразию «больших» геополитических, геоэкономических и геокультурных трансформаций.

Будучи страной «многососедской»⁶, соприкасающейся с сопредельными евразийскими государствами «разными частями своего огромного неоднородного тела»⁷, Россия пребывает ныне в высо-

¹ Нефёдова Т. Увидеть Россию // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 76–89.

² Поляков В. Сырьевая ориентация российского экспорта // МЭ и МО. 2006. № 1.

³ Нефёдова Т. Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 21–34.

⁴ Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

⁵ Караганов С. Мир на вырост // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-na-vyrost-19357> (Дата доступа – 22.03.2018).

⁶ Трейвиш А. И. Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В. А. Колосова. М., 2000. С. 56–71.

⁷ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: Государственный университет «Высшая школа экономики», 2000. С. 311.

кой (всё возрастающей) степени зависимости от экономической динамики других ведущих не только европейских, но и азиатских государств, от доступности их целевых (для наших хозяйствующих субъектов) рынков. По последним данным Федеральной таможенной службы (за январь-сентябрь 2019 года) на долю государств материка Евразия приходится порядка 94 % совокупного внешнеторгового оборота Российской Федерации (31 % – непосредственно на страны, имеющие общую с Россией сухопутную границу). Характерно, при этом, что транспортнoёмкость хозяйства России выше, чем в Северной Америке, Японии и Западной Европе соответственно в 4, 13,3 и 17 раз¹; на преодоление «транспортной зависимости»² России и перманентное (пока достаточно успешное³) совершенствование транспортно-географического положения ориентирована подавляющая часть её крупнейших инфраструктурных проектов. Ситуация усложнена тем, что практически в унисон геоэкономической ритмике Евразии и трансформации её геополитической архитектуры наша страна последние три десятилетия вынуждена непрерывно видоизменять, пересматривать, «донастраивать» свои внешнеэкономические приоритеты и, соответственно, узлы и «коридоры» межстранового взаимодействия. Так, в частности, неуклонно (хотя и нелинейно, с разными скоростями) идёт процесс ослабления «присутствия» России в постсоветских государствах – фактически, уход (отчасти и «вытеснение») её из традиционно понимаемого «евразийского пространства». Если в 1990 г. на долю стран «ближнего зарубежья» приходилось 57 % внешнеторгового оборота России (70 % экспорта и 47 % импорта⁴), то сейчас лишь 13,6 % (доминантой данного про-

¹ Социально-экономическая география зарубежных стран. М.: Дрофа, 2001. 560 с.

² *Потоцкая Т. И.* Геополитический аспект современного транспортногеографического положения России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 5–17.

³ *Radvanyi J.* Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017. № 166–167. Pp. 113–132.

⁴ *Трейвиш А. И.* Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В. А. Колосова. М., 2000. С. 56–71.

цесса с 2014 года выступает кризис на Украине и деградация хозяйственных связей РФ с этой страной, где, одновременно, усиливается присутствие ЕС¹). На фоне некоторых позитивных эффектов в рамках «стартовавшего» 1 января 2015 года Евразийского экономического союза (на объединившиеся в этом формате государства приходится лишь 3,4 % ВВП Евразии) Россия всё в большей мере вынуждена учитывать возрастающее присутствие Китая² на потребительских и инвестиционных рынках тюркоязычных государств Центральной Азии и Южного Кавказа, в последние годы, кстати, демонстрирующих опережающую экономическую динамику (доля стран Центральной Азии и Азербайджана в общем ВВП СНГ по номиналу увеличилась с 10,5 % в 2005 г. до 19,2 % – в 2015 г., по паритету покупательной способности – с 12 до 18,4 % соответственно³). На этом фоне к середине «нулевых» годов своего апогея достигла (в дальнейшем устойчиво снижаясь) степень хозяйственной взаимозависимости РФ и ЕС (доля Евросоюза во внешнеторговом обороте России за 2008–2019 гг. сократилась на 11,8 процентных пункта, достигнув к первой половине 2019 года 42,2 %); в последнее десятилетие столь же трендово возрастает интерес российского бизнеса к сотрудничеству с Китаем (за 2008–2019 гг. доля этой страны во внешнеторговом обороте РФ возросла с 7,8 до 15,8 %), с иными сложившимися (и формирующимися) евразийскими геоэкономическими доминантами.

Можно бесконечно долго дискутировать об основополагающем значении для формирования «Большой Евразии» именно стратегического партнёрства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но нельзя одновременно не признать – именно благодаря «фактору Китая» у Евразии появилась новая

---

¹ Дружинин А. Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.0

² Минакир П. А. В поисках пространственной гармонизации // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 7–15.

³ Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.

общеконтинентальная геоэкономическая доминанта и реальная интеграционная альтернатива (всё более уравнивающая «западоцентрированные» векторы глобализации и, параллельно высвечивающая маломощность, зыбкость, лимитированность как тюрко-, так и россиероцентрированных евразийских форматов). Сам же евразийский материк, демонстрируя устойчиво нарастающую (подкрепляемую страновыми особенностями демографической и экономической динамики – табл. 3 полицентричность (наличие множественности «евразийских региональных держав») – зримо укрепил позиции в планетарном масштабе.

Таблица 3

Топ-20 крупнейших (по численности населения) государств Евразии: демографическая и экономическая компаративистика*

	Численность населения, млн чел.	Плотность населения чел. / км ²	ВВП (ППС), млрд долл. США	Плотность экономики** тыс. долл. / км ²	Рост ВВП за 2017 год, %	Число деторождений на 1 женщину, ед.
Китай	1349	148	23160	2485	6,9	1,60
Индия	1282	431	9459	3181	6,7	2,43
Индонезия	260	144	3233	1784	5,1	2,11
Пакистан	205	266	1057	1371	5,3	2,62
Бангладеш	158	1213	687	5277	7,1	2,17
Россия	146	8,9	4018	245	1,5	1,61
Япония	126	346	5429	14894	1,7	1,41
Филиппины	104	349	876	2937	6,7	3,02
Египет	97	97	1201	1206	4,2	3,47
Вьетнам	96	310	647	2087	6,8	1,81
Иран	82	53	1645	1074	4,3	1,97
Турция	81	105	2173	2823	7,0	2,01
Германия	80	229	4171	11962	2,5	1,45
Таиланд	68	133	1234	2415	3,9	1,52

* по данным <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html>.

** ВВП по ППС на площадь государства (без площади находящихся в юрисдикции государства морских акваторий).

Продолжение табл. 3

	Численность населения, млн чел.	Плотность населения чел. / км ²	ВВП (ППС), млрд долл. США	Плотность экономики** тыс. долл. / км ²	Рост ВВП за 2017 год, %	Число деторождений на 1 женщину, ед.
Франция	67	105	2836	4428	1,8	2,07
Великобритания	66	273	2914	12045	1,8	1,88
Италия	62	211	2311	7856	1,5	1,44
Мьянма	55	82	238	502	6,7	2,17
Южная Корея	51	526	2039	20934	3,1	1,95
Испания	49	98	1747	3501	3,1	1,5

Показательно, в частности, что если в 2000 г. на долю совокупности всех евразийских стран приходилось 62 % глобального ВВП (по официальному обменному курсу), то в 2018 г. – более 64 % (суммарный ВВП государств Евразии по ППС, при этом, эквивалентен 69 % от общемирового показателя¹). Катализируя новые интеграционные процессы и стимулируя («переформатируя») трансконтинентальные товаропотоки, подобная динамика порождает не только нарастающий дефицит базовых ресурсов (сопровождающийся обостряющейся, зачастую латентной борьбой за территории, сферы влияния), но и, кстати, инициирует дальнейший рост интереса к доминированию на континенте глобалистских сил, к «сдерживанию» ведущих евразийских геополитических и геоэкономических акторов (включая и Россию). Современная геоэкономика (важнейший итог и инструмент глобализации), тем не менее, перестала быть прерогативой Запада², а на фоне обозначившегося перехода от англо-американского к ази-

¹ Дружинин А. Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38.

² Гленн Дизен. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки. № 63. Март, 2017. 12 с.

атскому мирохозяйственному укладу¹ сам материк, чье геополитическое положение тоже кардинально видоизменилось² – всё заметнее перерождаться в усиливающийся центр многостороннего сотрудничества³. В итоге, возникшее с распадом СССР преимущественное доминирование на евразийском пространстве единой центр-периферийной системы явило свою транзитивность (именно сейчас мы можем в полной мере оценить один из базовых постулатов Л. Н. Гумилёва: глобальное доминирование Запада – это лишь исторический эпизод⁴) и стало замещаться вновь проявившимся фактическим многообразием зачастую альтернативных интеграционных форматов. Их пульсирующая активность и возрастающая конкуренция инициировали дезинтеграционные процессы, сепаратизм, ревизию внешнеполитических доктрин (включая переход к практике «проектных альянсов», когда меняется сама природа союзничества в международных отношениях⁵, трансформацию идентичностей, экономический протекционизм, национализм. Но именно в данном усложняющемся (характеризуемой нарастающей турбулентностью) контексте, когда Китай начал свой «марш на Запад»⁶ и, почти синхронно, вызревала, воплощаясь в геоидеологию, в управленческие решения, идея «поворота на восток» в России⁷ – всё чётче стал проявляться

¹ Глазьев С. КНР как новый глобальный лидер // Доклад Изборскому клубу. 2015. [Электронное издание] <https://izborsk-club.ru/7581> (Дата доступа – 20.11.2018).

² Гаджиев К. Большие трещины на «Великой шахматной доске». Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 1, т. 61. С. 29–42.

³ Кацусигэ Кобаяси. Кто хозяин либерального мирового порядка? Трансформация Евразии и новая парадигма международных отношений // Валдайские записки № 77. Ноябрь, 2017. 10 с.

⁴ Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.

⁵ Силаев Н., Сушенцов А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии. Валдайская записка № 66. Апрель, 2017. [Электронное издание] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/16328/> (Дата доступа – 23.11.2018).

⁶ Yun Sun. March West: China's Response to the U. S. Rebalancing. January 31, 2013. Pp. 23–45.

⁷ Караганов С., Макаров И. Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] <http://svop.ru/main/14175/> (Дата доступа – 06.02.2015).

масштабный, сложный, неявный, незавершённый, **пространственный** контур «Большой Евразии», не вписывающийся ни в «материковый» физико-географический формат, ни в десятилетиями культивируемые, укоренённые в пласты российского сознания и всё менее адекватные современным реалиям представления о «евразийском пространстве».

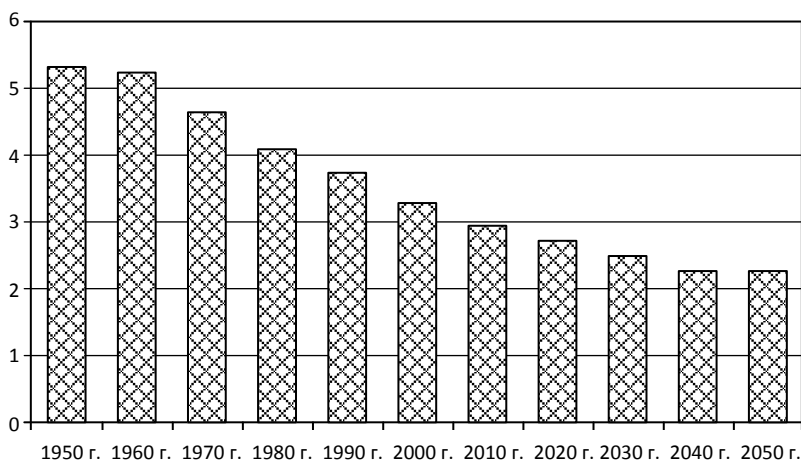
Традиционно, в силу интеллектуальной инерции Россия в «Большой Евразии» всё ещё воспринимается некоторыми¹ как её «место сборки», а российско-китайские взаимодействия (вышедшие на авансцену под воздействием конъюнктуры, ситуации, когда по выражению Т. В. Бордачёва обе державы «особо нуждаются в солидных и дружественных внешних опорах»²) – как её доминантный «скреп». Однако, в реалиях, Российская Федерация по итогам 2018 года обеспечивает лишь 3 % (в 2017 г. – 2,2 %) от всего совокупного китайского импорта и, в свою очередь, «принимает» чуть около 2 % глобального экспорта товаров из Китайской Народной Республики; подобная геоэкономическая «связка» существенно уступает, к примеру, широкомасштабным взаимодействиям КНР со странами ЕС (на одну лишь Германию приходится 5 % китайского импорта и 3 % экспорта). Отмечу также что стремительный, во многих ситуациях существенно опережающий среднемировые темпы экономический и демографический рост во многих ведущих евразийских государствах зримо контрастирует с российскими реалиями. Ещё три десятилетия назад на РСФСР приходилось порядка 5,5 % мирового ВВП³; ныне, на современную Россию, – около 3 %. «Сжатие» экономического пространства страны дополняется её демографическим «опустыниванием» (за 1900–2010 гг. доля России, в

¹ Бляхер Л. Фронтир будущего // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Frontirbuduschego-19738> (Дата доступа – 18.11.2018).

² Бордачёв Т. Россия и Китай в Большой Евразии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки. № 50. Июнь, 2016. 15 с.

³ Никитченко А. Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] <http://regnum.ru/news/economy/2087555.html> (Дата доступа – 2.03.2016).

её современных территориальных «рамках», в мировом населении снизилась с 4,5 до 2 %; к 2050 году данный показатель, согласно авторским расчётам, не превысит 1,7 %. Только за последние 70 лет удельный вес России в населении Евразии уменьшился вдвое. Если ориентироваться на демографический прогноз ООН, в ближайшие 50–60 лет Россия и в евразийском, и в глобальном масштабе будет являть собой (и восприниматься) как ареал депопуляции (рис. 1).

Рис. 1. Удельный вес России в населении Евразии, %

Негативные (для России) структурные (экономические и демографические) изменения в пространстве Евразии сочетаются с пролонгированными конфессиональными подвижками, характеризующимися, прежде всего, расширением сферы влияния Исламской Уммы, наиболее ощутимым в Западной Азии (к 1910 г. мусульмане составляли более 75 % ее населения, столетие спустя их «вес» вырос на 13 процентных пунктов¹), приближенной к основным селитебным и инфраструктурным узлам и полосам Российской Федерации.

¹ Горохов С. А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. С. 107–116.

Выраженная доминанта «мусульманской составляющей» прироста демографического потенциала характерна, впрочем, и для всей Евразии¹. Складывающийся контекст, с одной стороны, создаёт мотивацию для как можно большей диверсификации (и пространственному «удлинению», выходу за традиционные ареалы транснациональных, трансграничных контактов) культурных, политических и экономических связей нашей страны, с вовлечением в них максимально возможного числа евразийских государств (относящихся к самым различным этническим и конфессиональным сообществам). С другой, реалии «Большой Евразии», инициируют пересмотр сложившихся ранее (в ином геополитическом и геокультурном контексте) представлений о позиционировании России, русской культуры, характере её взаимодействия с другими этнокультурными системами (с необходимым, в последнее время лишь обозначившимся² отходом от панславизма и панортодоксии), о российском регионализме. Последний, замечу, уже нельзя адекватно воспринимать, игнорируя, в частности, этнокультурную и конфессиональную специфику Северного Кавказа (на этот макрорегион приходится, в частности 67 % общероссийской квоты на Хадж), либо наличие многочисленных (12) «тюркских» регионов (23,9 % территории Российской Федерации и 12,6 % её населения). Новые реалии, характеризующиеся превращением не только в целом евразийского пространства, но и собственно самой Россию в арену активизирующейся геокультурной, цивилизационной конкуренции – одновременно продуцирует у части россиян «островное» мировоззрение³, самоощущение «одиночества полукровки»⁴, всё более замыкающегося в сжимающихся

¹ Дружинин А. Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.

² Туровский Р. Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 99–117.

³ Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

⁴ Сурков В. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinchestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.03.2018).

(наподобие шагреновой кожи) границах «Русского мира» (по определению Патриарха Кирилла – пространства смыслов, духовных символов и особого социально-культурного развития¹).

Кстати, размышляя о стране и её грядущей судьбе, В. Л. Цымбурский ещё два десятилетия назад уподобил Россию «евразийской Атлантиде», пребывающей в полукольце Великого Лимитрофа и рискующей потонуть в его поднимающемся приливе². «Большая Евразия», как видится, предоставляет нам, россиянам, шанс оказаться органичной частью этого «прилива» и, следовательно – остаться «на плаву». При этом нельзя игнорировать значимое обстоятельство: ко второй половине XX столетия начал проявляться судьбоносный для страны геостратегический «разворот»: **переход от освоения Евразии к освоению Евразией**. Выстраиваемое «большое евразийское партнёрство», полагаю, катализирует, рельефнее высветит данную мегатенденцию, когда само сохранение России (как значимой в масштабе материка территориальной социально-экономической структуры) будет напрямую связано с её фундаментальными, многоаспектными (характер связей с другими, в том числе и сопредельными государствами, этнокультурные характеристики, центр-периферийное устройство страны и её региональная политика), созвучными логике и трендам формирования «Большой Евразии» изменениями.

Проходя через ритмику геоэкономической и геополитической конъюнктуры и, соответственно, по терминологии выдающегося теоретика географии Девида Харви³, сталкиваясь с «закреплением» («фиксацией») пространства и, на этой основе, всё новым и новым его «производством» – наша страна устойчиво несёт издержки (ложась, в конечно итоге, на государственный бюджет, на домохозяйства, сопровождаемые деградацией «человеческого капитала», социальной инфраструктуры, систем расселения) на

---

¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире. М.: ВРНС, 2015.

² Цымбурский В. Л. «От великого острова Руси...» к прасимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1997, № 6. С. 34–56.

³ Harvey, D. (1972): Revolutionary and Counter Revolutionary Theory in Geography and the Problem of Ghetto Formation. Antipode 4 (2), 1–13.

«доформирование», «доразвитие» своей ориентированной на внешнюю коммуникацию магистральной инфраструктуры, на столь необходимое (в заметно возросшей геополитической турбулентности) военно-силовое, экономическое и гуманитарное присутствие на евразийском пространстве. В итоге в формирующейся «Большой Евразии» всё более **вырисовываются перспективы «срединно-периферийного» позиционирования России**, ситуации, когда важнейшие для неё целевые рынки, сервисно-технологические центры, продуценты моды и стиля (в том числе интеллектуального, поведенческого), аттрактивные (для состоятельных страт) селитебно-рекреационные территории – оказываются вне российской юрисдикции, вся социально-экономическая система обретает гипертрафированную «экстравертность», а каналы коммуникации с экзогенными хозяйственными системами превращаются узловой, жизненно необходимым компонент территориальной организации страны. При этом для Российской Федерации (и выстраиваемого нашей страной собственного «евразийского проекта») существуют риски не только оказаться на периферии «большой» евразийской интеграции, но и в существенной мере «раствориться» в «Большой Евразии», в её фрагментированном (в культурном, этноконфессиональном отношении) и асимметричном (экономически и социально-демографически) пространстве. В этой связи сложно не согласиться с точкой зрения, что «Россия может оказаться в числе бенефициаров становления Большой Евразии. В то же время существует вероятность оказаться в этом процессе основным магнитом рисков и угроз»¹.

В этом достаточно противоречивом для страны контексте (усугубляемом низкой эффективностью современной российской политико-экономической системы) и наблюдается складывание «Большой Евразии», инициируемое разнородными, в огромной массе случаев противоречащими друг другу интересами глобаль-

---

¹ Ефременко Д. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. <https://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478>.

ных и региональных «центров силы» (государств, аффилированных с ними ведущих бизнес-структур, крупнейших городов). В этом плане оформившаяся в России условиях обозначившегося радикального пересмотра её базовых геостратегических приоритетов и ориентиров *идея «Большой Евразии»* (изначально «россицентрированная», нацеленная на достижение общеевразийского экономического и политическолого позитива¹ и акцентирующая приоритет «сопряжённости» китайско-российских интеграционных инициатив) заметно контрастирует (и диссонирует) с собственно *евразийской реальностью*, многомерной и «многослойной» (не сводимой, в частности, лишь к России и Китаю²) выстраиваемой в жёсткой борьбе блоковых, страновых и корпоративных интересов, полной неопределённости, противоречий, «разломов», рисков.

Формируемая перманентно «донастраивающимся» геополитическим балансом и конъюнктурными (столь же недолговечными) геоэкономическими «скрепами», «Большая Евразия» проявляет себя как совместное геоисторическое наследие евразийских государств, как территориально очерченное бывшее, современное и, даже, перспективное взаимопересечение их геоэкономических и геополитических интересов. Она конструируется трансграничными транспортно-логистическими коридорами, регионами, рынками, потоками, организуется взаимодействием сетей и иерархий «архипелагов» крупнейших городов-метрополий (общенациональных и региональных центров), выкристаллизовывается ареалами расселения диаспор и локалитетами с интенсивным этнокультурным замещением. «Большая Евразия» – это, иначе, пролонгированная, переменчивая по своим векторам и многообразная по проявлениям мегатрансформация (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная) мегаконтинента. Она формиру-

---

¹ Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии. Мировая экономика и международные отношения, 2018. № 4, т. 62. С. 5–24.

² Иноземцев В. Возвращение «Больших стратегий» [Электронное издание] <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (Дата доступа – 9 ноября 2018 г.).

ется (в том числе и ментально) не «взамен» традиционно пестуемой отечественной научной мыслью «Евразии», не в качестве её контверсии, а лишь как новый «пласт» полимасштабной и архисложной евразийской реальности.

Если в своём «классическом», утвердившимся в России понимании «Евразия» – это некий ареал, целостное «месторазвитие», то «Большая Евразия» являет собой, полагаю, не только иной масштаб, но и иную архитектуру общественно-географической реальности. Совмещая элементы «территориальности», транстерриториальности и «надтерриториальности» (правы авторы, полагающие, что «Большая Евразия» не сводится к представлениям о «хартленде», а пространственный фактор не может считаться единственной детерминантой происходящих преобразований¹), она выступает не столько «ареально-площадным», сколько линейно-сетевым (по терминологии И. М. Маергойза²) феноменом, выстраиваемым как бы «поверх» ранее сложившейся социально-экономической и политико-территориальной «мозаики» евразийского материка. Для «евразийского пространства» (столетиями формировавшегося и лишь частично дезагрегированного в постсоветский период) – «Большая Евразия» представляет собой в огромной степени внешний контекст (фактор), равно как и прототип возможной (вещающей «старую Евразию» в качестве одного из компонентов) суперсистемы.

Современная Россия в масштабе «Большой Евразии» – уже, безусловно, и не во всём её «Хартленд» (каковой она воспринималась ещё три десятилетия назад благодаря не только военной мощи СССР, но и его интеллектуальному и технологическому лидерству, а также поистине глобальной привлекательности идей социализма). Как это симптоматично подмечает А. В. Кортунов в

---

¹ *Ефременко Д.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. <https://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478>.

² *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 236 с.

одной из недавних своих работ, «евразийский Хартленд XXI века находится там, где Маккиндер видел «Внутренний полумесяц». В первую очередь, на территориях Китая и Индии, по отношению к которым остальные части евразийского массива – Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяжённый европейский полуостров азиатского материка – выступают в роли континентальных лимитрофов»¹.

«Большая Евразия», в итоге, – это не просто укореняющийся в научном дискурсе конъюнктурный вербальный конструкт, либо геополитически мотивированная модная идея, но и особый формат (и масштаб) стремительно меняющейся евразийской реальности, требующий своего как всестороннего осмысления, концептуализации, так и «донастройки», конструирования. Познавая архитектуру «Большой Евразии», отслеживая и анализируя её тренды, учитывая их влияние на компоненты российского пространства и, соответственно, в ещё большей (чем ранее) мере осознавая евразийскую сущность и судьбу России, настоятельную для неё необходимость (адаптируясь к трансконтинентальным инновациям) прочерчивать, выстраивать (концептуально, политически, инвестиционными решениями и экономическими альянсами) «собственный» евразийский проект, – очень важно чётко понимать, что «самое дорогое строительство – это строительство воздушных замков»². Формирующаяся «Большая Евразия» сулит Российской Федерации не только новые геостратегические возможности, но и фундаментальные риски, инициирует очередной «виток» её общественно-географических метаморфоз, требует ресурсной и интеллектуальной сверхмобилизации.

---

¹ *Кортунов А. В.* Воссоединение хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 344–356.

² *Шупер В. А.* Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 8.

**2. СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ВЫЗОВЫ**

2.1. «Москвоцентричность» Российской Федерации: евразийские эффекты и проекции

В современной России (в в постсоветских трансформациях обретшей ещё более выраженную ипостась «архипелага немногих центров в океане периферии»¹) 34 субъекта Федерации генерируют душевой объём валовой добавленной стоимости ниже среднемирового (эквивалентного \$17500 по ППС в 2017 г.²); в подавляющей части российских территорий (в 57 регионах) наблюдается, при этом, устойчивый отток населения: отрицательное сальдо миграции имеет место в 9 из 11 субъектах Дальневосточного федерального округа, в 7 из 10 – Сибирского, 11 из 14 – Приволжского, 6 из 7 – Северо-Кавказского... На этом фоне лишь в шести регионах страны (включая и Москву) аккумулируемый ВРП сопоставим с показателем США и Швейцарии. Концентрируя 10,3 % населения нашей страны, шестёрка её «высокоразвитых» регионов, привлекает (по статистике за 2017 год³) 27 % всех инвестиций в основной капитал и располагает 24 % от совокупного объёма доходов бюджетов субъектов Российской Федерации. Особую, в последние годы гипертрофированную, роль в российском пространстве, при этом, играет Москва⁴,

---

¹ Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

² The World Factbook [Электронное издание] <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html> (Дата доступа – 11.01.2018).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. 1402 с.

⁴ Дружинин А. Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.

и для огромной, разнообразной по своим природным, хозяйственным и этнокультурным характеристикам страны, пребывающей в череде сложных внутренних метаморфоз и вынужденной перманентно адаптироваться к динамично меняющемуся евразийскому геополитическому и геоэкономическому контексту – подобная ситуация, порождая позитивные возможности, сулит риски, продуцирует новые вызовы.

«Возвышение» Москвы, неизменно связанное с формированием и развитием России в её современных (начиная с XV–XVI вв.) политико-территориальных и этнокультурных форматах, протекало первоначально под преимущественным влиянием военно-политических и конфессиональных факторов (симптоматична характеристика Москвы эпохи первичного «собирания земель» как «военно-монашеской»¹). На фоне становления централизованного государства и присущей тому периоду фактически первой по своей хронологии *общероссийской поляризации* (сопровожаемой интенсивным стягиванием культурного потенциала в Москву²) столица на три столетия превратилась в безусловную общенациональную демографическую и экономическую доминанту. Уже к концу XVI в. численность её население превысила 100 тыс., тогда как во «втором» городе (Новгороде) – не достигала 26 тысяч³, хотя столетием ранее демографический потенциал этих двух ведущих городских центров был примерно равен. И хотя в 1712 г. Москву лишили подавляющей части столичных функций, а четыре десятилетия спустя (вплоть до 1918 года) она оказалась второй и по показателю людности, *«историческая колея» московцентричности российского пространства* (институты, инфраструктура, селитебная система, локализация хозяйственной активности и др.) была уже прочерчена основательно, предопределив как последу-

---

¹ Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.

² Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.

³ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времён Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.

ющую, пришедшую на вторую половину XIX столетия и далее, опережающую (в сопоставлении с Санкт-Петербургом) динамику города, так и отнюдь не конъюнктурное решение советского правительства о возвращении ему статуса столицы. Отметим, также, что вплоть до первой половины XX столетия «москвоцентричность» проявлялась преимущественно в политико-территориальной, культурно-ментальной и, отчасти, хозяйственной сферах, не деформируя кардинальным образом селитебную сеть страны, не воздействуя напрямую на повседневность основного массива её преимущественно сельских жителей. Показательно, что к концу XVII столетия (если исходить из имеющихся демографических оценок¹) удельный вес столицы в совокупном населении страны составлял 3,5 %; согласно данным первой всеобщей переписи 1897 г. этот показатель для Москвы оказался ещё ниже – 0,8 % (6,2 % городского населения); доля «двух столиц» не превышала, при этом, 1,8 % (или 12,7 % от всего числа горожан Российской Империи). Доминанта «главного города» (городов) в растущей, уплотняющейся урбанистической сети, подкреплялась, поддерживалась устойчивым (столь же активно расширяющим свой географический ареал) массивом сельской России.

Возвращение столицы в Москву (согласно Д. Н. Замятину² – знаково-символическая трансформация, предопределившая последующую максимальную геополитическую и геокультурную централизацию пространства) инициировало стремительный рост населения города: за 1920–1926 гг. численность его удвоилась, а затем (к 1939 г.) – возросла ещё в два раза³. Корреспондируя с индустриализацией и урбанизацией (только за 1926–1939 гг. удельный

¹ *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 263 с.

² *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–99.

³ *Денисенко М. Б., Степанова А. В.* Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.

вес горожан в стране возрос с 17,9 до 32,9 %¹), эта посттрансформационная динамика (достигшая максимума к началу 1930-х гг.²) опиралась в первую очередь на демографический потенциал сопредельных регионов Нечерноземья (являющих обширный ареал центроориентированной миграции³) и сопровождалась «расползанием» городской территории (симптоматично, что в советский период истории Москве «прирезали» территории шесть раз, что обеспечило, в итоге, почти пятикратное увеличение её площади).

Ко второй половине XX столетия «венчаемая» Москвой центр-периферийная система достигла своего пространственного максимума, а миграционная аттрактивность столицы обеспечивалась не только спектром её функций, но и стабильно поддерживаемым повышенным (в сопоставлении с большинством других городских поселений страны) качеством жизни. В этих условиях нормативно зафиксированные пределы роста населения Москвы (5 млн человек в Генеральном плане 1935 г. и 7,5 млн – 1971 года⁴) логично превышались, а в исследовательском сообществе вызревали не только представления о приоритете опережающего развития крупнейших городских агломераций⁵, но и нарастала обеспокоенность многоаспектными негативными последствиями гиперконцентрации населения⁶. Нельзя, при этом, не отметить – на фоне стабильно замедляющегося прироста людности Москвы (в

---

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 9. С. 2–13; Т. 17. С. 2–3; Всесоюзная перепись населения 1939 г.

² *Вендина О. И.* Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 216–229.

³ *Хорев, Б. С.* Проблемы городов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство «Мысль», 1975. 428 с.

⁴ *Перцик Е. Н.* География городов (геоурбанистика). М.: Высшая школа, 1991. 319 с.

⁵ *Ланно Г. М.* Развитие крупных городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 287 с.

⁶ *Агафонов Н. Т., Лавров С. Б., Хорев Б. С.* О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 6. С. 533–539.

1959–1970 гг. – 180 тыс. человек в среднем за год; 1970–1979 гг. – 106 тыс.; 1979–1989 гг. – 96 тысяч) удельный вес столицы в городском населении страны постепенно сокращался (табл. 4).

Таблица 4

Москва в меняющемся урбанистическом пространстве СССР*

Годы	Удельный вес городского населения, %	Численность городского населения СССР всего, млн чел.	Число жителей Москвы, тыс. чел.	Доля Москвы в городском населении страны
1939	32,9	56,1	4137	7,4
1959	48,0	100,2	5085	5,1
1970	56,3	136,0	7061	5,2
1979	62,3	163,6	8011	4,9
1989	65,8	188,8	8967	4,7

* Составлено автором по данным всесоюзных переписей населения¹.

Основная причина этого присущего практически всему XX столетию фактического «размосквичевания» городского населения нашей страны (во-многом парадоксального, проявившегося в условиях безусловной культурной и научно-образовательной доминанты Москвы², превалирования вертикальных властных отношений³ и устойчивой центростремительной миграционной динамики) кроется, как видится, в пролонгированном действии достаточно эффективных механизмов пространственного развития по иерархически выстроенной, но, одновременно, в целом полицен-

¹ Демоскоп Weekly. Приложения. Данные всесоюзных переписей населения [Электронное издание] <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=6> (Дата доступа – 06.01.2018).

² Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.

³ Колосов В. А., Вендина О. И., Эккерт Д. Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований // Крупнейшие города и вызовы глобализации / под ред. В. А. Колосова и Д. Эккерта. М. – Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 5–16.

трической модели. Тем не менее, и в тот период во взаимоотношениях центра и периферии, а также в соразвитии регионов имели место разноаспектные проблемные ситуации и противоречия. Как констатировал в середине 1980-х гг. видный геоурбанист и специалист по региональной политике Б. С. Хорев «мы идём по пути, продиктованному ведомственно-отраслевым подходом в управлении, внося в него лишь коррективы, исходящие из интересов регионального и комплексного развития»¹. Распад СССР и новые политико-экономические реалии существенно видоизменили позиционирование Москвы в пространстве России, предельно обнажив (как, очевидно, никогда ранее в российской истории) векторы и проблемные ситуации «москвоцентричности».

С конца 1980-х наблюдался стремительный демонтаж «центрированного» на Москву (её властные, научные, образовательные структуры, контролируемый столицей ресурсный потенциал) так называемого «социалистического лагеря». Ситуацию усугубил 1991 год, когда исторически сложившаяся сфера влияния Москвы испытала ещё более существенное «сжатие», усугубляемое интенсивным экономическим спадом на фоне стремительного (практически шокового) внедрения рыночных отношений и имманентного им неравного обмена, «создателя неравенства в мире» (как не без основания полагал Ф. Бродель²). Деиндустриализация, разрушение былых агросистем на «малоценных» землях (а вместе с этим и разрушение экономического потенциала значительной части городских и сельских поселений страны), а также утверждающиеся новые принципы и механизмы обмена и распределения (в том числе и в их территориальном аспекте), дополняемые интернационализацией систем хозяйствования, формированием по сути компрадорской модели управления – предопределили пролонгирование особого статуса Москвы, придали этому городу но-

---

¹ Хорев Б. С. Региональная политика в СССР. М.: Мысль, 1989. 285 с. (С. 19).

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. 592 с.

вые возможности роста, обеспечили эксклюзивное его положение в деградирующем и меняющемся пространстве Российской Федерации.

Феномен резко проявившейся уже в первые постсоветские годы «социально-экономической дистанции» между столицей и прочими городами, территориями Российской Федерации, равно как и разноплановые причины роста поляризованности и центростремительных векторов – многократно акцентированы, в том числе и российскими географами-обществоведами¹. Не останавливаясь на этом детально, зафиксирую внимание лишь на важнейших для Москвы и её положения в российском пространстве изменениях.

Прежде всего, в силу таких фундаментальных причин как агломерационный эффект, опережающее (и наиболее эффективное в сопоставлении с иными российскими территориями) включение в мирохозяйственные процессы, базовые стартовые инфраструктурные, информационные, кадровые возможности и, конечно же, столичный статус, дополняемый за столетия сложившимся «габитусом повиновения» (в терминологии Пьера Бурдьё) провинции, уже ко второй половине 1990-х гг. Москва существенно дистанцировалась от «замкадovской России» по всем важнейшим компонентам уровня и качества жизни (табл. 5).

¹ *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.; *Колосов В. А., Вендина О. И., Бородулина Н. А., Середина Е. В., Фёдоров Д. Р., Климанов В. В.* Создание новой предпринимательской среды в Москве: основные тенденции и противоречия // Известия АН. Серия географическая. 1998. № 5. С. 5–12; *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2006. 846 с.; *Родоман Б. Б.* Страна перманентного колониализма // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы. М.: ИГРАН, 2008. С. 130–138; *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.; *Зубаревич Н. В.* Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57). Ноябрь – декабрь. С. 6–19.

Таблица 5

Удельный вес Москвы в Российской Федерации, %¹

	1990	2000	2008	2013	2015	2016	2017
Численность населения	6,0	5,9	7,4	8,4	8,4 (8,5*)	8,4 (8,5*)	8,5 (8,6*)
Численность занятых в экономике	6,8	8,4	9,6	9,8	9,9 (9,9*)	12,1****	12,1
Валовой региональный продукт	10,2**	16,3	24,6	21,8	21,7***	20,8*****	20,6*****
Ввод в действие общей площади жилых домов	11,1	11,1	5,1	4,5	4,5 (4,6*)	4,2 (4,3*)	4,3 (4,4*)
Оборот розничной торговли	11,8	29,6	17,0	17,0	15,7 (15,8*)	15,1 (15,2*)	15,2 (15,3*)
Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ	...	24,8	20,8	18,2	18,0 (18,0*)	18,7 (18,8*)	19,6 (19,7*)

* – без учёта Крыма; ** – за 1995 г.; *** – за 2014 г.; **** – увеличение среднегодовой численности занятых обусловлено изменением оценки; ***** – за предыдущий год.

Экономический позитив «нулевых» годов подкрепил эту пространственную мегатенденцию, превратив общенациональную столицу в наиболее динамичный и значимый в масштабе страны рынок рабочей силы, фокус инвестиционной активности, а «среднестатистических москвичей» (при глубочайшей их социальной стратификации²) – в получателей сопоставимых со среднеразвитыми европейскими странами доходов, связанных, в том числе и с обладанием дорожающей собственностью (к 2000 г. почти 52 % всех доходов от собственности, полученных по России приходилось на жителей Москвы). Ситуация эта (резко повысившая привлекатель-

¹ Составлено по данным Росстата. <http://www.gks.ru/>.

² Вендина О. И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 216–229.

ность Москвы для инвестиций, бизнеса, постоянного проживания и, одновременно, – «цена» столичной повседневности) напрямую проявила себя в геодемографической ритмике: если в 1991–1995 гг. московское население прирастало в среднем на 13,6 тыс. человек в год, то в 1995–2000 гг. – на 169,4 тыс., в 2000–2005 гг. – 158,8 тыс., 2005–2010 гг. – на 155,4 тыс., в 2010–2015 гг. – на 138,8 тыс. и, наконец, в 2015–2017 гг. – на 95,5 тыс. В целом же за постсоветский период (на фоне охватившей страну депопуляции, достигшей максимума к началу 2000-х гг.) людность Москвы выросла на 37%, в то время как, к примеру, Санкт-Петербурга – на 11,3 %, Казани – на 11,4 %, Ростова-на-Дону – на 9,4 %.

Явив собой один из признанных «глобальных городов»¹, укрепив эксклюзивные позиции в стране, концентрируя транспортные потоки и логистику, безраздельно доминируя в информационно-идеологическом поле, поддерживая реконструируемой вертикалью власти экспансию «своего» крупного бизнеса в регионы (из 100 крупнейших частных компаний России рейтинга Forbes² 62 зарегистрированы в Москве и лишь 6 – в Санкт-Петербурге, 1 – в Казани; ещё выше присутствие локализованных в Москве своими головными офисами компаний в рейтинге РБК³ – в первой сотне их 81), общефедеральная столица (всё более интегрируясь с сопредельными урбанизированными территориями Московской области в единый супергород) как это ни парадоксально, параллельно «приблизила» к себе российские регионы, став для них основным инвестором, потребителем товаров и услуг, арбитром, спонсором, предложив новый ментальный образец, мифологизированный социальный трамплин, место престижного трудоустройства, получения образования, проживания. В подобном асимметричном (в поль-

---

¹ Taylor P, Walker D, Catalano G, Hoyler M. Diversity and power in the world city network // *Cities*. 2002. № 19. P. 231–241.

² 200 крупнейших частных компаний России. 2017. Forbes [Электронное издание] <http://www.forbes.ru/rating/350675-200-krupneyshih-rossiyskih-kompaniy-2017> (Дата доступа – 2.01.2018).

³ РБК 500. 2017. [Электронное издание] <https://www.rbc.ru/rbc500/> (Дата доступа – 2.01.2018).

зу столичной метрополии) стратифицированно-интегрированном пространстве России «москвоцентричность» стала (как справедливо отмечается¹) доминантной его характеристикой, проявляясь, не только как сверцентрализация жизни и сознания, но и как система ценностных ориентиров, в числе которых «столичность» – основополагающий, важнейший. Его основой, доминантным фактором явилось позиционирование Москвы в сетевой структуре ведущих мировых урбанистических центров, сочетающееся с выстроенным механизмом «улавливания» и перераспределения важнейшего (в геоэкономическом плане) ресурса страны – природно-сырьевой ренты. На этом фоне Москва (московско-подмосковная недвижимость, равно как и все сопряжённые с ней виды хозяйственно-поселенческой активности) – обрела ипостась крупнейшей в стране инвестиционной «пирамиды»², чье необходимое для развития города-метрополии расширенное воспроизводство обеспечивалось не только устойчивым притоком составляющих спроса (люди, их труд, финансовые инвестиции и др.), но и предложения (территории для освоения, поглощения, приватизации, капитализации).

Возросшая многоаспектная *взаимозависимость* демографически (и ещё в большей мере – экономически, информационно) «расширившейся» Москвы и её, напротив, испытывающей «опустынивание» периферии – воплотилась не только в стремительном развитии Московской агломерации (сальдо миграции между Москвой и Подмосковьем увеличилось с 1990 по 2005 г. с 500 до 800 тыс. чел.³; на этом фоне последнее десятилетие Московская область уверенно лидирует по коэффициенту миграционного прироста и

---

¹ Калуцков В. Н. Культурно-географическое районирование России: геоконцептуальный подход // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.

² Дружинин А. Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия Географическая. 2014. № 1. С. 19–27.

³ Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57) ноябрь–декабрь. С. 19–32.

объёму вводимого жилья¹), но и в формировании опоясывающего Москву пространства дач², а также обширнейшего ареала (за исключением примыкающих к Санкт-Петербургу территорий – это вся Европейская часть страны³, а также регионы Украины, Молдова, государства Средней Азии и Южного Кавказа) трудовой миграции преимущественно в форме «отходничества». В итоге, уже к середине «нулевых» годов «москвоцентричность» стала не просто фундаментальной (как ранее), а **главной** характеристикой российского пространства; последнее же обрело выраженную «москвозависимость», понимаемую как непосредственное существенное влияние на динамику всех без исключения регионов и городов страны не только федеральных политических, бюджетно-налоговых, инвестиционных решений, либо «поведения» крупнейших корпораций, но и социально-экономического положения собственно Московской агломерации, факторов (в том числе и экзогенных, геоэкономических, геополитических) и перспектив её развития.

Ещё в 1970-е годы американский теоретик географии П. Хаггет фиксировал внимание на «существовании порога, за пределами которого дальнейшее увеличение размера города становится неэкономичным»⁴. Последнее пятилетие нечто подобное (когда любого рода дополнительные агломерационные эффекты становятся всё менее ощутимы), вероятно, начинает испытывать и Москва: статистика стабильно фиксирует трансформацию столицы (и всей агломерации) из былого «полюса опережающего роста» лишь в первый по «размеру» (хотя и абсолютно доминирующий) пространственный сгусток социально-экономической активности. Эта новая для Москвы реальность (предтеча вероятностного

¹ Регионы России. 2017. Социально-экономические показатели. 2016. М.: Росстат.

² *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

³ Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

⁴ *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 685 с. (С. 375).

роста социально-политического напряжения непосредственно в самой столице, отчасти выплеснувшегося в события на Болотной площади в 2012 году), впрочем, загодя предвиделась экспертами¹; очевидно, осмыслена она и властью, инициировавшей ряд шагов по реконфигурации московского пространства, включая наиболее масштабные и резонансные – принятое в июне 2011 года решение о более чем двухкратном расширении площади столицы, а также пятилетие спустя – о ренновации московского жилого фонда.

Кризис 2014–2016 годов усложнил положение Москвы. В ситуации более чем двухкратного падения цен на энергоносители и соответствующего свёртывания экспортно-импортных операций, а также снижения бюджетных доходов Российской Федерации – на определённое время лимитированными оказались возможности получения Москвой как столичной ренты, так и преференцией от геоэкономического взаимодействия и посредничества (показательно, что за 2014 г. сальдированный финансовый результат хозяйствующих субъектов Москвы сократился более чем вдвое²). Проявлением кризисных процессов стало, отчасти, и наблюдаемое в последние два-три года сокращение миграционного прироста населения Московского региона (Москвы и Московской области) (табл. 6), а также существенное уменьшение доли жителей Москвы в денежных доходах населения РФ, в т. ч. доходах от собственности (табл. 7).

Тем не менее, даже в кризисный период Москва смогла успешно «перенаправить» в своих интересах сократившуюся массу контролируемых ресурсов, уже к 2016 году «нарастив» концентрацию прибыли, укрепив свои инвестиционные и финансовые позиции в масштабе России. Это вновь (согласно статистике 2017 года) повысило миграционную привлекательность столицы (сама величина сальдо миграции при этом более чем вдвое

---

¹ Балацкий Е. В., Гусев А. Б. Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве // *Пространственная экономика*. 2007. № 4. С. 5–25.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 1402 с.

Таблица 6

Миграционный прирост населения в Москве и Московской области, тыс. чел.*

Годы	г. Москва	Московская область	Москва и Московская область
1990 г.	23,5	18,8	42,3
1995 г.	25,9	40,0	65,9
2000 г.	78,9	37,0	115,9
2005 г.	236,0	103,8	339,8
2013 г.	109,0	99,9	208,9
2016 г.	29,7	104,7	134,4
2017 г.	111,3	83,3	194,6

* составлено автором по данным Росстата <http://www.gks.ru/>.

Таблица 7

Доля населения г. Москвы в масштабе России, %*

	1990	2000	2009	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017
В денежных доходах	9,7	24,2	18,5	18,7	18,5	17,8	16,6**	16,8**	16,5**	16,9**
в т. ч. в доходах от собственности	10,5	51,7	48,4	49,0	51,4	42,8	39,9**	40,4**	38,3**	33,3**

* составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

** без учёта Крыма.

уступает ныне аналогичному показателю середины «нулевых» годов). Наблюдаемая ситуация, впрочем, полностью согласуется с превалирующими в исследовательском сообществе представлениями: кризис усиливает позиции Москвы¹. Институциональ-

¹ Балацкий Е. В., Гусев А. Б. Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве // *Пространственная экономика*. 2007. № 4. С. 5–25; Зубаревич Н. В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // *Региональные исследования*. 2015. № 1 (47). С. 23–31.

но обусловленное перераспределение ресурсов в пользу московской мегаметрополии (в рамках бюджетного и внутрикорпоративного механизмов, а также ценообразования на олигопольно-монопольных рынках) способно, тем не менее, лишь на какое-то время стабилизировать сложившиеся москвостремительные векторы, одновременно усугубляя положение периферии (включающей ныне также большинство городских агломераций страны), усиливая противоречия в системе «центр-регионы», порождая как электоральные, так и политико-территориальные риски, которые невозможно не учитывать в перманентной (ожесточившейся в последнее время) геоэкономической и геополитической борьбе, в которой Москва (вместе с иным интегрированным с ней российским пространством) не только актер, но и объект повестки.

Феномен Москвы и её эксклюзивно-устойчивого положения в пространстве России (принявшего предельно выраженные, гипертрофированные формы в постсоветской политико-экономической ситуации) в современном «транзитивном» евразийском контексте инициирует три «блока» фундаментальных общественно-географических проблем.

Первый вмещает многоаспектные внешние эффекты (экстерналии) москвоцентрической модели (в её современном масштабе и формате), включающие, в частности, разнообразные проблемы экологии (например резонансные вопросы размещения «московских» ТБО в Подмосковье и других российских регионах), образования («переток» в Москву лучших абитуриентов из провинции), организации транспортных систем (включая концентрацию национальных авиапотоков в московском авиаузле), бюджетно-налоговой сферы и многие-многие другие. Евразийский же аспект подобного рода экстерналий, пожалуй, наиболее чётко выражен в этнодемографической динамике, иллюстрирующей сохраняющийся (и, одновременно, видоизменяющийся) статус Московской агломерации как ключевого, сердцевинного элемента для подавляющей части всего постсоветского пространства.

Автор ранее уже подмечал¹ тенденцию частичного перемещения русского населения (чей удельный вес в стране сокращается) в немногие фактические «ядра» экономического благополучия, включая, в первую очередь, федеральную столицу, что (на фоне меняющегося, разномасштабного потока миграции из сопредельных государств) на определённых временных этапах усиливает её этническую гомогенность (табл. 8).

Таблица 8

**Русские в населении регионов России
(динамика численности за 2002–2010 гг.)***

Регионы	Численность русских, чел.		Динамика численности русских за 2002–2010		Доля русских 2002	Доля русских 2010	Динамика доли русских
	2002 г.	2010 г.	Чел.	%	%	%	процентные пункты
РФ	115891000	111017000	– 4874000	– 4,4	79,8	77,7	– 2,1
Московская обл.	6022763	6202672	179909	3,0	91,0	87,5	– 3,5
Москва	8808009	9930410	1122401	12,7	84,8	86,2	1,4

* составлено по данным Всероссийских переписей населения.

Впрочем и динамика иноэтнических («внероссийских») диспор на территории столицы не только неустойчива (носит «пульсирующий» характер), но и характеризуется разнонаправленными трендами. Если в 1990-е годы Москва явилась безусловным центром притяжения для абсолютного большинства народов

¹ Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 3–15.

постсоветской Евразии («приняв», к примеру, 52 % всего прироста за 1989–2002 гг. численности проживающих в Российской Федерации грузин, 26 % азербайджанцев, 14 % армян), то в период 2002–2010 гг. на территории города позитивную динамику демонстрировали лишь диаспоры этносов Центральной Азии (преимущественно – киргизы и узбеки), а также армяне (табл. 9).

Таблица 9

Изменение численности представителей титульных этносов ряда постсоветских государств на территории города Москвы, чел.*

	1989 г.	2002 г.	Динамика за 1989–2002 гг.		2010 г.	Динамика за 2002–2010 гг.	
			чел.	%		чел.	%
Азербайджанцы	20727	95563	74836	461,0	57123	– 17713	76,0
Армяне	43989	124425	80436	182,9	106466	26030	132,3
Белорусы	73005	59353	– 13652	81,3	39225	– 15162	66,1
Грузины	19608	54387	34779	277,4	38934	– 15443	71,6
Казахи	8225	7997	– 228	97,2	9393	1396	117,5
Киргизы	3044	4102	1058	134,8	18736	14634	456,8
Молдаване	6997	36570	29573	522,7	21699	– 14871	59,3
Таджики	2893	35385	32492	3962,5	27280	– 8105	77,1
Туркмены	2093	3526	1433	168,5	2946	– 580	83,6
Узбеки	9183	24312	15129	264,8	35595	11283	146,4
Украинцы	252670	253644	974	100,4	154104	– 99540	60,8

* составлено автором по данным Росстата.

На этом фоне в этнодемографической структуре населения Москвы устойчиво сокращается (вероятно, в том числе и за счёт ассимиляционных процессов, трансформации идентичности) удельный вес (и численность) украинцев и белорусов. В целом аналогичные тенденции в 1989–2010 гг. оказались присущи и Московской области, всё в большей мере составляющей с Москвой единую селитебную систему (табл. 10).

Таблица 10

Изменение численности представителей титульных этносов ряда постсоветских государств на территории Московской области, чел.*

	1989 г.	2002 г.	Динамика за 1989–2002 гг.		2010 г.	Динамика за 2002–2010 гг.	
			чел.	%		чел.	%
Азербайджанцы	5974	14651	8677	245,2	19061	4410	130,1
Армяне	9245	39660	30415	429,0	63306	32891	169,6
Грузины	3777	9888	6111	261,8	10558	670	106,8
Киргизы	2015	592	– 1423	29,3	4913	4321	829,9
Таджики	1401	3404	2003	243,0	15549	12145	456,8
Узбеки	4321	4183	– 138	96,8	25773	21590	616,1

* составлено автором по данным Росстата

Показательно, что в «нулевые» годы (в период между переписями 2002 и 2010 годов) на Москву и Московскую область (суммарно) пришёл весь общероссийский прирост этнических армян, а также 27 % от аналогичного показателя для киргизской диаспоры и 20 % – узбекской. Миграционно-селитебная притягательность Москвы (а переписи населения фиксируют, разумеется, лишь «верхушку айсберга», поскольку существование «на два дома» обрело ныне массовый и повсеместный характер), созвучна, таким образом, и демографической динамике в постсоветской Евразии, и наблюдаемым в её пределах геополитическим изменениям. Последние же – в огромной мере соотносятся с соразвитием, конкуренцией, с меняющимся балансом (возможностей, параметров и ресурсов роста, а также сфер влияния) крупнейших городов-метрополий евразийского меконтинента, и Москва (с формирующей её, конструируемой российской столицей системой «москвоцентричности») в их ряду предстаёт безусловным «центром силы» – хотя и отнюдь не главным, но весьма значимым, характеризующимся достаточно позитивной динамикой. Так, в частности, согласно «The Global Cities Index-2018», Москва является 14-й

среди других мировых «глобальных городов» и, соответственно, занимает 9-ю строчку в рейтинге ведущих урбанистических центров Евразии (в 2012 году занимая соответственно 19-ю и 13-ю позиции) (табл. 11).

Таблица 11

**Москва в мировом рейтинге «глобальных городов»:
некоторые европейско-евразийские сопоставления
(указано место в глобальном рейтинге)***

	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Лондон	2	2	2	1	2	2
Париж	3	3	3	3	3	3
Пекин	14	8	9	9	9	9
Москва	19	17	14	18	18	14
Берлин	20	19	17	16	14	16
Стамбул	37	28	29	25	25	26

* составлено с учётом «The Global Cities Index».

Место Москвы в «архипелаге» ведущих центров современной Евразии (ещё одного приоритетного общественно-географического аспекта проблематики «москвоцентричности») хорошо иллюстрируемо актуальными объёмами авиаперевозок. Так, если в 2018 году услугами московского авиаузла (объединяющего четыре аэропорта) воспользовались 92,7 млн пассажиров, то лондонского – 149,5 млн, парижского – 101,5 млн, шанхайского – 131,8 млн. В позиционировании крупнейших городов, впрочем, всё изменчиво, нестатично, что присуще в том числе и евразийскому пространству, иллюстрируя его динамику. Симптоматичен, в этой связи, опережающий рост пассажиропотока стамбульского авиаузла (табл. 12), причём недавний (апрель 2019 года) ввод в эксплуатацию нового (впечатляющего своим размером и инфраструктурой) стамбульского аэропорта (İstanbul Havalimanı) – зримый, существенный вклад в дальнейшее укрепление общеевразийского потенциала и статуса Турецкой Республики.

Таблица 12

Пассажирооборот аэропортов Москвы и Стамбула за 2010–2018 годы

	2010 г.	2015 г.	2018 г.	Динамика за 2010–2018 гг., %
Москва	51,2	80,5	92,7	181,1
Стамбул	43,2	80,3	95,0	219,9

* составлено автором

В динамичной, фрагментированной, полной вызовов, рисков и противоречий Евразии «москвоцентричность», в итоге, предстаёт не аномалией (и, тем более, не «абсолютным Злом»), а многовековой, исторически апробированной, эволюционирующей (и «достраиваемой») системой (способом) не только территориальной организации российского общества, но и обеспечения её евразийской конкурентоспособности. Цементируя, интегрируя селитебные и хозяйственные структуры в пределах Российской Федерации (а по ряду аспектов и вне её), обеспечивая паневразийскую и глобальную презентацию нашей страны, «москвоцентричность», одновременно, деформирует российское пространство, лишая периферийные территории страны ресурсов и стимулов роста, консервируя социально-территориальное неравенство. Подобного рода дуалистичность актуализирует проблематику устойчивости-изменчивости роли Москвы (и в целом Московского региона) в масштабе страны, сравнительно недавно акцентированную, кстати, благодаря активизировавшемуся в ряде российских СМИ дискурсу о целесообразности «размосквичевания»¹ России, в том числе за счёт «переноса» столичного центра.

Столицы и «столичность» (с соответствующими центро-периферийными градиентами) – неизбежный, практически неустраняемый атрибут любого социума, и, в этой связи, можно, конечно же, вновь (вслед за Петром Великим) попытаться осуществить «размо-

¹ Спасти Москву и Россию. Что предлагает «Доктрина «размосквичивания». Новые Известия. [Электронное издание] <https://newizv.ru/news/politics/20-08-2017/spasti-moskvu-i-rossiyu-chto-predpolagaet-doktrina-razmoskvichivaniya> (Дата доступа – 04.01.2018).

сквичевание» России, но, как видится, абсолютно бесперспективно (пока подобная целостность существует) её «разстоличевать». Дело в том, что в современной Евразии любого рода ослабление влияния Москвы приведёт, скорее, не столько к обретению новых импульсов роста Санкт-Петербургом, Екатеринбургом, Казанью, Ростовом-на-Дону, Краснодаром и т. д., сколько к дезинтеграции исторически сложившейся селитебной целостности Российской Федерации, при одновременном усилении «берлиноцентричности», «стамбулоцентричности», «пекиноцентричности» и т. п.

Акцентирую также, что любого рода «перенос столицы» – это не только политическое решение о радикальной реконфигурации пространства, но и сверхзатратный (высокоэффективный для его организаторов, финансовых посредников, подрядчиков, но обременительный для всего социума) инвестиционный проект. Если исходить из наличия в российской столице более 60 тыс. федеральных чиновников¹, то только предоставление им жилья по действующим нормативам обойдётся не менее чем в 250 млрд. руб.; с учётом размещения обслуживающего персонала расходы эти можно уверенно учетверить. Сопоставимых по объёму бюджетных затрат (либо инвестиций компаний с госучастием) потребует и офисное строительство, а также развитие городской инфраструктуры. Если даже растянуть эти траты, скажем, на десятилетний цикл, на этот период необходимо будет как минимум на 2 % нарастить расходную часть бюджета РФ. Имплементация идеи «размосквичевания» потребует, в итоге, дополнительной сверхмобилизации ресурсов и будет сочетаться не с развитием системы федерализма (к чему многие годы призывают ведущие отечественные специалисты в сфере региональной политики²),

---

¹ *Зубаревич Н. В.* Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57). Ноябрь – декабрь. С. 6–19.

² *Смирнягин Л. В.* Общественная география. Федерализм. Регионализм. М.: КомКнига. 2005. 464 с.; *Бусыгина И. М.* Модель «центр-периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства // Политическая наука. 2011. № 4. С. 53–70; *Кузнецова О. В.* Москва как объект федеральной региональной политики // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. № 1. С. 606–621.

а, напротив, – с укреплением «вертикали власти», равно как и присутствия государства в экономике, что лишь приумножит центростремительные эффекты, «подстегнёт» отставание периферии.

Не вполне соответствует логике и интересам эффективной организации современного российского пространства, как видится, и конкретизированная в «Доктрине размосквичевания» предельно радикальная идея переноса столицы *за Урал, на восток страны*¹. Вряд ли это решение (а в российской истории проблематика переноса столицы неизменно отличалась высокой эмоциональной насыщенностью²) найдёт позитивный отклик у москвичей, жителей Подмосковья, да и в целом численно преобладающего в стране населения её Европейской части. Не менее важно, при этом, учитывать, что в пятисоткилометровом радиусе от Москвы сконцентрированы 22 региона (в сумме это 5 % территории и почти 32 % населения страны) и этот столетиями формировавшийся, в огромной мере ориентированный на столичный мегалополис компактный «сгусток» городских поселений и хозяйственной активности – не только узловой элемент российского пространства, но и важнейший фактор его устойчивости, равно как и геоэкономической конкурентоспособности. Произвольные, конъюнктурные шаги по ослаблению этого общероссийского «ядра» – неприемлемы, опасны для России, геостратегически лишь начавшей «поворот на Восток», но, при этом, на многие годы географически (экономически, этнодемографически) «запрограммированной» на реализацию сбалансированных, многовекторных взаимодействий с внешними «центрами силы» по всему периметру своих границ.

Несколько более логичным видится уже достаточно продолжительное время «по умолчанию» реализуемый (а ныне

---

¹ Климов Д. Перенос столицы России: «за» и «против» // Русский мир. 04.09.2017. <https://russskiymir.ru/publications/229642/> (дата доступа – 31.12.2017).

² Замятин Д. Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–99.

зафиксированной и в «Стратегии пространственного развития России до 2025 года») сценарий умеренного «разстоличевания» Москвы на основе постепенной диффузии толики аккумулируемых «в центре» экономического потенциала и функционала некоторым другим ведущим городским поселениям страны. Процесс этот «стартовал» в 2000 году с момента создания федеральных округов и института Полномочных представителей Президента РФ и далее пролонгирован стремлением зафиксировать статус Санкт-Петербурга как «второй столицы», а также адресными федеральными инвестициями в немногочисленную группу привилегированных городов, избранных в качестве «площадок» тех или иных мегасобытий (Владивосток, Казань, Сочи, Уфа, города – места проведения ЧМФ-2018 и др.). Поскольку есть все основания полагать, что подобная пространственная стратегия (ориентированная, в частности, на приоритетное развитие 15–20 городских агломераций, способных «стать локомотивами роста»¹) и далее будет рассматриваться властью как базовая, хотелось бы подчеркнуть неприемлемость для объединения 85 своих субъектов Федерации опоры на ограниченное число и так уже весьма благополучных (выстроивших собственные центростремительные системы) городов, равно как и любого рода вероятностных экспериментов по дальнейшему рассредоточению министерств и ведомств по избранным «субстолицам» (помимо крупных дополнительных бюджетных затрат чреватого перспективой снижения качества государственного менеджмента).

Пронизываемая, интегрируемая «москвоцентричной» системой, современная Россия – экстравертна, крайне зависима от внешней конъюнктуры. Практически по всему периметру её рубежей наблюдается формирование транснациональных, транс-

---

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития России. М., 2013 [Электронный ресурс] <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (Дата доступа – 13.01.2018).

граничных макрорегионов с выраженными (в большинстве ситуаций – не в пользу России) центро-периферийными градиентами. Наиболее отчётливы они на Балтике, выступающей своего рода «экспериментальной площадкой» трансграничного сотрудничества¹, причём для Калининградской области (самого населённого в мире региона-эксклава²) включённость в цементирующие Балтийский регион связи уже с конца 1990-х воспринимается условием выживания³. Геополитические и геоэкономические реалии требуют, с одной стороны, реосвоения высокопроблемных российских территорий (а ресурсы аккумулируемы ныне именно «москвоцентричной» системой). С другой – крайне взвешенного отношения к перспективе полицентрического развития страны, его стимулированию лишь одномоментно с повышением общей экономической плотности (импульсы развития должны быть распространены на 200-250 городских центров), с «доформированием» опорного каркаса расселения (в том числе и в русле концепта «единой системы расселения», ориентирующего на «координированное развитие всех типов поселений»⁴). Не менее важно добиться эффекта присутствия «всей России» в каждой точке её геостратегических значимых рубежей, и это также требует не эскалации «москвоборства», а обеспечения связности российского пространства (отрадно, что вопрос этот также получил детальное отражение в «Стратегии простран-

---

¹ Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион». Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28.

² Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона. Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 7–27.

³ Туровский Р. Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 99–117.

⁴ Агафонов Н. Т., Лавров С. Б., Хорев Б. С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 6. С. 533–539 (С. 538).

ственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹), в том числе и сложившемся центростремительном его формате.

Преодоление негатива «москвоцентричности» сопряжено, как видится, не со скороспелыми решениями, либо следованием неустойчивому, предопределяемому конъюнктурой тренду, а с последовательным развитием федеративных отношений, с культурно-ценностными политико-экономическими «подвижками» в отношении к российской территории, к человеку и среде его обитания, с созданием институциональных и инфраструктурных условий для многократного расширения пространства экономического роста.

---

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс] <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (Дата доступа – 29.11.2019).

2.2. «Разворот» России на восток: евразийские детерминанты

С феноменом «москвоцентричности» напрямую стыкуется и архиважный, традиционный вопрос изменения базовых территориальных социально-экономических пропорций Российской Федерации в пользу её обширнейших восточных регионов. В силу многих обстоятельств российское пространство на всех его исторических этапах оказывалось неизменно «уплотненным» (социально-экономически, инфраструктурно, ментально) на западе и, напротив, «истонченным», разреженным на востоке. Сами логика и тренд «продвижения» державы к Тихому океану, «освоения» (и приращения) всё новых и новых земель (характерно, что только сравнительно недавно, в 1849 г. – образована Камчатская область, в 1850-х гг. к России отошло Приморье и Приамурье, в этот же период Российская Империя устанавливает свою юрисдикцию на Сахалине, вновь закрепив её лишь по итогам Второй Мировой войны) – акцентировали эту фундаментальную асимметрию в общественно-географической архитектуре страны, временами – отчасти преодолеваемую, временами – усиливающуюся, коннотируемую, обретающую масштаб и характер общенационально значимой проблемы.

Характерно, что к концу XIX (согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года) на девять губерний, относимых к «Сибири» (геоконцепту, применяемому в тот период и к пространствам Дальнего Востока), приходилось лишь около 5,8 млн человек или 4,6 % от 125,6 учтённых переписью жителей огромной (занимавшей более 14 % всей мировой суши) державы. Как характерно подмечал в 1915 году в своей статье «О могущественном территориальном владении при-

менительно к России... » В. П. Семёнов-Тян-Шанский¹, «наш колониционный пояс по направлению к Тихому океану имеет вид неширокой, чрезвычайно вытянутой и суживающейся к востоку широтной полосы». На излёте имперского периода лишь начинавшие «колонизироваться» территории востока страны зачастую и воспринимались современниками как «колонии» (показательна, в этой связи, написанная в 1916 году фундаментальная работа В. И. Ульянова «Империализм как высшая стадия капитализма», соотносившего почти 75 % российской территории с понятием именно «колония»²). Симптоматично также, что вплоть до конца XIX века в России во главу угла ставилось исключительно «освоение» (фактически – приращение) обширных контролируемых пространств³ и лишь на излёте имперского периода нашей национальной истории стали обсуждаться вопросы «единства русской империи»⁴, «прочности государственной территории»⁵, звучать призывы не отделять (в том числе ментально) «европейскую Россию» от «России азиатской»⁶. Именно геополитические резоны (как рефлексия на итоги нелепо, бездарно проигранной русско-

---

¹ Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Известия Императорского русского географического общества. 1915. Т. LI, вып. VIII. С. 425–457.

² Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 299–430 (С. 377).

³ Рябцев В. Н. Геополитическая мысль в России за последние 100 лет: 1914–2014 гг. (внутренние метаморфозы на фоне перипетий истории страны и мира). Вып. 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. 368 с.

⁴ Ламанский В. И. Геополитика панславизма / сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.

⁵ Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Известия Императорского русского географического общества. 1915. Т. LI, вып. VIII. С. 425–457.

⁶ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.

японской войны 1904–1905 гг.) во многом инициировали первую серьёзную, в целом успешную попытку реального хозяйственного и селитебного освоения восточной периферии Империи в рамках аграрной реформы П. А. Столыпина, когда всего за восемь лет (1907–1914 гг.) в Сибирь и на Дальний Восток переселилось 2,44 миллиона крестьян (или 395 тысяч семей), а посевные площади в данных макрорегионах суммарно возросли на 80 % (в то время как в европейской части России – лишь на 6,2 %)¹.

Последующие мощные (и также в целом геополитически мотивированные) усилия по преодолению социально-экономических и демографических градиентов по оси «запад-восток» относятся уже к советскому периоду нашей истории (обретшие к середине прошлого столетия свой индустриальный облик сибирские регионы рассматривались на том этапе преимущественно как тыловой опорный пункт, а дальневосточные – военно-политический и внешнеэкономический форпост страны на Тихом океане²). Убедительной иллюстрацией эффективности «восточного вектора» советской региональной политики является опережающая динамика численности населения ключевых дальневосточных территорий: если за 1959–1989 гг. демографический потенциал в целом по РСФСР вырос на 25 %, то в Приморском крае – на 64 %, Хабаровском крае – на 60 %, в Амурской области – на 47 %. По данным последней советской переписи на пространстве в пределах современных Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на постоянной основе проживало 30,5 млн чел., т. е. 20,7 % населения РСФСР (и 10,5 % – СССР).

Разрушение Советского Союза и присущей ему политико-экономической модели существенно (и весьма негативно) ви-

¹ *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленинград, 1962. 342 с.

² *Колесниченко К. Ю.* Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена. регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 116–125; *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.

доизменило ситуацию. Постсоветская трансформация явила не только состоявшееся (загодя предугаданное, предчувствованное отдельными представителями российской интеллектуальной элиты¹) расчленение единой ранее страны, но и острейшим образом (особенно – в первой половине 1990-х гг.²) обнажила проблематику обеспечения территориальной целостности уже в формате собственно Российской Федерации, продемонстрировала фундаментальное (всё возрастающее) влияние на ситуацию глобальных «центров силы» и процессов. Разрушение устоявшихся хозяйственных связей, деиндустриализация и фактическое свёртывание программ поддержки селитебных систем российской восточной периферии – сопровождалась, при этом, не только более глубоким (чем в большинстве регионов Европейской части страны) социально-экономическим кризисом³, но и запустили механизм интенсивной депопуляции, инициировали трансграничную активность и (во всё возрастающем масштабе) интернационализацию экономики (в наибольшей мере выраженную в регионах Тихоокеанской России), что, соответственно, резко повысило геополитические риски.

Если в целом по России уровень объёма промышленного производства к 2000 году составил 52 % от советского уровня, то на Дальнем Востоке – 40 %⁴. Основа региональной промышленности – оборонный комплекс (локализованный на востоке страны преимущественно в Приморском и Хабаровском краях, Омской, Новосибирской, Иркутской областях) воспринимался, при этом, как «тяжёлое наследие прошлого, как бремя, оставшееся от рухнув-

---

¹ Ильин И. А. О России. Три речи. 1926–1933. София: Изд. «За Россию», 1934. 78 с.

² Смирнягин Л. В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 44–59.

³ Михайлов Ю. П. Куда идти Сибири: взгляд географа // География и природные ресурсы. 2008. № 1. С. 158–165.

⁴ Минакир П. А. Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2002. № 2. С. 3–18.

шей империи»¹. Спад охватил и отрасли аграрной сферы (логично «перемещавшейся» к приоритетным рынкам сбыта и землям российского юга-запада с наивысшим агропотенциалом²). Показательно, что если в 1991 г. наиболее благополучный в почвенном и природно-климатическом отношении регион российского Дальнего Востока – Амурская область обеспечивала себя сельскохозяйственной продукцией на 85 %, то в 2017 лишь на 42 %³.

Посткризисное (с начала 2000-х гг.) восстановление российской экономики закрепило положение востока страны как приоритетной сырьевой периферии (с «островками» полупериферии в виде немногочисленных крупных городских агломераций, наподобие Новосибирской, Красноярской, Омской, Томской, Барнаульской, Владивостокской), выполняющей также значимые транспортно-каркасные и внешнеторговые функции. Именно в эти годы приросла (суммарно) доля регионов Сибири и Дальнего Востока в масштабе страны по таким важным социально-экономическим индикаторам как инвестиции в основной капитал, ввод жилья и, особенно – объём промышленного производства (добыча полезных ископаемых) (табл. 13).

Некоторые позитивные подвижки, впрочем, лишь оттеняли неблагоприятные факторы и особенности нового геоэкономического (и геополитического) позиционирования востока Российской Федерации. Прежде всего, во всей азиатской части страны экономика (восстанавливаясь после трансформационного спада и адаптируясь к новой реальности) в ещё большей мере чем в России в целом обрела выраженный ресурсно-сырьевой характер. Причём, если в регионах Восточной Сибири негатив во многом предопределялся внутриконтинентальным положением и соответствующими транспортными издержками (как убедительно по-

¹ Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 388 с. (252 с.).

² Дружинин А. Г., Ионов А. Ч., Кетова Н. П. АПК России: факторы, особенности и механизмы регионализации. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 2004. 318 с.

³ Амурская область. Только факты. Благовещенск: изд. Деловое Приамурье, 2018. 160 с.

Таблица. 13

**Удельный вес Сибирского и Дальневосточного (суммарно)
федеральных округов в Российской Федерации, %***

	2002 г.	2005 г.	2010 г.	2013г.	2017 г.
Площадь территории	66,1	66,1	66,1	66,1	66,1
Численность населения	19,1	18,4	17,8	17,8	17,3
ВРП	16,3	16,3	16,0	15,7	15,7
Инвестиции в основной капитал	13,9	16,1	17,6	16,5	17,1
Добыча полезных ископаемых	...	16,8	25,5	23,4	28,0
Ввод в действие жилых домов	10,7	12,3	14,1	14,4	11,7

* составлено автором по данным Росстата.

казал Л. А. Безруков¹, последние в наиболее глубинной части Сибири при сбыте продукции будут как минимум в 1,5–2 раза выше по сравнению с транспортными издержками товаропроизводителей европейской территории страны), то на российском Дальнем Востоке «поддерживающим» и, одновременно, дезагрегирующим, сводящим практически на нет возможности реального развития местных социально-экономических систем фактором стал стихийный, отчасти вынужденный «разворот» на восток» (и юг), сопровождаемый инкорпорированием соответствующих хозяйствующих субъектов, отраслей (в наиболее явной степени – рыбного и лесного хозяйства) и целых регионов в центрo-периферийные системы Японии, Республики Корея, а впоследствии (предельно активно – в последнее десятилетие) – и Китайской Народной Республики. Восточная часть страны, в итоге, не только стала фактически финансовым, сырьевым, демографическим донором экзогенных по отношению к ней (в том числе иногосударственных, иноэтнических) метрополий, но и оказалась «рассечена» невидимой, но реальной, абсолютно чёткой демаркацией (формируемой восточными рубежами хинтерландов крупнейших морских пор-

¹ *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2008. 369 с.

тов запада, северо-запада и юго-запада России¹) между регионами с западным и восточным векторами хозяйственно-транспортных связей. Сам же Дальний Восток, при этом, – последовательно «выпадать» из российского экономического пространства, всё более втягиваясь в орбиту геоэкономического влияния как высокоразвитых, так и динамично наращивающих свой потенциал сопредельных государств.

Корреспондируя с хозяйственной динамикой, в последние годы сохранял свою силу и «стартовавший» с момента разрушения СССР процесс «обезлюдения» востока России. В целом за постсоветский период население регионов, входящих ныне в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа сократилось с 30,5 млн человек до 25,5 млн, то есть на 5 млн человек (или почти на 20 %). Основные депопуляционные процессы в восточной части России наблюдались, при этом, в 1990-е и начале 2000-х годов (с 2005 демографический потенциал характеризуемых макрорегионов сократился лишь на 0,5 млн человек). Если принять во внимание, что перепись 1989 г. зафиксировала на территории РСФСР 147,4 млн чел., а в настоящее время численность россиян (без Крыма) оценивается Росстатом в 144,4 млн – несложно заметить, что наиболее существенные демографические «потери» постсоветская Россия понесла именно в обширнейших и слабозаселённых регионах азиатской части страны, в первую очередь – на её Дальнем Востоке: в Магаданской области, в Чукотском АО, в Камчатском крае (табл. 14).

В подобном, преимущественно неблагоприятном, контексте уже к середине – концу 2000-х гг. в восточных регионах Российской Федерации (в соответствующих интеллектуальных страдах и центрах), судя по публикациям (в том числе и наших коллег – гео-

---

¹ Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.; Дец И. А. Освоение восточной России: история изучения и современные тенденции // География и природные ресурсы. 2015. № 1. С. 17–21.

Таблица 14

**Постсоветская динамика численности населения
в некоторых регионах Дальнего Востока России, тыс. чел***

	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	Динамика за 1989– 2018 гг., %
Камчатский край	505,5	383,9	322,1	316,0	316,0	62,5
Приморский край	2258,4	2071,2	1956,5	1929,0	1913,0	84,7
Хабаровский край	1824,5	1436,6	1343,9	1334,0	1328,0	72,8
Амурская область	1057,7	902,8	830,1	806,0	798,0	75,4
Магаданская область	542,9	182,7	157,0	147,0	144,0	26,5
Сахалинская область	709,6	546,7	498,0	487,0	490,0	69,0
Еврейская АО	215,9	190,9	176,6	166,0	162,0	75,0
Чукотский АО	157,5	53,8	50,5	50,0	50,0	31,6

* составлено автором по данным Росстата.

графов-обществоведов¹), стало проявляться симптоматичное восприятие собственной территории не только как неблагополучной в природном, транспортном и социально-экономическом отношении, но и пребывающей в ситуации перманентного неравноправного финансово-экономического (в том числе и бюджетно-налогового) обмена² с общефедеральным центром, иными составляющими Российской Федерации. Подобного рода взгляды и оценки культивируются, излагаются, кстати, и в наши дни³, что показательно и закономерно. Доминирующее ныне (в рамках компрадорской модели экономики) хозяйствование крупных корпораций (ренто-

¹ Михайлов Ю. П. куда идти Сибири: взгляд географа // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 158–165.

² Безруков Л. А., Ишмуратов Б. М., Корытный Л. М., Савельева И. Л. Политико-географические проблемы Сибири в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 100–107.

³ Безруков Л. А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 79–89.

рынкоориентированных, нацеленных на минимизацию своих социальных и экологических обязательств), дополняемое отсутствием (в течение первых двух постсоветских десятилетий) политической воли (и мобилизованных целевых ресурсов) сформировало механизм не только ускоренной, особо рельефной и разрушительной в ситуации сибирских и дальневосточных пространств «съеживающейся концентрации» населения и хозяйственного потенциала, но и, одновременно, постепенного «выдавливания» России из обширнейшего, обретающего всё возрастающую глобальную геостратегическую значимость макрорегиона.

Как прозорливо и мудро подмечал наш выдающийся коллега Л. Н. Гумилёв, «навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует»¹. Осознание этой практически аксиомы, равно как восприятие «целостности территории» в качестве актуальнейшей проблематики, её инкорпорирование в научный и политический дискурс – наблюдается, впрочем, лишь на переломных, критических для страны, этноса, государства хронологических (геоисторических) этапах, на негативных траекториях, зачастую дополняемых столь же стремительно видоизменяющимся внешним контекстом. Эти изменения стали стремительно нарастать именно в последнее десятилетие; в их фокусе во всё возрастающей мере оказываются регионы Сибири и Дальнего Востока нашей страны.

Основной детерминантой судьбоносных для региона перемен стала, кстати, не геополитика (что превалировало ранее, мотивируя предыдущие импульсы «разворота» страны на восток), а геоэкономика – меняющийся баланс производственных, торговых, финансовых и инвестиционных возможностей в пользу Китая и ряда сопредельных азиатских государств. На этом фоне резко возросла геополитическая турбулентность (в том числе и внешнее «давление» на Россию, её регионы, латентное стремление «расшатать» территориальную целостность страны), начала происходить переоценка позиционных характеристик и приоритетных векторов

¹ Гумилев Л. Н. В Горбачеве я вижу Августа // Союз. 1991. № 18. С. 11.

внешнеэкономического и внешнеполитического взаимодействия Российской Федерации, новые контуры и целевые ориентиры стала обретать российская региональная политика. «Важнейшая тенденция современного мира, акцентирует видный политолог С. А. Караганов – относительное ослабление Запада, долго доминировавшего в мировой политике, экономике, культуре, и подъем “других” – в первую очередь Азии»¹ и справедливость этого тезиса наглядно иллюстрирует трансформация географии внешней торговли России, устойчиво наращивающей свой «азиатский вектор». Так, в частности, если в 2010 году по данным Федеральной таможенной службы на долю первой девятки стран – приоритетных торговых партнёров России в восточной и юго-восточной Азии приходилось 18,4 % всего внешнеторгового оборота нашей страны, то в 2018 году – 26 %; характерно, при этом, что подобная динамика на 82 % оказалась предопределена резко активизировавшимся партнёрством с Китаем (табл. 15).

Таблица 15

**Удельный вес некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона
в структуре внешнеторгового оборота России, %***

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Китай	9,5	10,2	10,5	10,5	11,3	12,1	14,1	14,9	15,7
Респ. Корея	2,8	3,0	3,0	3,0	3,5	3,4	3,2	3,3	3,6
Япония	3,7	3,6	3,7	3,9	3,9	4,0	3,4	3,1	3,1
Тайвань	0,5	0,5	0,6	0,8	0,7	0,7	0,9	0,9	1,0
Вьетнам	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	0,8	0,9	0,9
Сингапур	0,4	0,3	0,2	0,3	0,8	0,6	0,5	0,8	0,5
Таиланд	0,5	0,5	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
Индонезия	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,6	0,6	0,4
Малайзия	0,3	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4

* составлено автором по данным Федеральной таможенной службы.

¹ Караганов С. А. Уход военного превосходства Запада и геэкономика // Polis. Political Studies. 2019. № 6. Р. 8–21.

За истекшее десятилетие (с 2008 года) доля КНР во внешней торговле России увеличилась с 7,8 % до 15,7 %, то есть более чем в два раза. Практически удвоился и его абсолютный объём (табл. 16).

Таблица 16

**Товарооборот Российской Федерации
с Китайской Народной Республикой, в динамике***

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт	20	35	36	36	38	28	28	38	56
Импорт	40	48	52	53	51	35	39	48	52
Оборот	59	84	88	89	88	63	66	86	108

* составлено автором по данным Федеральной таможенной службы.

Сообразуясь с логикой фактора местоположения, во внешнеэкономические отношения с КНР в особой мере оказались вовлечены именно порубежные с ней сибирские и дальневосточные регионы Российской Федерации. В частности, доля Китая во внешней торговле Хабаровского, Приморского края, Амурской области и Еврейской автономной области – достигает 80 %¹. Во внешней торговле Забайкальского края удельный вес «Срединного государства» ещё выше – порядка 90 %; как подмечают: «КНР практически определяет экономическое будущее региона»². Недавно состоявшийся (2.12.2019) ввод в эксплуатацию магистрального газопровода «Сила Сибири» (пролегающего через Иркутскую область, Якутию и Амурскую область), вне сомнения, не только усилит общий азиатский (китайский) вектор тяготения для восточных регионов Российской Федерации, но и повысит их геоэкономическую значимость для наших крупнейших национальных корпораций. Экономика Китая, кстати, продолжает свой опере-

¹ Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.

² Бейдина Т. Е., Новикова А. В. Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учётом внешних санкций // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология». 2017. Т. 16. С. 23–32.

жающий рост (в 2017 г. на Китай пришлось треть прироста глобального ВВП), и это лишь усиливает порубежные (перманентно акцентируемые экспертным сообществом¹) российско-китайские контрасты. Если современная экономическая ритмика в целом сохранится, то к рубежу 2029–2030 гг. душевой ВВП в КНР и РФ с высокой долей вероятности сравняется, что неизбежно создаст полноформатные предпосылки для многообразных социокультурных и иных трансформаций в тяготеющих к Китаю регионах Сибири и российского Дальнего Востока, самым своим соседством (а также глобальным геополитическим раскладом) практически «обречённых» на всё большее и большее инкорпорирование в китайскую геоэкономику.

Новая реальность на востоке нашей страны (её ресурсные, производственные, транспортно-логистические, экологические, этнокультурные и военно-стратегические аспекты) и сопряжённые с ней геостратегические возможности и риски – предопределили (начиная с конца «нулевых» годов²) череду резонансных, акцентирующих «восточный вектор» в международной и региональной политике страны решений (создание в 2012 году Министерства по развитию Дальнего Востока, принятие в 2013 году государственной программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» и др.) с пока неявными, просматриваемыми в последние год-два лишь в ряде регионов позитивными эффектами преимущественно в производственной и инвестиционной сферах.

Так, к примеру, если в целом по России объём промышленного производства в 2017 году вырос на 2,1 %, то в Дальневосточном федеральном округе – на 2,8 % (в Приморском крае – на 18,5 %,

---

¹ Тулохонов А. К. О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. 228 с.; Тихоокеанская Россия. Страницы прошлого, настоящего, будущего / под ред. А. П. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

² Fiona Hill and Bobo Lo. Putin's pivot: why Russia is looking East // Foreign Affairs. 31 July 2013; Timofey Bordachev and Yevgeniy Kanaev. Russia's new strategy in Asia // Russia in Global Affairs. 2014. № 3.

Хабаровском крае – на 13,5 %, Магаданской области – 7,2 % и Еврейской АО – на 40,3 %), в Сибирском – на 3,8 % (в том числе Красноярский край продемонстрировал рост на 7,3 %, Иркутская область – 4,7 %, Алтайский край – на 4 %).

В несколько меньшей мере «восточный вектор» просматривается по такому приоритетному (и предопределяющему экономическую перспективу) аспекту как инвестиции в основной капитал. При среднероссийском росте за 2017 год на 4,4 %, к примеру в Якутии инвестиции увеличились на 35,4 %, в Амурской области – на 36,6 %, в Сахалинской области – на 17,3 % (при одновременном сокращении инвестиционной активности в ключевых дальневосточных регионах – Приморском и Хабаровском краях). Отставание от общего по стране позитивного инвестиционного тренда продемонстрировал и весь Сибирский федеральный округ (существенный прирост инвестиций в 2017 году был зафиксирован статистикой лишь в Алтайском крае и Кемеровской области). В целом же, по данным российского министерства по развитию Дальнего Востока, по состоянию на 1 января 2018 г., в 9 субъектах Дальневосточного федерального округа (без учёта Забайкальского края и Республики Бурятия) в общей сложности было привлечено \$ 4,6 млрд инвестиций. Данная цифра (при всей своей внешней солидности) эквивалентна, кстати, лишь 1,9 % от соответствующего показателя по всей Российской Федерации и в 6,5 раз уступает объёму инвестиций на территории города Москвы.

На этом противоречивом производственно-инвестиционном фоне «разворот на восток» ещё менее ощутим в социально-демографической сфере. Весьма показательна (и красноречива) статистика по «наиболее восточному» Дальневосточному федеральному округу (табл. 17): в 4 из 11 его субъектов среднедушевые денежные доходы населения даже сейчас не «дотягивают» до российского уровня. В пяти дальневосточных регионах опережающая динамика доходов в 2010–2017 гг. сочеталась с устойчивой деградацией жилищного строительства, иллюстрирующей в том числе и «вахтовый» характер заселения (для многих в России «между-

Таблица 17

**Соотношение среднедушевых денежных доходов населения
и душевого объема вводимого жилья в регионах
Дальневосточного федерального округа
со средними показателями по России***

	Среднедушевые денежные доходы				Душевой ввод жилья			
	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.
Республика Саха	1,22	1,23	1,27	1,27	0,77	0,86	1,18	1,22
Камчатский край	1,42	1,33	1,26	1,35	0,44	0,48	0,44	0,39
Приморский край	0,91	1,02	1,06	1,06	0,67	0,60	0,47	0,40
Хабаровский край	1,19	1,14	1,22	1,20	0,57	0,57	0,50	0,38
Амурская область	0,76	0,96	0,96	0,98	0,49	0,74	0,50	0,42
Магаданская область	1,47	1,65	1,65	1,71	0,25	0,15	0,07	0,08
Сахалинская область	1,62	1,61	1,61	1,55	0,99	1,08	1,25	1,32
Еврейская АО	0,81	0,79	0,77	0,74	0,73	1,07	0,84	0,57
Чукотский АО	2,01	2,06	2,08	2,26	0,02	0,06	0,09	0,15
Республика Бурятия**	0,75	0,80	0,82	0,80	0,68	0,73	0,63	0,51
Забайкальский край**	0,75	0,74	0,74	0,74	0,60	0,56	0,49	0,46

* составлено по данным Росстата.

** в составе Дальневосточного федерального округа с 03.11.2018.

домье» стало нормой¹), а также сохраняющиеся превалирующие установки части местных жителей на миграцию в западные (европейские) регионы страны.

¹ Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

В целом же за последние шесть лет (т. е. с момента активизации «восточной» региональной политики) население ДВО сократилось на 117 тыс. чел., или на 1,4 %. При том, что миграционный отток уже не повсеместен (положительно сальдо миграции обрели Сахалинская область и Камчатский край); интенсивность его – высокая, сопоставимая лишь с Мурманской, Архангельской областями и отдельными территориями Северного Кавказа). Пролонгированные «чемоданные настроения» характерны, кстати, и для целого ряда регионов Сибири (Иркутская, Омская области, Алтайский край, Тыва) – не менее значимого (чем российский Дальний Восток) ресурсно-операционного пространства формирования «Большой Евразии» (в сумме с Якутией концентрирующего 2/3 экспортного потенциала страны и обеспечивающего 43,5 % доходов федерального бюджета¹). Отток населения, как справедливо подмечают², сократился, но не прекратился.

Ситуация, таким образом, неустойчива и регионально фрагментирована, а позитивные территориально-локализованные хозяйственные эффекты «разворота на восток» не только «точечны», но и очень слабо, медленно конвертируются в социально-демографическую сферу. Имеющиеся у России системные риски «недоосвоения», «недоразвития» (и, соответственно, «угасания», «опустынивания») восточных регионов страны сочетаются, при этом, с рисками чрезмерной «интернационализации» (выстраивания ещё большей зависимости порубежных регионов от рынков и политики сопредельных государств), а также реализации инфраструктурных и производственных проектов вне учёта как природно-экологических возможностей сибирских и дальневосточных территорий, так и социальных интересов их территориальных общностей. И хотя, вне всякого сомнения, «поворот на Восток –

¹ Безруков Л. А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 79–80.

² Вперёд к Великому океану – 6. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2018. 20 с.

это не региональный проект приоритетного развития Дальнего Востока»¹, нельзя, совершенно неправильно, формулируя и реализуя соответствующую идеологему ориентироваться, в этой связи, исключительно на глобальные тренды и внешнеэкономические интересы. Это относится, прежде всего, к «развороту» РФ к Китаю, который (при всей его актуальности и значимости!) должен явиться скорее не самоцелью, а фактором, инструментом долгосрочной российской стратегии, включая и её «внутреннюю», собственно региональную составляющую. Сам же «восточный вектор» пространственного развития нашей страны, разумеется, было бы неверно, также, ограничивать лишь вопросами социально-экономического обустройства и трансграничного сотрудничества Тихоокеанской России: перспективы последней, её позитивная динамика возможны лишь в единой «связке» с Сибирью (включая и Западную), с укреплением российского присутствия в Арктике.

Как справедливо констатируют авторы одного из докладов «Валдайского клуба» – «входить» в пространство нового мирового центра [Китай] России приходится относительно менее развитой территорией, преодолевая более чем трёхвековой евроцентризм². Ставя целью хотя бы частично нивелировать исторически сформировавшуюся асимметрию в социально-экономическом развитии запада и востока нашей страны, невозможно, неприемлемо, в этой связи, культивировать отношение к территориям азиатской части России как к «обычным» её регионам. Помимо природно-климатического экстрима, транспортных дефицитов и издержек, а также чрезвычайной «разреженности» социально-экономического пространства, восток России – это и абсолютное превалирование т. н. «дикой природы» (по оценке В. Н. Бочарникова³ в Дальневосточном федеральном округе на долю «дикой природы» приходится 78,3 %

---

¹ Вперёд к Великому океану – 6. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2018. 20 с. 22.

² Там же. 20 с.

³ *Бочарников В. Н.* Геопространство «дикой природы» России // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. № 5. С. 165–174.

территории, в Сибирском – 65,3 %). «Распечатываемая» сибирские и дальневосточные «кладовые» в русле (и логике) «разворота на восток», важно, осознавать глобальную, общечеловеческую экологическую ценность данных регионов, не отдавая всё «на откуп» ни ныне уже весьма чётко просчитывающим свою «восточную» бизнес-перспективу крупнейшим компаниям, ни собственно сибирскому и дальневосточному («укоренённому») предпринимательству (в том числе и десятилетиями практикующему массовые незаконные вырубку леса и поставки необработанной древесины в Китай¹, сопровождаемые масштабным экологическим негативом²).

Вовлекаемый ныне в освоение/реосвоение (по геоэкономическим, геополитическим и собственно внутрirosсийским мотивам) восток страны должен стать «площадкой» апробации экологических, трудосберегающих, инновационных технологий. Констатируя это, важно также осознавать несоизмеримость ресурсного обеспечения «разворота на восток» в российской региональной политике масштабам сибирских и дальневосточных территорий, «багажу» накопленных (в том числе и уже за постсоветский период) инфраструктурных, структурных и иных проблем. Показательно, в этой связи, что на «дальневосточную» ФЦП за десятилетие предполагается выделить из федерального бюджета 536 млрд руб., в то время как на аналогичную программу по развитию Крыма (тоже, кстати, остро необходимую!) – 827 млрд. Существенно и иное: на фоне отдельных крупных инфраструктурных проектов, реализуемых (и декларируемых) в азиатской части страны (на Сахалине, в Приморье, в Якутии и др.) – основные интересы Российской Федерации (и её ведущих корпораций) по-прежнему ориентированы на запад³, на столичные агломерации. Показательно,

¹ Сухаренко А. Н. Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 148–156.

² Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с.

³ Блакисруд Х., Рове Э. У., Вакульчук Р. Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений // Валдайские записки. Август, 2018. № 92. 11 с.

что если в 2010 году регионы ДФО и СФО (в их современном составе) по данным Росстата получили 9,5 и 9,9 % всех (по России) инвестиций в основной капитал, то в 2016 г. – лишь 7,5 и 8,8 %, а в 2017 г. – 8,5 и 8,7 % соответственно.

В итоге, в противоречивых реалиях формирующейся «Большой Евразии», «разворот» Российской Федерации на восток пока, к сожалению, сколько-нибудь существенно не изменил в целом периферийное социально-экономическое положение сибирских и дальневосточных регионов. Реализуемые на федеральном уровне шаги ведут преимущественно к «островному», секторальному их хозяйственному освоению и развитию инфраструктуры ведущих городов, что инициирует дальнейшую интернационализацию экономики, придавая соответствующим территориям черты «двойной периферии». Симптоматично, что в последние три-четыре года именно российский Дальний Восток (благодаря, в первую очередь, энергетическим проектам на Сахалине) превратился в приоритетного получателя прямых иностранных инвестиций (согласно Росстату в 2016 г. их сальдо по ДФО составило 32 % от соответствующего общероссийского показателя, в 2017 г. – 26,7 %, а рост за 2011–2017 гг. оказался более чем десятикратным). Если учесть, при этом, продолжающееся с 2010 года медленное, но стабильное увеличение объёма китайских прямых инвестиций¹, можно предположить, что процесс вовлечения восточных регионов страны (как и её Арктической зоны) в транснациональные воспроизводственные «цепочки» (на фоне дальнейшей «съеживающейся концентрации» населения в немногие крупные городские центры, равно как и его «перетока» в европейские регионы, а также сохраняющейся дистанции между локалитетами крупной корпоративной экономики и социально-экономической повседневностью основной массы местных жителей, возрастающей по-

---

¹ *Roman Vakulchuk. Russia's new Asian tilt: how much does economy matter? // Russia's turn to the East: domestic policymaking and regional cooperation, edited by Helge Blakkisrud and Elana Wilson Rowe, 139–57. Palgrave Pivot, 2018. <https://www.palgrave.com/us/book/9783319697895>.*

лиэтничности «полюсов роста») – практически безальтернативен. Создавая бюджетно-финансовые и иные условия для инкорпорирования ДФО и СФО в столь необходимые России «большие евразийские партнёрства», очень важно, тем не менее, адекватно учитывать, оценивать, понимать текущие (и грядущие) «затраты-выгоды» от «восточного вектора» как для региональных общностей, так и России в целом. Тем более, что «сдвиг на восток» пока в фактических своих пространственных проявлениях сфокусирован лишь на немногие селитебно-хозяйственные центры и, соответственно, лишь усугубляет дистанцию между последними и иными, продолжающими экономически деградировать, теряя население, территориями. Ему объективно противостоит многовековая инерция российского пространства со «смещённым» на запад («европоцентричным»¹) хозяйственным и селитебным каркасом, с порубежными (на «разломе» системы «Россия-Запад», вновь активизировавшемся, вплотную приблизившимся к историческому ядру и основным осям страны) территориями, где, кстати, системные риски геополитического и геоэкономического переформатирования евразийского пространства, равно как и «завершения эпического путешествия России на Запад»² – могут оказаться наиболее ощутимыми. В данном контексте (учитывая всю сложность как современной евразийской архитектоники, так и положение в ней Российской Федерации) действенность, внятность, адекватность нашей национальной геостратегии в существенной мере будет предопределяться именно её поливекторностью, ориентацией не только на Китай, либо Центральную Азию, но и на страны Центральной и Восточной Европы, Балканы, государства Закавказья, Турцию, Сирию, Египет, Иран, страны Персидского залива, Афганистан, Пакистан, Индию и др., словом, всю евразий-

¹ Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 23–40.

² Сурков В. Одиночество полукровки (14+) // *Россия в глобальной политике*. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.11.2019).

скую политико-территориальную и этнокультурную мозаику. Сам «разворот на восток» должен рассматриваться, в этой связи, лишь как на данном этапе наиболее важный (но не единственный, не эксклюзивный!) компонент в общем столь необходимом магистральном углублении «евразийского вектора» развития России, вмещающего в себя (наряду с международной повесткой) кардинальный пересмотр региональной политики страны в интересах её обширнейших периферийных территорий.

2.3. Западное порубежье России: структуры трансформирующейся Евразии

Наблюдаемое ныне столь необходимое выстраивание Россией своего «восточного» геостратегического вектора – вовсе не означает, что ситуация на западных рубежах Евразии утрачивает для нас былую значимость и актуальность. Напротив, в силу многих геополитических, геоэкономических и геокультурных причин – она остаётся для нашей страны, для её евразийского позиционирования, наиприоритетнейшей, выводя на авансцену общественно-географического анализа такую многомерную, противоречивую (и, при этом, всё ещё только осмысливаемую научным сообществом¹) категорию как «западное порубежье России».

Раскрытию «порубежной» общественно-географической проблематики (включая концептуализацию самого феномена «западное порубежье России») посвящён ряд сравнительно недавно опубликованных автором работ²; не дублируя их содержание остановлюсь лишь на наиболее существенных для анализа и осмысления постсоветских структурных метаморфоз на западных границах Российской Федерации моментах.

---

¹ Дружинин А. Г. О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 35–44; Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России: монография / под ред. проф. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019; *Фёдоров Г. М.* Демографическая ситуация и демографическая безопасность в регионах западного порубежья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 119–135.

² Дружинин А. Г. О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3(61). С. 35–44; Дружинин А. Г. Западное порубежье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 1. С. 5–16.

Первый связан с последовательно развиваемыми и укореняемыми в науке представлениями о «границе» (и, соответственно, о «рубеже») как особом инварианте общественно-географических таксонов, не только разделяющих (объединяющих) иные пространственные целостности, но и фактически являющих собой относительно самостоятельные площадные объекты с присущей им собственной структурой, взаимозависимостью и иерархией составляющих, факторами и логикой геодинамики. Граница, в итоге, всё более воспринимается не как некая линия, а как полоса и, даже – ареал, и подобная когнитивная метаморфоза логично воплощается в категории «приграничье», понимаемой не только как некие тяготеющие к границе и испытывающие её влияние территории, но и особое пространство межсистемного (межгосударственного, междивизиационного, межблокового) взаимодействия, сотрудничества и конфронтации.

Ещё пять десятилетий назад выдающийся методолог и теоретик социально-экономической географии Ю. Г. Саушкин¹, осмысливая перспективу, очень верно предрекал «усложнение» географической картины мира, акцентировал необходимость видения всё большей «многомерности» пространственных явлений и процессов. Применительно к предметно-объектной сфере непосредственно науки о границах (лимнологии) данный тренд предельно чётко акцентировал В. А. Колосов, подмечая, что «система границ эволюционирует от единственных рубежных линий к множеству, от линий – к зонам, от физических границ – к культурным, от непроницаемых барьеров к линиям взаимодействия»². Категории «пограничье» и «порубежье», с одной стороны, созвучны данным метаморфозам, с другой – ещё более «расширяют» и детализируют пригранично-погранично-трансграничную общественно-географическую реальность (позволяя высветить её противоречи-

---

¹ Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.

² Колосов В. А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 8–20 (С. 16).

вую ипостась «системы внутри системы и на перекрестье двух систем»), являющую собой сложноструктурированный «полособразный» ареал, совокупность разномасштабных, существенно различающихся между собой (в природно-экологическом, ресурсно-экономическом, селитебно-демографическом, этнокультурном и иных отношениях) территориальных социально-экономических структур с общими (предопределяемыми геополитическими, геоэкономическими и геокультурными детерминантами кроссцивилизационного взаимодействия) свойствами, условиями развития, характеристиками¹. И «пограничье», и «порубежье», при этом, генерируется, структурируется границами (по мнению блестящего теоретика современной российской географии Б. Б. Родомана «граница» являет собой «...нечто, расположенное между двумя предметами и разделяющее их...»²), но в пространственном отношении отнюдь не сводится к неким демаркационным линиям, являя преимущественно нелинейный, сложный, полимасштабный общественно-географический объект. «Порубежье», кстати, лишь отчасти синонимично «пограничью», в том числе и по причине изначально большей «ширины» (ёмкости, насыщенности территориальными структурами) «рубежа» по сравнению с любого рода границами (даже с учётом тяготеющих к ним территорий).

Второй отправной момент осмысления феномена «западного порубежья России» связан с изначальным содержательным дуализмом категории «порубежье», объединяющем в себе не только собственно лимнологические, но и геополитические характеристики и смыслы, когда использование рассматриваемого термина (и его производных: «рубежность», «порубежье») являет и резон, и значимую коннотацию лишь в ситуации «пограничной» конфликтности, транзитивности, неопределённости, имеющих место

¹ Дружинин А. Г. Западное порубежье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 1. С. 5–16.

² Родоман Б. Б. Основные типы географических границ // Географические границы. М.: МГУ, 1982. С. 28–37 (С. 31).

геополитических (равно как и геоэкономических, геокультурных) рисков. «Рубеж» (в превалирующем своём понимании «бытия на стыке своего и чужого»¹) выступает, при этом, необходимым, прочно укоренённым в глубинных пластах российской национальной культуры маркером значимости тех или иных сегментов государственных границ (с прилегающими к ним территориями), а также связанного с ними и разворачивающегося «над ними» геополитического (явного и латентного) противостояния². «Порубежье», в итоге, – это пограничье и сопредельные с ним регионы (и, даже, целые государственные образования) в условиях резко возросшего (продуцируемого как объективными, так и субъективными факторами) межгосударственного, межблокового, междивизиационного противоборства; масштаб и острота последнего, предопределяя специфичность тех или иных составляющих данного пространственного феномена (и их «особую ценность») – продуцирует «порубежные характеристики», предопределяя, тем самым, как концептуализацию, так и делимитацию порубежья, его обособление во всей фактической множественности общественно-географических структур и таксонов. В этой связи феномены «порубежья» и «порубежности» представляют собой непосредственный результат (либо предвосхищение, предтечу) резких и масштабных прежде всего геополитических изменений. В этой связи, если конкретизировать изложенный концептуальный подход применительно к современным российским, евразийским реалиям, – именно разрушение СССР и объединяемой им группировки государств повлекло за собой не только появление у России протяжённых «новых» границ (максимально смещённых к узловым, центральным компонентам российского пространства, что, безусловно, лишь повысило потенциал их «рубёжности»), но и чрезвычайном образом «прирастило» её порубежные террито-

---

¹ *Забияко А. П.* Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.

² *Дружинин А. Г.* О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 35–44.

рии (вполне справедливо рассматриваемые коллегами как «...земли, страны и народы по обе стороны от наших новых и традиционных границ»¹).

Отмечу также, что именно на западном направлении российского порубежья (в ретроспективе многократно «мигрировавшего», видоизменявшего свою конфигурацию) – многие столетия границы обретались (и удерживались) с наибольшим для нашей страны напряжением, драматизмом, испытывали перманентное внешнее «давление». Современное западное порубежье России (Российской Федерации) – непосредственный итог её геоистории; при этом оно – «дуалистично», поскольку вмещает как старые (до конца 1980-х гг.), так и новые рубежи, а также обширнейшие, оказавшиеся оконтуренные ими пространства. Само появление подобного рода порубежного мегаобразования, его сложнейшая структура (два десятка государств, входящих как в ЕС и НАТО, так и в ОДКБ, Союзное государство, а также «непризнанные» Приднестровье, ДНР, ЛНР) и крайне широкий по пространственному охвату, но фрагментами неявный контур – итог масштабных и (по историческим меркам) стремительных изменений, связанных, первоначально с «перекройкой» политической карты Центральной и Восточной Европы по результатам Второй Мировой войны, а далее – с разрушением «лагеря социализма» и СССР, повлекшим за собой «великое отступление» (по выражению З. Бжезинского²) России, её пролонгированный геополитический (а также геоэкономический, геокультурный) «отлив», «откат» в восточном направлении. Последний сопровождался не только выстраиванием фактически обновлённой системы государственных границ Российской Федерации на её западе, но и «оставлением» за их (всё большей мере обретающими «барьерность») линиями сложившихся ранее ареалов с русским населением, с множественными

---

¹ Бабурин В. Л., Даньшин А. И., Елховская Л. И. География российского порубежья: мы и наши соседи. М.: Просвещение, 2006. 303 с.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

локализованными носителями русского языка, со значимыми для функционирования российской экономики традиционными рынками сбыта, инфраструктурой (магистральные трубопроводы, морские порты), с отлаженными производственно-кооперационными, технологическими и гуманитарными связями с Россией, и, что не менее важно – ментально близких, значимых для русского человека, для россиянина территорий, даже в новой реальности продолжающих восприниматься как былая Большая Родина, как «Историческая Россия», как имманентные составляющие нашего национального геоисторического наследия.

Характерно также, что «рубежность» западных границ Российской Федерации наиболее чётко проявилась именно с середины 2000-х гг., когда уже практически исчезли питаемые в 1990-е гг. иллюзии, что Россия станет полноправной частью коллективного Запада, сполна продемонстрировавшего свой настрой методично, упорно, напрочь игнорируя вновь проявившиеся геополитические (в том числе и военно-стратегические) интересы нашей страны, и далее переформатировать в своих интересах пространства уже не только Центральной, но и Восточной Европы, а также Южного Кавказа.

Западное российское порубежье – это, в итоге, не только череда двухсторонних приграничных связей, либо, шире, конкретные межстрановые отношения (например, России и Украины, России и Польши и др.), сколько «центрированная» на системе российских границ (совокупности политических, этноконфессиональных, этнолингвистических рубежей) пространственная проекция отношений «Россия – Запад», её важнейший (и как свидетельствуют события последних лет – весьма чувствительный) компонент.

Отмечу также, что весь постсоветский период полоса непосредственного пространственного контакта структур Запада и России устойчиво (трендово) удлиняется; если до распада СССР наши регионы соприкасались с НАТО лишь на сравнительно коротком (219 км) участке норвежской границы, то к настоящему времени «нерубежным» фактически остаётся только российско-белорусский сектор западного пограничья (при том, что сама Бе-

лоруссия, её геостратегические ориентиры, перспективы – всё заметнее предстаёт ныне одним из ключевых сегментов и нашего западного порубежья, и всей европейско-евразийской актуальной геополитической повестки). В будущем гипотетически вероятностное вхождение Грузии в состав НАТО – в ещё большей мере удлинит контур нашего западного порубежья, дополнив его, в частности, территориями Северного Кавказа. «Порубежные» черты и характеристики, кстати, устойчиво обретает и российская Арктика, её обширнейшие шельфовые зоны и многочисленные острова. Утрачивая свою чёткую географическую «привязку», западное порубежье всё явственнее предстаёт в виде обширнейшей дуги, включающей в себя как полосу современного (наиболее глубокого и острого) геополитического размежевания в Евразии, так и тяготеющие к ней, сопряжённые с порубежными пространствами ключевые (селитебно, инфраструктурно, демографически) российские регионы.

Акцентируя «молодость» (по масштабам геоисторического процесса) современного инварианта «западного российского порубежья», его динамизм, транзитивность структур, процессов и характеристик (в том числе и в связи с общеевразийскими изменениями), необходимо отметить также, что своими отдельными пространственными фрагментами соответствующий ареал одновременно характеризуется как частичной утратой «порубежных» свойств (в связи со сменой поколений, экономическими и культурными изменениями), так и их возобновлением, активизацией (благодаря переносу инфраструктуры НАТО к российским границам, стимулированию русофобии, появлению «непризнанных» государств, конфликту на Украине, всё более активизирующейся информационной войной за Белоруссию и т. п.). Это и «фасад», и «буфер», и трансграничная реальность, и особая региональная группировка, тесно сопряжённая с общей пространственной архитектурой нашей страны и имеющая не только непосредственно примыкающий к рубежам российского государства региональный и муниципальный контур-каркас, но и множественные (транспорт, логистика, погранично-таможенная инфраструктура, лока-

лизация этносов, пункты дислокации российских силовых структур и др.) вынесенные элементы.

Воспринимая «порубежье» как полимасштабный феномен, важно, соответственно, чётко различать как собственно межстрановую «порубежность», так и более сложную и обширную по своему охвату «порубежность» макро- и мегасистем (реальности, соотносящиеся между собой как части и целое), вычленять (в рамках единой «порубежной» общественно-географической структуры») порубежье «внутреннее» и порубежье «внешнее», субстанции, кстати, не только взаимозависимые, но и обладающие потенциалом некоего трансграничного транзита, включая «миграцию» компонент «внешнего» порубежья в структуру порубежья «внутреннего» (что, в частности, ярко продемонстрировала «Крымская весна» 2014 года). Отмечу также, что в условиях западного порубежья России (являющего собой пульсирующий в ритме «прилива-отлива» «подковообразный» ареал, опоясывающий западную, северо-западную и юго-западную части Российской Федерации) особое, ключевое значение обретают трансевразийские лимитрофные («буферные») конструкты, имеющие, кстати, чёткую не только пограничную, но и морскую «привязку» (Балтика Причерноморье), что позволяет рассматривать наше западное порубежье и как череду аквально-территориальных структур трансграничного генезиса и типа.

В своей предельно-широкой макропроекции «внутренний» компонент западного порубежья России может быть соотнесён с тремя российскими «западно-приграничными» федеральными округами: Центральным, Северо-Западным и Южным (16,3 % территории страны и 47 % её населения); селитебно, в производственном и инфраструктурном отношениях – это важнейшие структуры страны, что, кстати, не только наглядно иллюстрирует «европоцентрированность» современного российского пространства, но и особым образом акцентирует значимость для России западного вектора её евразийской геостратегии.

В мезомасштабе «внутренний» компонент западного порубежья России представлен 17 субъектами Российской Федерации (в сумме это 8,2 % её площади, 20,8 % населения, 17,4 % ВВП), при-

чём четыре из них имеют выход исключительно к морским рубежам России. Данная полоса «порубежных» российских регионов весьма разнородна по своим как природно-климатическим, так и социально-экономическим характеристикам. Она вмещает, в частности, северные (в том числе и арктические) территории, обладающие значимым ресурсным потенциалом, геостратегически приоритетные для страны, но весь постсоветский период «теряющие» население и нуждающиеся в особых подходах (и затратах, включая бюджетные) в своём военно-инфраструктурном, хозяйственном и селитебном освоении; здесь же (а также в Белгородской и Курской областях) локализованы и профильные для России экспортные сырьевые производства. В западном порубежье функционируют также трансграничные коридоры федерального значения (в наиболее выраженной мере – в Санкт-Петербурге, Ленинградской, Мурманской, Ростовской областях и Краснодарском крае), локализованы ведущие российские курорты (в пределах Краснодарского края, Республики Крым, Калининградской области и др.), а сегмент порубежья от Брянской области до Краснодарского края обеспечивает почти 30 % всего объёма сельскохозяйственного производства России. Субстоличные возможности и функционал Санкт-Петербурга (и, отчасти, Ростова-на-Дону) сочетаются с наличием в структуре «внутреннего» порубежья запада нашей страны территорий с особыми геоэкономическими и геополитическими условиями функционирования (Республика Крым и Севастополь), а также эксклавной Калининградской области – западными российскими форпостами со специфической региональной идентичностью¹ и обретенными в постсоветский период чертами «двойной периферии».

По душевому объёму валового продукта одиннадцать из семнадцати «западно-порубежных» субъектов РФ уступают в настоящее время среднему по России уровню, причём для Брянской и

---

¹ *Klemeshev A., Fedorov G. and Fidrya E., 2017: Specific Kaliningrad character of the Russian identity. In: Biegańska, J. and Szymańska, D. editors, Bulletin of Geography. Socio-economic Series, No. 38, Toruń: Nicolaus Copernicus University, pp. 47–55.*

Псковской областей, а также для Республики Крым и города Севастополь подобное отставание – более чем двукратно. Следует, при этом, констатировать, что даже в сложных для экономики России условиях последних семи-восьми лет (2010–2017 гг.) удельный вес регионов западного порубежья в совокупном ВВП страны симптоматично вырос с 16,6 до 17,4 %; опережающая динамика имела место не только в Санкт-Петербургской агломерации, но и на всём аграрно-индустриальном западе – юго-западе (от Брянской области до Республики Крым).

Фиксируя внимание на экономической специфике «внутреннего» сегмента нашего западного порубежья, важно отметить также, что в шести примыкающих к западной границе российских регионах (включая Севастополь, Республику Крым, Псковскую, Брянскую, Смоленскую и Ростовскую области) уровень экономического развития уступает среднемировому (17,8 тыс. долл. США в 2018 году) и, при этом, ни в одном «западно-порубежном» субъекте РФ – не превышает усреднённый по Евросоюзу показатель (40,9 тыс. долл.), к которому, правда, вплотную приблизился г. Санкт-Петербург. Подобная ситуация предопределяет и трансграничные экономические градиенты: наиболее существенны (не в пользу России) они – на границе Псковской области и Эстонии (в последней душевой внутренний продукт в 2,7 раза выше), на карельском порубежье (по душевому ВВП Финляндия превосходит показатель по Карелии в 2,3 раза), а также между Калининградской областью и Польшей (в 1,4 раза). В то же время по украинско-российской границе трансграничный экономический градиент в подавляющей части, напротив – в пользу России (от 3-х кратного превышения в Белгородской области, до 2-кратного в Воронежской и Ростовской; лишь в Республике Крым душевой валовой продукт примерно равен среднему по Украине, т. е. по факту – выше, чем в сопредельных украинских областях).

В отличие от «внутреннего», «внешний сегмент» западного порубежья России – ещё более масштабен и разнороден; его составляющие демонстрируют разновекторные хозяйственные и демографические тренды; различается (подчас динамично меня-

ьясь) и степень, характер их сопряжённости с Россией и её регионами. В своём предельно-возможном, максимально широком осмыслении «внешний сегмент» ныне представляет собой, прежде всего, шесть бывших постсоветских республик (в сумме – почти 950 тыс. км² и 61 млн жителей), а также европейские страны – в прошлом участники СЭВ (вместе с восточными землями Германии это ещё 950 тыс. км² и 168 млн чел.). Прочерчивая контур нашего западного порубежья, к этим ещё три десятилетия назад геополитически и геоэкономически «близким» России (СССР) и, в дальнейшем, активно вовлечённым в процесс евроинтеграции и расширения НАТО территориям (отчасти, как в ситуации, например, Чехии, Словакии, Венгрии, территорий бывшей ГДР – уже почти исчерпавшим своё качество российского «рубёжа», отчасти, как в случае Украины – напротив, рельефнее его проявившим) в настоящее время оправданно (в связи с акцентированным интересом Российской Федерации к развитию хозяйственных и иных контактов) отнести также важнейшего причерноморского «соседа» РФ – Турецкую Республику и, одновременно, – Республику Сербия, а также Республику Сербскую (как наиболее «пророссийски настроенные» политико-территориальные образования на Балканах и, соответственно – приоритетные направления балканской российской геополитики). «Порубежные» (для России) качества сохраняют, кроме того, разумеется, Норвегия и, особенно, Финляндия.

В последние три десятилетия пространства к западу от российских рубежей (и, в первую очередь, бывшие советские республики) оказались под влиянием ряда значимых как для них самих, так и для России, для её взаимодействия с сопредельными государствами, мегапроцессов.

Наиболее масштабный и практически повсеместный (не затронувший лишь Польшу) – *ощутимая депопуляция*, в наибольшей мере проявившаяся в поостсоциалистических странах, обретших в новой геоэкономической реальности (в том числе и в евроинтеграционных структурах) предельно невыигрышный, периферийный статус: в странах Балтии, а также в Болгарии, Румынии и, разумеется, Украине (табл. 18).

Таблица 18

**Численность населения в некоторых странах
западного порубежья России, тыс. чел. ***

	1990 г.	2018 г.	2018/1990	2050 г.	2050/2018	2050/1990
Белоруссия	10151	9439	93,0	8634	91,5	85,1
Болгария	8841	7200	81,4	5385	74,8	60,9
Венгрия	10377	9708	93,6	8470	87,2	81,6
Польша	37960	37922	99,9	33295	87,8	87,7
Молдова	4366	4052	92,8	3213	79,3	73,6
Румыния	23489	19506	83,0	15723	80,6	66,9
Украина	51436	41906**	81,5	31846**	76,0	61,9
Эстония	1565	1323	84,5	1126	85,1	71,9
Латвия	2664	1928	76,0	1432	74,3	53,8
Литва	3696	2810	76,0	2046	72,8	55,4
Сербия	9518	8803	92,5	7084	80,5	74,4

* составлено по данным Всемирного банка.

** за вычетом Крыма.

Кстати, подавляющая часть регионов «внутреннего» российского западного порубежья в постсоветский период также активно «теряла» своё население: за 1989–2018 гг. демографический потенциал Брянской области сократился на 18 %, Смоленской – на 19 %, Псковской – на 25 % (что вполне сопоставимо с аналогичными показателям по странам Балтии и Украине). Реальных полюсов демографического роста (в мезомасштабе) в «порубежном» поясе российских регионов в настоящее время всего два: балтийский (Санкт-Петербургская и Калининградская агломерации) и юго-западный (фактически – причерноморские города Кубани, Краснодар и Ростов-на-Дону с его ближайшем окружением и, отчасти, – Севастополь, некоторые другие приморские поселения Крыма); на остальных территориях имеет место ускоренная депопуляция (в целом численность населения регионов западного порубежья за постсоветский период сократилось на 520 тысяч че-

ловек; северный сегмент, при этом, за 1989–2017 гг. утратил более трети своего первоначального населения).

Ожидаемое (в рамках демографического прогноза ООН) снижение репродуктивных возможностей соответствующих территориальных общностей, дополняемое их пролонгированным «демографическим донорством» в пользу европейских и евразийских «полюсов роста» ощутимо ограничивает возможности социально-экономического развития, придавая подавляющей части рассматриваемого ареала свойства полузависимых (и зависимых) территорий, демонстрирующих выраженную волатильность экономики. Тем не менее, последние восемь лет душевой ВВП (по ППС) и в России, и в подавляющей части соседствующих с ней (на западе) государств прирастал (за исключением экономически высокоразвитой Финляндии) темпами, выше среднемировых (табл. 19).

Таблица 19

Душевой ВВП в РФ и некоторых странах её западного порубежья*

	2000 г.		2013 г.		2018 г.		Динамика за 2010–2018 гг., раз
	Долл. США	В соотношении с ВВП РФ, %	Долл. США	В соотношении с ВВП РФ, %	Долл. США	В соотношении с ВВП РФ, %	
Россия	6650	100,0	25330	100,0	26470	100,0	3,98
Белоруссия	6010	90,4	17650	69,7	19200	72,5	3,19
Украина	3710	55,8	14700	58,0	9020	34,1	2,43
Молдавия	2270	34,1	6170	24,4	7680	29,0	3,38
Польша	10610	159,5	23890	0,94	30140	113,9	2,84
Эстония	9070	136,4	26860	106,0	34670	131,8	3,82
Латвия	8010	120,5	22630	89,3	30270	114,4	3,7
Финляндия	26590	399,8	41430	163,6	47970	181,2	1,84
Мир	7941	119,4	14700	58,0	17841	67,4	2,25

* составлено по данным Всемирного банка.

Обращая внимание на присущую всему порубежью на западе России *региональную (страновую) фрагментированность и неустойчивость экономического развития*, её существенную зависимость и от глобальной конъюнктуры, и от «доступности» крупных сопредельных (европейских и евразийских) рынков и, соответственно – *пространственную неравномерность*, следует констатировать, что в период с 2013 г. Финляндия, Польша и страны Балтии – увеличили свой экономический «отрыв» от России, в то время как Украина, Молдова и Белоруссия – сохранили (и усугубили) своё отставание (экономическая ситуация на Украине и в Молдавии является наиболее «провальной»; статистически фиксируемое с 2016 года некоторое оживление хозяйственной активности на Украине – принципиально не меняет краше плачевного положения этой страны, испытавшей стремительный и резкий социально-экономический «откат», в том числе и в контексте деградации былых украинско-российских связей.

«Порубежность» зачастую предопределяет дополнительные экономические возможности: диверсификацией связей, выгодами обеспечения транзита, получением (зачастую – с двух и более противоборствующих сторон) подобия «геополитической ренты». Но она же, при определённых ситуациях (и опыт, тренд постсоветской Украины здесь весьма красноречив, показателен), – дезинтегрирует («растаскивает») страну, ведёт к её пролонгированному глубокому упадку и, соответственно, в ещё большей мере множит потенциал внутренней дестабилизации, равно как и зависимости от интересов и действий внешних акторов. Положение на Украине иллюстрирует, кстати, и потрясающую стремительность (под влиянием совокупности геополитических и геоэкономических обстоятельств) общественно-географических метаморфоз, динамизм порубежных (на западе России, в полосе контакта «Россия – Запад»), структур и ситуаций, включая разрушение былых межстрановых, трансграничных взаимозависимостей, в первую очередь – хозяйственных.

В Советском Союзе УССР концентрировала широкий спектр добывающих производств (обеспечивая 72 % потребностей СССР

в марганце, 48 % добычи железной руды, 21 % – угля¹) и предприятий первого передела (41 % общесоюзного производства чугуна, 27 % стали, 25 % проката и др.), специализировалась как поставщик высокотехнологичных (в том числе на базе почти 700 предприятий военно-промышленного комплекса, обеспечивающих работой более 1 млн высококвалифицированных специалистов) и продовольственных товаров (до 25 % от общего по Союзу валового сбора зерновых, 22 % мяса в убойном весе, 51 % производства сахара-песка, 25,9 % животного и 32,3 % растительного масла²), выступала значимой для всего СССР транспортно-логистической³ и туристско-рекреационной территорией⁴. К концу 1980-х её вклад в общесоюзное производство сельхозпродукции достигал 22,1 %, продукции промышленности – 16,8 %, произведённом национальном доходе СССР – 17,4 % (что, кстати, несколько уступало доле республики в численности населения Союза – 18,0 %).

После 1991 года сохраняющиеся экономические взаимосвязи стали одним из подверженных спонтанной эрозии, но, тем не менее, реальных «скрепов» российско-украинских отношений. Они же, впрочем, порождали и неустойчивый, временами негативный (обострявшийся, в частности, в период так называемых «газовых конфликтов» 1993 г., 2005–2006, 2007–2008, 2008–2009 гг., взаимных ограничений на поставку товаров и т. п.) внешнеполитический контекст, инициировали постепенное ментально-психологическое отчуждение двух культурно, исторически и генетически предельно близких народов, провоцировали конфликт их олигар-

¹ Экономическая и социальная география стран ближнего зарубежья. М.: Дрофа, 2004. 576 с.

² СССР и союзные республики в 1988 году. М.: Финансы и статистика, 1989. 256 с.

³ *Дергачёв В. А.* Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения. Л.: Геогр. об-во СССР, 1989. С. 39–50.

⁴ *Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т.* Рекреационная география. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 207 с.

хических группировок и политико-экономических элит. Тем не менее, вплоть до 2014 г. Россия не только выступала в плотной геозкономической «связке» с Украиной (геополитически всё больше обретавшей черты «двуликого Януса»¹, проявлявшей свою «рубужную биполярность»², «двухполюсность»³), но и в 2000–2008 гг. и 2010–2013 гг. являлась для неё во многом своеобразным социально-экономическим «локомотивом»⁴.

События 2014 года ещё чётче высветили для Российской Федерации «порубужную» ипостась и значимость Украины; они же стали «спусковым механизмом» не только ускоренной вестернизации этой страны, но и стремительного свёртывания двухсторонних хозяйственных связей на фоне одновременной переориентации украинского экспорта и импорта на Германию и (наиболее интенсивно) – на Польшу (табл. 20).

Эволюцию российско-украинских внешнеторговых зависимостей предельно наглядно иллюстрирует динамика поставок российского природного газа (чей максимум – 55 млрд м³ был зафиксирован в 2006 г.): 2013 г. – 26 млрд, 2015 г. – 14,5 млрд, 2017 г. – 2,4 млрд, 2018 г. – 2,7 млрд м³. В свою очередь Украина практически утратила традиционно значимый для целого ряда её регионов (особенно южных⁵) российский рынок продовольствия. Весьма существенно снизился и такой важный показатель сопря-

---

¹ С ЕС Украиной в 1994 г. было подписано «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве», с РФ в 1997 г. – «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве»; в 1998 г. – «Договор об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 гг. », в 2002 г. – «Соглашение о стратегическом партнерстве в газовой сфере» и др.

² *Дергачёв В. А.* Раскалённые рубежи. Одесса, 1998. 245 с.

³ *Багров Н. В.* Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Лыбидь, 2002. 256 с.

⁴ *Дружинин А. Г.* Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геозкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.

⁵ *Shelest H.* After the Ukrainian crisis: Is there a place for Russia? // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. Vol. 15, Issue 2. Pp. 191–201.

Таблица 20

**Доля России, Германии и Польши в экспорте и импорте Украины
(2001–2018 гг., %)***

Годы	В экспорте Украины			В импорте Украины		
	Россия	Германия	Польша	Россия	Германия	Польша
2001	22,4	4,2	3,1	36,6	8,5	2,8
2005	21,9	3,8	3,0	35,6	9,4	3,9
2010	26,1	2,9	3,5	36,5	7,6	4,6
2013	23,8	2,5	4,0	30,2	8,8	5,3
2015	12,7	3,5	5,2	20,0	10,6	6,2
2018	8,0	5,0	7,0	14,0	10,0	6,0

* составлено автором по данным Международного центра торговли (International Trade Centre).

жённости экономик двух стран как объём финансовых средств, пересылаемых из России украинскими гражданами (уже с начала 2000-х гг. каждая пятая семья Украины имела своего представителя, временно работающего в другой стране¹); если в 2013 г. сальдо трансграничных переводов (между Российской Федерацией и Украиной) по данным Центрального банка РФ составляло 2827 млн долл. США (в пользу Украины), то в 2014 г. – 1877, 2015 г. – 970, 2016 г. – 188, 2017 г. – 166 и лишь в 2018 году вновь возросло до 321 млн долл. США. Помимо несомненно имевшей место в последние пять лет «теневи́зации» данного финансового потока и воздействия на него кризисно-стагнационных процессов в самой России – основная причина, полагаю, в данном случае – последовательная переориентация «заробітчán» на западно- и центрально-европейские страны. И это лишь одна из граней ныне ускоренно реализуемого преимущественно геополитическими (и геоидеоло-

¹ Прибыткова И. М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. 2003. С. 17–31.

гическими) методами (на фоне неотвратимой смены поколений и иссякания «инерции СССР») структурного реформирования украинской экономики (равно как и общества в целом), её более глубокой, преобладающей ориентации на Запад (в качестве рынка сбыта, «резервуара» рабочей силы, а также поставщика сельхозсырья). Зеркальным отражением этого процесса стало и трендовое снижение «присутствия» Украины во внешнеторговом обороте России: с 5,9 % в 2010 г., до 4,7 % в 2013 г. и 2,2 % в 2018 году (в последнее время, кстати, проявилась и некая контртенденция, поскольку согласно данным Всемирной торговой организации за 2016–2018 гг. товарооборот России и Украины возрос на 46 %).

Что же касается более широкого порубежного контекста 2010-х годов, то свои особые, приоритетные позиции российского внешнеторгового партнёра – Украина (как свидетельствует таможенная статистика) уступила Белоруссии; вторым по значению западно-порубежным контактом Российской Федерации в настоящее время стала Польша (табл. 21).

Таблица 21

Объём внешнеторгового оборота России с рядом стран Центральной, Восточной и Северной Европы*

	2010 г.		2013 г.		2018 г.	
	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ
Белоруссия	28034	3,7	34187	4,1	33999	4,9
Украина	37195	5,9	39603	4,7	14984	2,2
Молдова	1529	0,2	1738	0,2	1560	0,2
Болгария	3955	0,6	2918	0,3	3469	0,5
Венгрия	8486	1,4	9359	1,1	6954	1,0
Латвия	6566	1,0	11224	1,3	5192	0,8

* составлено автором по данным Федеральной таможенной службы.

Окончание табл. 21

	2010 г.		2013 г.		2018 г.	
	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ	Млн долл. США	% от всего внешне-торгового оборота РФ
Польша	20761	3,3	29907	3,3	21681	3,2
Румыния	3370	0,5	3662	0,4	4919	0,7
Словакия	7068	1,1	9393	1,1	5882	0,9
Чехия	8418	1,3	11301	1,3	8672	1,3
Эстония	2269	0,4	4813	0,6	3069	0,4
Финляндия	16754	2,7	18703	2,2	14752	2,1

Помимо Польши, в последние годы весьма стабильно «присутствие» во внешней торговле России таких государств как Чехия, Молдова, Эстония; неустойчиво с нисходящей траекторией – Болгарии, Латвии; сокращается – Финляндии, Венгрии, Словакии, несколько растёт – Румынии; динамично увеличивается – с Беларусией, причём именно для этой страны Российская Федерация продолжает оставаться действительно важнейшим, эксклюзивным партнёром (на долю России в 2018 году приходилось 38 % всего белорусского экспорта и 58 % импорта, в то время как для Украины – лишь 8 и 14 % соответственно, Молдавии – 8 и 13 %). Что касается «российской составляющей» во внешнеторговом обороте других постсоциалистических государств – то она либо незначительна (как для Польши, Болгарии), либо близка к статистической погрешности (для Венгрии, Словакии, Словении) (табл. 22).

В итоге, несмотря на сохраняющуюся (особенно – в энергетической сфере) «колею зависимости» и позитивные эффекты соседства, экономики подавляющей части государств нашего западного порубежья уже достаточно дистанцированы от России; последняя, в свою очередь, настойчиво и последовательно стремится преодолеть былую зависимость (как транспортно-логисти-

Таблица 22

Удельный вес России во внешней торговле ряда постсоциалистических, постсоветских государств Европы, 2018 г. %*

	В экспорте	В импорте	Доля энергоносителей в объёме импорте	Реализация природного газа АО «Газпром», млрд м ³
Белоруссия	38	58	49	20,0
Болгария	1	10	87	3,2
Венгрия	1	4	86	7,7
Латвия	9	8	39	1,3
Литва	14	14	78	1,4
Молдавия	8	13	34	3,0
Польша	3	7	68	9,9
Румыния	2	4	81	1,3
Сербия	5	8	68	2,1
Словакия	2	5	86	5,1
Словения	3	1	80	0,5
Украина	8	14	54	2,7
Эстония	9	10	57	0,5

* составлено по данным Международной торговой организации.

ческую, так и производственно-технологическую) от постсоветских, постсоциалистических государств. Эффекты хозяйственной «дерусификации» западной периферии Евразии корреспондируют с этнодемографическими и этнолингвистическими процессами; их катализируют и стимулируют как усилия внешних геополитических игроков (прежде всего, США), так и новая реконфигурация западно-порубежного (для России) пространства, включая всё более чёткое позиционирование Польши в качестве его важнейшего аттрактора и организующей доминанты.

Экономика Польши (ВВП по официальному обменному курсу) только за 2000–2018 годы «выросла» в 3,4 раза, в то время как, к

примеру, германская – чуть более чем в 2 раза. Благодаря динамизму и достаточной устойчивости, экономический потенциал Польши превышает ныне (2018 год) аналогичный суммарный показатель по Украине, Белоруссии и Литве более чем в 4 раза (табл. 23).

Таблица 23

Соотношение ВВП (по официальному обменному курсу) России, Германии, Польши, Белоруссии, Украины и Литвы: ВВП Польши = 100*

	1995 г.	2000 г.	2013 г.	2018 г.
Польша	100	100	100	100
Украина	34	18,2	35,0	22,3
Белоруссия	10	7	14	10
Литва	5	7	9	9
Россия	278	151	438	283
Германия	1825	1133	716	683

* составлено по данным Всемирного банка.

Польшу в последнее тридцатилетие (на фоне экономического позитива) практически не затронула и депопуляция, в то время как численность населения в трёх сопредельных с ней государствах (ранее также входивших в историческую Rzeczpospolita) за постсоветский период сократилась более чем на 11 млн человек, т. е. на 17 %, имея чёткую перспективу к последующему устойчивому снижению (характерно, что по прогнозу ООН к середине XXI века демографический потенциал Польши превысит численность населения Украины).

Активизирующийся «польский фактор» ещё четче высвечивает новые для России и её интересов на западе Евразии реалии: утверждающийся на пространствах Центрально-Восточной Европы «европоцентризм» продуцирует их порубежность; последняя – лишь усугубляет, увеличивает геополитическую и геоэкономическую «дистанцию» между Российской Федерацией и её соседями, что ведёт к дальнейшей эскалации барьерности границ и, соответственно, свойств «рубужности». В этой ситуации внешний сег-

мент западного порубежья России отчётливо демонстрирует новые (слабо связанные с Россией, выступающей в данной ситуации в качестве преимущественно «внешнего раздражителя») интеграционные форматы и импульсы. Мегапроцессы (евроинтеграция, экспансия НАТО) дополняются, при этом, попытками ментально и институционально сконструировать (и, отчасти, реанимировать) новую зависимую (от глобалистских, евро-атлантических сил) макрорегиональную геополитическую реальность, дополняя идею «Центрально-Восточной Европы» (Central and Eastern Europe) новомодной «Инициативой трёх морей», во многом созвучной с проектом «Междуморья» (впервые озвученного Ю. Пилсудским после Первой Мировой войны и ориентированного на создание некоего конфедеративного государства от Чёрного и Адриатического до Балтийского морей) и также в последнее десятилетие активно обсуждаемым¹.

В контуре «внешней составляющей» западного российского порубежья интеграционный потенциал Польши – весьма существенен и далее будет, полагаю, лишь нарастать, множа, усиливая «взаимопересечение» российско-польских геостратегических интересов и в Белоруссии, и на Украине, и в государствах Балтии. Тем не менее, полагаю, что Польше (стране весьма близкой нам, русским людям, исторически, лингвистически и этногенетически) и её замечательному, активному, настроенному на позитив народу – удастся избежать соблазна хотя бы частичного воссоздания «Rzeczpospolita 2,0», способной вновь предельно погрузить польское общество в хитросплетение евразийских противоречий, одновременно активизируя факторы и «запуская» механизмы, приведшие ранее (в XVII–XVIII веках) не только к системному национальному кризису, но и на более чем столетие – фактическому исчезновению самостоятельного польского государства. Впрочем, вероятнее всего, именно Польша (наперекор историческим зонам и грядущим геостратегическим рискам) станет основной

---

¹ Beniuc V., Rosca L., Afanas N. Uniunea Europeană-Uniunea Euroasiatică: studiu comparat. Chisinau, 2015.

площадкой (и «витриной», образцом) для столь необходимого ныне управляющим элитам США и ЕС дальнейшего (в том числе и в формате «Восточного партнёрства») «продвижения на восток» (или, иначе – «сдерживания России»). И именно это государство (наряду с Германией) станет выполнять также ключевые функции рамках формирования новой конфигурации встраиваемых в структуры «Большой Евразии» геополитических и геоэкономических альянсов в пределах Центральной и Восточной Европы. В подобных своих геостратегических качествах Польша (даже «отдаляясь» от России, по ряду аспектов вступая в конфронтацию с нашей страной) сохраняет свою первостепенную значимость для Российской Федерации, в том числе и как одна из доминант её западного порубежья.

Как не без основания полагают некоторые ведущие российские политологи, отношения с Западом окажутся «враждебными или почти враждебными на ближайшие 10–15 лет»¹ и с учётом подобной перспективы наблюдаемая ныне «рубужность» западных границ нашей страны – сохраниться (возможно и усилится), а геостратегическое значение приграничных регионов и в целом всего западного порубежья России (как арены перманентного активного геоэкономического и геополитического противостояния) будет, полагаю, продолжать нарастать.

Российской Федерации, в этой связи, следует в максимальной степени противодействовать как любого рода попыткам её дальнейшего «выдавливания» из «внешней составляющей» своего западного порубежья (поддерживая, воссоздавая хозяйственные и гуманитарные связи с сопредельными государствами), так и всячески препятствовать выстраиванию на своих «внешних» порубежных пространствах формата некой альтернативной («другой») России (по аналогии и преимущественно в пространственной матрице «другой Руси», каковой с середины XIX века частью исто-

---

¹ Бордачёв Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д. Возвышение Рим-ланда: новая политическая география и стратегическая культура. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018. июнь. 36 с. (С. 35).

риков¹, вероятно, не без основания виделось Великое княжество Литовское (тогда этот подход воплотился в топонимах «Литовско-Русское государство», «Литовско-Русский мир», «Русь Литовская», «Литовская Русь», «Литва-Русь», «Русско-Литовская земля», «Великое княжество Западно-Русское», «западная Русь»²). Деэскалация «рубежности» наших границ на западе (за счёт обретения межгосударственных отношений добрососедства, партнёрства и доверия на двух- и многосторонней основе), при этом, столь же важна, сколь стратегически недопустимо, губительно для России – любого рода дальнейшее её «отступление» на восток. Важно, в этой связи, осознавать, что резко активизировавшееся в последние годы геополитическое противостояние на рубеже «Россия – Запад» идёт, конечно же, уже не столько за те или иные сопредельные постсоветские государства, сколько непосредственно «за Россию» (основной и узловой фрагмент евразийского пространства). Это, в свою очередь, многократно повышает вес, значимость в структуре Российской Федерации её западных (юго- и северо-западных) территорий, которые в отнюдь не меньшей мере, чем регионы Дальнего Востока и Сибири нуждаются в пролонгированной, осмысленной и эффективной региональной политике.

---

¹ Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839; Мегем М. Е. «Русская Литва» в концепции Н. Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 14–20.

² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; Беляев И. Д. Очерк истории Северо-западного края России. Вильна, 1867; Иловайский Д. И. История России. Т. 2. М., 1896; Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885.

**3. «МОРЕОРИЕНТИРОВАННОСТЬ»
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЕВРАЗИЙСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ВЕКТОРЫ,
ФОРМАТЫ**

3.1. «Мореориентированность» России: исторический тренд и постсоветские «драйверы»

История нашей страны, в существенно большей мере идентифицируемой как «континентальная», нежели «приморская» («континента в себе» по П. Н. Савицкому¹, «океана суши, оторванного от вольного моря, которое зовет и манит...» по И. А. Ильину²), – это, во многом, история «приращения» и последующего освоения (в том числе и «реосвоения» российским государством и русской культурой) её морских побережий. Процесс этот – пролонгированный, растянувшийся практически на четыре столетия (с периода основания города Архангельска и вплоть до заселения территорий Калининградской и Южно-Сахалинской областей, образованных уже по итогам Второй Мировой войны); основу «мореориентированности», при этом, в значительной мере составлял центробежный (из «месторазвития», «исконных» внутренних регионов на окраины расширяющей свои рубежи страны) тренд (симптоматично в этой связи, видение русской колонизации как «стремления к морю»³). «Морской фактор» оказался основополагающим при освоении Россией в XVII в. Сибири⁴ и в XIX в. – побережий российского Дальнего Востока⁵. Инкорпорируемые в Импе-

---

¹ *Савицкий П. Н.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок)/ Континент-Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 398–418.

² *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926–1933. София: Изд. «За Россию», 1934. 78 с.

³ *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

⁴ *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.

⁵ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семёнова. Т. 12. Восточные окраины России. Приморская и Амурская области. М., 1895. 493 с.

рию (по мере расширения её границ) всё более разнообразные по своим географическим характеристикам побережья оказывались (во многих ситуациях) не только ресурсно ценной «контактно-барьерной» территорий, но и предельным рубежом устойчиво расширявшегося российского геополитического и геокультурного фронта. Некоторые из них обрели «столично-пристоличные» характеристики (Санкт-Петербург и его окрестности), либо сконцентрировали значимые транспортно-логистические функции (Одесса, Ростов-на-Дону, Таганрог и др.); иные (Архангельск, а затем и Владивосток, Мурманск) становились опорными базами дальнейшего освоения периферийных (в том числе приморских) территорий.

«Вовлечение» побережий в российское политическое и хозяйственное пространство, реализация их морехозяйственного потенциала – корреспондировала с формированием и развитием приморской поселенческой сети; «мореориентированность» центростремительной колонизационной динамики, в этой связи, дополнялась возрастающей демографической притягательностью приморских урбанистических центров. Уже по данным первой всеобщей переписи населения (1897 г.) из 56 городов России, превысивших «планку» в 50 тысяч жителей – 13 являлись приморскими либо примыкали к устьевым участкам крупных судоходных рек¹, что само по себе иллюстрирует наметившийся уже к концу XIX века ощутимый «сдвиг» системы расселения страны в пользу приморских территорий.

В советский период, несмотря на первоначальное превалирование тренда «континентализации»², эффекты «мореориентиро-

---

¹ Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.

² Бернштейн-Коган С. В. Очерки географии транспорта. Госиздат: Москва-Ленинград, 1930. 348 с.; Добрецов Н. Л., Конторович А. Э., Кулешов В. В. и др. Стратегия социально-экономического развития Сибири: научные основы и начало реализации // Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации. М.: Наука, 2004. С. 479–592.

ванности» сохраняли своё действие, одновременно обретая новые импульсы, векторы, формы. Индустриализация (в том числе и напрямую связанная с морехозяйственной деятельностью) превратила ведущие приморские города в регионально значимые фокусы урбоцентрированной миграции, предопределив, тем самым, их ощутимый рост (табл. 24).

Таблица 24

Численность населения некоторых ведущих приморских городов России (в динамике), тыс. чел.*

	1897 г.	1959 г.	1989 г.	2019 г.
Санкт-Петербург (Ленинград)	1264	3321	4678	5383
Ростов-на-Дону	148**	600	1019	1133
Владивосток	29	299	634	605
Махачкала (Петровск)	9,7	123	318	601
Астрахань	113	296	509	534
Калининград (Кёнигсберг)	190***	204	401	482
Сочи	14	187	337	444
Севастополь	54	152	393	443
Архангельск	21	273	416	348
Мурманск	–	222	468	292
Новороссийск	17	112	186	275
Петропавловск-Камчатский	0,4	86	269	181

* Составлено автором по данным переписей населения.

** С городом Нахичевань-на-Дону.

*** В состав Российской Империи не входил.

Только за одно десятилетие (1955–1965 гг.) грузоподъемность транспортного флота Советского Союза выросла с 1721 до 7246 тыс. тонн (кстати, в 1913 г. аналогичный показатель по российскому флоту составлял 1334 тыс. тонн)¹. Грузооборот

¹ Транспорт СССР. М., 1967. 324 с.

морского транспорта увеличился, при этом, с 37,2 в 1955 г. до 209,9 млн т-милль в 1965 г., а портов – с 106,7 до 234 млн тонн. Существенно повысилось рыбохозяйственное значение Океана: с конца 1940-х до середины 1970-х гг. уловы рыбы в морских акваториях возросли в СССР в 20 раз, т. е. до 9. 3 млн тонн¹. Полноформатно проявилась также сезонная, связанная с туристско-рекреационной активностью, талассоаттрактивность морских побережий (только за период 1961–1985 гг. на берегах Чёрного и Балтийского морей было образовано 3 города и 30 посёлков городского типа с доминирующей рекреационной специализацией²). Активно «продвигалось» население на арктические и тихоокеанские рубежи (уже в 1959 г. перепись зафиксировала 66 тыс. жителей в Магадане, 86 – в Петропавловске-Камчатском, 80 – в Северодвинске, 22 – в Нарьян-Маре, 18 – в Дудинке и т. д.; спустя ещё три десятилетия в СССР только в приморских городах на побережьях Северного Ледовитого и Тихого океанов постоянно проживало около 3,4 млн человек). Как и в предшествующие исторические периоды «мореориентированность», при этом, в существенной мере предопределялась общей ритмикой государства, его возможностями, стратегическими векторами развития, служила геополитическим и геоэкономическим интересам «страны-континента», базировалась на её экономических и демографических ресурсах.

«Фактор моря», в итоге, неизменно оказывал перманентное влияние на контуры и архитектуру российского пространства. Учитывая данное обстоятельство, а также солидаризируясь с широко укоренёнными, традиционными для науки (начиная с работ А. Мэхэна, Л. Мечникова, Х. Маккиндера, В. Семёнова-Тян-Шанского и П. Савицкого) представлениями о существенности Моря, Миро-

---

¹ Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988. 315 с.

² Дергачёв В. А. Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения. Л.: Геогр. об-во СССР, 1989. С. 39–50.

вого Океана в геополитике, мирохозяйственном устройстве, пространственном развитии, – уместно рассматривать «мореориентированность» как в полной мере присущее России фундаментальное (и универсальное) общественно-географическое явление (процесс), в своём широком содержательном контексте понимаемое как:

- совокупность факторов, проявлений и следствий влияния Мирового Океана на общество и его пространственную организацию;
- использование «фактора моря» в общественной динамике (включая и пространственную организацию общества);
- пространственную архитектуру (конфигурацию) общества (хозяйство, расселение, инфраструктура) в аспекте её «смещённости» к морю, побережьям, локализованным на них важнейшим социально-экономическим центрам (эффекты «талассоаттрактивности»).

«Мореориентированность» России в особой мере проявила себя в постсоветский период; существенное влияние на «сдвиг к морю» преимущественно внутриконтинентальной страны оказали геоэкономические реалии и интересы.

В первые годы после распада СССР Российская Федерация столкнулась с множественными проблемными ситуациями и барьерами в своей (столь необходимой в контексте глобализации) морехозяйственной активности. Ранее единый (и мощный) морехозяйственный комплекс оказался дезинтегрирован, подвергся приватизации, попал под контроль иностранных юрисдикций и капитала. В пределах России остались только 8 из 17 паромств бывшего Советского Союза и 42 из 67 морских портов, причем в основном небольших, мелководных¹. Вне России, в новых независимых государствах, оказались 15 крупных (с населением более 100 тыс. жителей) системообразующих приморских го-

---

¹ Алхименко А. П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23.

родов, включая Баку, Одессу, Ригу, Таллин, Севастополь и др. За первую половину 1990-х гг. под воздействием трансформационного спада на одну треть сократились грузовые морские перевозки Российской Федерации (что разительно контрастировало с мировым трендом); собственно порты России, при этом, обеспечивали лишь чуть более 60 % их объема, причем, наблюдалось вытеснение отечественного флота с рынка фрахта. Россия, фактически, вернулась к дореволюционной (до 1917 года) практике, когда подавляющая часть экспортно-импортных операций обслуживалась иностранными судами. Существенно (более чем в два раза за 1990-е годы) снизился улов рыбы и морепродуктов. Деградировало судостроение (к концу 1990-х гг. уровень использования мощностей на отечественных предприятиях данной отрасли упал до 17 %¹); сократился туристический «поток» на популярные морские курорты.

Утратившая ряд стратегически значимых участков побережья (и как бы «отодвинутая» на северо-восток), Россия почти на десятилетие² лишилась и самих «океанских» амбиций, и возможности их реализации. Углубляющийся ресурсно-сырьевой профиль глобализирующейся российской экономики уже в первые годы рыночных реформ чётко явил «транспортную зависимость»³ страны (в 1996–99 гг. порты Украины и стран Балтии перегружали до 38 % всех «морских» экспортно-импортных грузов России⁴), равно как и инициировал усилия по её преодолению.

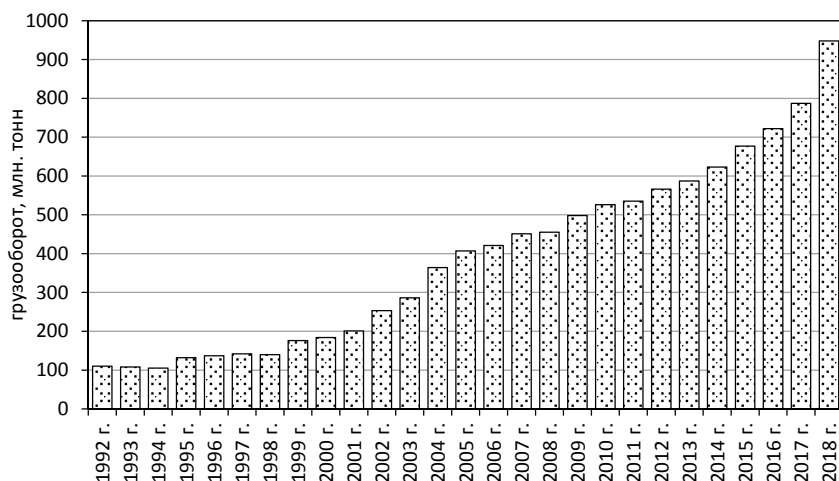
¹ Парфенов А. Роль транспортных коммуникаций и портовых комплексов в развитии экономики России // Морские порты. 1997. № 2. С. 34–47.

² Необходимость «укрепления позиций РФ среди ведущих морских держав» была полномасштабно декларирована лишь в 2001 году в рамках утверждённой Президентом РФ «Морской доктрины России на период до 2020 года».

³ Radvanyi J., 2017. Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // Hérodote. Géopolitique de la Russie. № 166–167: 113–132.

⁴ Романенко А. А. Морские порты, транспортный флот и судостроение России // Морехозяйственный комплекс России. Санкт-Петербург: РГО, 2005. С. 24–73.

Наблюдаемая с 1999 года «восстановительная» динамика национальной экономики сопровождалась «взрывным» ростом экспортно-импортных операций, обеспечиваемых более чем наполовину¹ трубопроводами и морскими перевозками. Акцент, при этом, делался как на расширение мощностей действующих портов (Новороссийск, Санкт-Петербург и другие), так и строительство новых, в первую очередь на Балтике (Усть-Луга, Приморск). По данным Ассоциации морских портов России, только за 2000–2005 гг. грузооборот российских морских портов вырос в 2 раза, составив 407 млн тонн (в СССР объём внешнеторгового грузооборота всех морских портов достигал 280 млн тонн). Тенденция роста грузооборота продолжилась и далее (табл. 25, рис. 2): в 2010 г. соответствующий показатель достиг 526 млн, в 2014 – 623 млн, а в 2018 г. – 948 млн тонн).

Рис 2. Постсоветская динамика грузооборота морских портов России*

* составлено автором по данным Ассоциации морских портов России.

¹ Концепция федеральной целевой программы «Мировой океан» // Российская газета. 28.01.97.

Таблица 25

Динамика и структура грузооборота морских портов России*

	2009 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
Грузооборот, всего	494	588	677	776	948
Отправлено грузов	445	524	614	711	864
в. т. ч. экспорт	386	460	538	597	712
в. т. ч. наливные грузы	231	270	300	310	329
Прибыло грузов	49	64	63	65	84
в. т. ч. импорт	27	45	33	36	56
Доля отправленных грузов в грузообороте, %	90,1	89,1	90,7	91,2	91,1
Доля экспортно-импортных грузов в грузообороте, %	83,6	85,9	84,3	81,6	81,0

* Составлено автором по данным Росморречфлота <https://www.fedstat.ru/indicator/39233>.

В геоэкономическом контексте трёх последних десятилетий «драйвером» развития портового хозяйства страны (представленного ныне 67 морскими портами суммарной мощностью около 1003,6 млн тонн в год с протяженностью причального фронта порядка 148 тысяч погонных метров) стали именно внешнеторговые операции (все последние годы их удельный вес в перевалке грузов стабильно превышал 80 %) с выраженным (акцентирующим сырьевой «профиль» экономики страны) превалярованием объёмов экспорта (включая нефтеналивные грузы). Характерно, при этом, что если в первой половине 2000-х годов опережающими темпами портовое хозяйство развивалось на российском побережье Балтики, то в последующий период на приоритетные позиции вышли порты Азово-Черноморского бассейна (табл. 26); данные изменения сочетались с постепенной переориентацией геоэкономических векторов страны.

Важной новацией в ориентированной на «фактор моря» товарно-сырьевой логистике страны стало и строительство морских трубопроводов («Голубой поток», «Северный поток», «Турецкий

Таблица 26

**Распределение грузооборота морских портов России
по бассейнам в 2013–2018 годах, %***

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Балтийский	36,7	35,8	34,1	33,0	31,4	30,2
Арктический	7,8	5,6	5,2	7,0	9,4	11,4
Азово-Черноморский	29,6	31,2	34,4	33,8	34,2	33,3
Каспийский	1,3	1,3	1,0	0,8	0,5	0,6
Дальневосточный	24,6	26,1	25,3	25,7	24,5	24,5
Россия всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено автором по данным Ассоциации морских торговых портов России.

поток» и, наконец, ныне близкий к своему завершению «Северный поток-2») для транспортировки на экспорт природного газа. Пропускная способность данных сооружений составляет в сумме 157,5 млрд м³ в год, что эквивалентно 65 % от объёма поставки в 2018 году природного газа российским «Газпромом» на внешние рынки. Решения по строительству морских газотранспортных систем принимались в том числе в логике последовательного снижения зависимости России от стран-транзитёров (учитывая опыт периодических «транзитных кризисов» с Украиной и Белоруссией) и купирования возможных геополитических рисков. При этом, уже с начала 2000-х годов акцент всё более смещается на «освоение» российскими компаниями рынка сжиженного природного газа (симптоматично, что с января 2018 года возможность обеспечения доставляемым морем сжиженным природным газом создана для российского эксклава на Балтике – Калининградской области).

Важно акцентировать – выраженный «сдвиг к морю» постсоветской России в существенной мере инициирован активностью крупного бизнеса, предопределён его интересами. Как свидетельствует проведённый автором анализ, выраженная «мореориентированность» присуща (в различной степени) 42 компаниям из Топ-100 рейтинга РБК (табл. 27).

Таблица 27

**Группировка крупнейших компаний России
(первые 100 компаний согласно рейтингу РБК за 2018 год)
по степени и характеру «мореориентированности»***

Степень «мореориентированности»	Превалирующий хозяйственный профиль	Наименование компаний (бренды)	Удельный вес в суммарном объёме валовой выручки первых 100 компаний, %
Очень высокая Собственно морехозяйственные компании	ОПК и машиностроение, нефть и газ	Объединённая судостроительная корпорация. Сахалин Энеджи	1,1
Высокая «Морезависимые» (транспортозависимые) компании с подразделениями, ориентированными на отдельные виды морского хозяйства	Нефть и газ, строительство инфраструктуры	Газпром, Росатом, Лукойл, Роснефть, НОВАТЭК, Стройгазмонтаж, СтройТрансНефтеГаз, Зарубежнефть, Арктикгаз, UCL Holding	31,6
Существенная Прочие «морезависимые» (транспортозависимые) компании	Нефть и газ, металлы и горная добыча, химия и нефтехимия, автомобили, ОПК и машиностроение	Сургутнефтегаз, Транснефть, Татнефть, Евраз, НЛМК, Русал, Северсталь, Сибур, ММК, группа УГМК, Металлоинвест, СУЭК, Мечел, Еврхим, Алроса, Тойота Моторз, ТМК, Славнефть, ФольксвагенГруп Рус, Объединённая двигателестроительная корпорация, Автотор холдинг, ДНС Групп, ФОСАгро,	19,1

* составлено автором с учётом рейтинга РБК (<https://www.rbc.ru/rbc500/>) и информационных ресурсов крупнейших российских компаний.

Продолжение табл. 27

Степень «мореориентированности»	Преобладающий хозяйственный профиль	Наименование компаний (бренды)	Удельный вес в суммарном объеме валовой выручки первых 100 компаний, %
		Независимая нефтегазовая компания, Kia моторз рус. Мерседес-Бенц рус, Уралкалий, Группа «Содружество», Хендэ мотор СНГ, «Томскнефть» ВНК, Русснефть	
Умеренная Компании как учитывающие феномен «притяжения к морю» экономики и населения, так и отчасти опирающиеся на «морскую» логистику	Финансы, транспорт, торговля, нефтепереработка, дистрибуция, нефть и газ	Сбербанк России, РЖД, ВТБ, X5 Retail, Магнит, АФК Система, Мегapolis, Газпромбанк, Лента, Альфа-Банк, Открытие, Внешэкономбанк, Ашан, Дикси, Россельхозбанк, Метро Кэш, Леруа Мерлен Восток, Автоваз, Новый поток, Merlion, Красное и белое, Мостотрест, МУМТ, М-Видео, Рольф, Группа Окей, Нижнекамскнефтехим, ОМК, Группа ГАЗ, СНС, ТАИФ-НК, ЧТПЗ, КамАЗ, Трансмашхолдинг, ЛСР, Мейджор, ФортеИнвест, Иркутская нефтяная компания, Уралвагонзавод	29,0
Незначительная	Инвестиции, ОПК и машиностроение, телекоммуникации,	Ростех, Россети, ИнтерРАО, Аэрофлот, ОАК, РусГидро, МТС, МегаФон, Т Плюс, ВымпелКом, Ростелеком,	19,2

Окончание табл. 27

Степень «мореориентированности»	Превалирующий хозяйственный профиль	Наименование компаний (бренды)	Удельный вес в суммарном объёме валовой выручки первых 100 компаний, %
	электроэнергетика, фармацевтика	Дж. Т. И. Россия, Филип Морис, Протек, Вертолёты России, ГК ТНС энерго, Катрен, Корпорация Тактическое ракетное вооружение, ГК ПИК, Евро-СибЭнерго, Почты России, Русэнергосбыт, Ташир, Национальная компьютерная корпорация, Полюс, Евросеть, СОГАЗ, Эпл Рус, ФК Пульс, Московский кредитный банк, Проктер энд Гембл, Мосинжпроект	

Активность структур крупного бизнеса в морском порубежье, при этом, избирательна и, предопределяясь ресурсными и позиционными характеристиками того или иного аквально-территориального образования, в целом коррелирует с постсоветскими трендами морехозяйственной динамики, с глобализацией, с европейской интеграцией, с геоэкономическими и геополитическими трансформациями на евразийском пространстве.

Глобальная энергосырьевая специализация России способствовала, в частности, не только портово-логистической активности, но и активизации интереса «Газпрома» и других профильных структур крупного бизнеса (компаний «Лукойл», «Новотэк», «Роснефть» и др.) к нефтяным и газовым месторождениям в приморских зонах страны, включая и её шельф.

С 1995 г. разведку и обустройство месторождений углеводородного сырья в северной части Каспийского моря осуществляет «Лукойл». Начиная с 1999 добыча энергоресурсов ведётся (с 2007 под

контролем «Газпрома») и на шельфе о. Сахалин (в 2006 г. здесь начато сооружение первого в России предприятия по производству СПГ; в 2018 г. его доля составила 4,8 % от общего спроса на СПГ в АТР и около 3,6 % от общемирового спроса на СПГ¹). Центры «морской» газодобычи формируются «Газпромом» в Камчатском крае, а также в шельфовых зонах Охотского и Карского морей; этой же компанией начата добыча нефти на Приразломном месторождении в Печорском море, а также прорабатывается проект предприятия СПГ во Владивостоке. Проявляет морехозяйственную активность и «Роснефть», владеющая в настоящее время 55 лицензиями на участки в акваториях арктических, дальневосточных и южных морей России. Крупный «мореориентированный» (базирующийся на технологиях СПГ) проект реализуется на севере полуострова Ямал компанией НОВАТЭК (в 2018 году ей добыто 68,8 млрд м³ природного газа), приступающей также к созданию опорных баз своего бизнеса (терминалы по хранению и перевалке СПГ) в Мурманской области и на Камчатке. В итоге существенно возросло транспортно-логистическое значение всего арктико-тихоокеанского морского порубежья страны, включая и Северный морской путь (перевозки грузов по данному маршруту в 1990 году составляли 7 млн тонн., к 2000 году они снизились до 1,5, вновь достигнув «советского» объёма в 2016 г., а в 2018 составив 19,7 млн тонн).

Реальный удельный вес «морской составляющей» нефте- и газодобычи в России пока, впрочем, невелик. Так «Газпром» в 2018 году извлёк на шельфе всего 0,73 млрд м³ газа (при общем объёме газодобычи в 497,6 млрд м³) и 3,19 млн тонн нефти (из 40 млн тонн)². На шельфовую зону приходится менее 3 % всего объёма нефтедобычи «Роснефти»³. Тем не менее, согласно оцен-

¹ Годовой отчёт ПАО «Газпром» за 2018 год. М., 2019. 233 с. [Электронный ресурс] <https://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (Дата доступа – 10.07.2019).

² Там же.

³ Роснефть. Годовой отчёт за 2018 год. [Электронное издание] https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf (Дата доступа – 19.07.2019).

кам (подвергаемым, впрочем, сомнению¹), к середине XXI столетия только Арктический шельф будет обеспечивать от 20 до 30 % всей российской нефтедобычи. Мотивированные динамикой глобальных энергетических рынков (и геополитикой) любого рода выстраиваемые структурами российского бизнеса «морские» проекты (особенно – в геостратегически значимой для Российской Федерации Арктической зоне²) – долгосрочны, затратны и характеризуются высокими рисками. Их продвижение достигается как за счёт государственного участия (что не только инициировало создание госкорпорации «Росшельф», но и активизирует развитие Северного морского пути³, а также инициирует дополнительную локализацию военной и иной инфраструктуры по всему контуру морского порубежья страны), так и наработанной практики транснациональных партнёрств (включая вовлечение в проекты значимых геоэкономических акторов, наподобие Exxon Mobil, Royal Dutch Shell, Eni, Statoil, Total и др.), ведущей к фактической интернационализации важнейших сегментов морского хозяйства России.

С середины 2000-х годов «восстановительные» процессы начали наблюдаться и в морском рыболовстве, преимущественно приуроченном к побережьям 6 субъектов федерации (4 из них расположены в Тихоокеанской России), обеспечивающих почти 83 % улова рыбы и других морепродуктов (табл. 28).

---

¹ *Juha Käpylä, Harri Mikkola*. The promise of the geoeconomic Arctic: a critical analysis // *Asia Europ Journal*. June 2016. Vol. 14. Pp. 203–220.

² Приоритеты освоения Арктики зафиксированы в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008 г.), «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (2013 г.). Важное место отводится Арктике и в подписанной Президентом РФ в 2015 году обновленной версии «Морской доктрины Российской Федерации».

³ *Вардомский Л. Б.* Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // *Мир перемен*. 2019. № 2. С. 129–140.

Таблица 28

**Важнейшие регионы морского рыболовства и рыбоводства России,
2017 год***

	Улов рыбы и других морепродуктов		Доля отрасли в ВРП, %	Доля занятых в отрасли к общему числу занятых в регионе, %
	тыс. тонн	доля в РФ, %		
Камчатский край	1288	26,0	18,7	6,6
Приморский край	724	14,6	5,4	2,1
Сахалинская область	721	14,6	5,2	3,0
Мурманская область	707	14,3	11,3	2,55
Хабаровский край	399	8,1	2,2	1,23
Калининградская область	254	5,1	1,8	0,69

* составлено автором по данным Росстата.

Если в 1990 г. суммарные уловы рыбы и морепродуктов в Российской Федерации составляли около 7,9 млн тонн, а в 2004 году (минимальный показатель) – 2,9 млн, то в 2011 году – 8,3 млн тонн, в дальнейшем варьируя в диапазоне 5,5–6,5 млн тонн. Сама же добыча российских морских биоресурсов оказалась предельно включена в транснациональные «цепочки» добавленной стоимости, поскольку сбыт продукции, судоремонт, приобретение нового флота – осуществляются, преимущественно, вне российской юрисдикции.

В последнее десятилетие заметно оживление и в российском судостроении (объединяющего более 150 предприятий с совокупной занятостью более 120 тыс. человек¹ и с 2007 года интегрируемом форматом «Объединённой судостроительной корпорации», включающей около четырёх десятков верфей, судоремонтных и машиностроительных предприятий, проектно-конструкторских

¹ Бутов А. М. Рынок продукции судостроения. 2018. М.: Высшая школа экономики, 2019. 73 с.

бюро и специализированных научно-исследовательских центров), в первую очередь в его сегментах ориентированных на строительство судов ледокольного класса, буровых платформ, а также кораблей для военно-морского флота. В частности, благодаря «Государственной программе вооружений – 2020» за последние пять лет построено 65 судов разного класса. Современное состояние российского торгового и рыболовецкого флота (на 2018 год – это 2717 судов из которых 1783 построены 25 лет назад и ранее, и лишь 212 – имеют возраст менее 5 лет) предопределяет значимость и перспективу данного безусловно ключевого сегмента морского хозяйства России. Предприятия судостроения локализованы, прежде всего, в ведущих приморских городских агломерациях: Санкт-Петербургской («Адмиралтейская верфь», АО «Балтийский завод» и другие ведущие российские судостроительные заводы), Владивостокской (АО «Звезда» и ещё 58 специализированных на судоремонте и судостроении предприятий и фирм), Ростовской (24 предприятия), Калининградской (АО «Янтарь» и др.), Архангельской («Северное машиностроительное предприятие» и др.), Астраханской (АО «Лотос» и др.).

Детализированный (в региональном «разрезе») анализ ресурсных факторов и особенностей морехозяйственной активности позволяет вычлениить не только профильные (для отдельных приморских субъектов РФ) «морские» специализации (табл. 29), но и идентифицировать ключевые (в общероссийском масштабе) территории их развёртывания и реализации.

Таблица 29

Приморские регионы России: каркасные компоненты морехозяйственной активности*

Регионы	Важнейшие морские специализации							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Санкт-Петербург***	++	0	0	++	++	++	++	++
Ленинградская область	++	0	0	+	++	+	++	++
Калининградская область	+	+	+	+	++	++	+	++

Окончание табл. 29

Регионы	Важнейшие морские специализации							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мурманская область	++	++	++	+	+	++	+	0
Республика Карелия	+	0	+	0	0	0	0	0
Архангельская область	+	++	+	0	++	+	+	0
Ненецкий АО	+	++	0	0	0	0	0	0
Ямало-Ненецкий АО	+	++	0	0	0	0	0	0
Красноярский край	+	0	0	0	0	0	0	0
Республика Саха – Якутия	+	0	0	0	0	0	0	0
Приморский край	++	0	++	+	+	++	+	+
Сахалинская область	+	++	++	0	0	0	+	0
Хабаровский край	+	0	+	0	+	0	0	0
Камчатский край	0	+	++	+	0	+	0	0
Магаданская область	0	0	+	0	0	0	0	0
Чукотский АО	0	0	+	0	0	0	0	0
Краснодарский край	++	+	0	++	0	+	+	++
Ростовская область	+	0	+	+	+	0	+	+
Республика Крым	+	+	+	++	0	+	0	+
г. Севастополь	+	0	+	++	+	++	0	++
Астраханская область	+	++	+	+	+	+	0	0
Республика Калмыкия	0	0	+	0	0	0	0	0
Республика Дагестан**	+	0	+	+	0	+	0	+

* составлена автором по данным Росстата, Федерального агентства по туризму и Ассоциации морских портов России; ** Республика Дагестан – «талассоцентрированный регион»; *** Санкт-Петербург – «талассоцентрированный регион со значимой морехозяйственной активностью»; 1 – морские порты и логистика, 2 – добыча нефти и газа на шельфе, 3 – добыча морских биоресурсов, 4 – «приморские» рекреация и туризм, 5 – судостроение и судоремонт, 6 – локализация структур ВМС, 7 – центры «приморской» промышленности, 8 – комфортное расселение в приморских зонах; ++ специализация наиболее выражена; + специализация имеет место; 0 – специализация не выражена.

Локализация морехозяйственной активности в нашей стране характеризуется выраженной асимметрией в пространственном распределении её отдельных компонент. Более четверти (по всему морскому побережью России) уловов рыбы приходится именно на Камчатский край. Приоритетное место в «приморской» рекреации занимают побережья Краснодарского края и Крыма (в сумме, по итогам 2017 года – почти 27 % всех ночёвок в коллективных средствах размещения страны). Фактически мегакластер «приморской индустрии» (благодаря таким крупным корпорациям как «Газпром», «Роснефть», «Лукойл», НОВАТЭК и др.) формируется в Санкт-Петербурге и на тяготеющих к нему приморских территориях Ленинградской области. Специфика Российской Федерации, при этом, такова, что почти 90 % (36,8 из 41 тыс. км) её морских границ простираются вдоль тихоокеанского и арктического побережий, удалённых от основных центров социально-экономической активности, слабо освоенных и в природно-климатическом отношении в целом неблагоприятных для жизнедеятельности человека. Именно здесь – наиболее обширные по площади (и по ресурсному потенциалу, включая энергоносители, биоресурсы) сегменты российского морского побережья и, одновременно, – крайне разреженный (сконцентрированной в узкой, прерывистой полосе приморской зоны) хозяйственно-инфраструктурный каркас «морской экономики». Выраженная «смещённость» ряда приоритетных компонент морского хозяйства (связанных с добычей минерально-сырьевых ресурсов и реализацией трансконтинентального транспортного транзита) на север и восток страны, в высокие широты, порождает дополнительные (справедливо акцентированные российскими географами-обществоведами¹) издержки, лимитирующие конкурентоспособность производств и транспортно-логистических маршрутов, ставящие их перспективу в зависимость как от глобальной рыночной конъюнктуры, так и

---

¹ *Бабурин В. Л.* Совокупные издержки как базовая категория оценки хозяйственной деятельности в Арктике // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 18–25.

от различных форм господдержки. В этой ситуации наблюдается не только концентрация морехозяйственной активности (в первую очередь сервисных отраслей, судостроения и т. п.) в немногих наиболее обустроенных, крупных, приближенных к основной полосе расселения страны центрах (Владивосток – в Тихоокеанской России, Мурманск и Архангельск – в Арктике), но и своеобразное «делегирование» функций экономического освоения морского порубежья приморским мега-центрам вне «своего» океанического бассейна. Так, в частности, в последние годы в фактическую «морскую столицу» России (в связи с активизацией российского судостроения и переносом места размещения Главного командования ВМФ) превращается Санкт-Петербург. С учётом потенциала наращивания грузоперевозок по Северному морскому пути возрастает значимость Владивостока как «ядра» морской экономики не только Тихоокеанского, но и Арктического сегментов морского порубежья России. Процесс развития морского хозяйства страны и его пространственного реструктурирования дополняется, при этом, крайне значимым (для «мореориентированности» страны) «сдвигом» селитебной активности в приморские зоны, то есть «талассоаттрактивностью» населения.

3.2. «Талассоаттрактивность» населения в Российской Федерации: основные тенденции

Характерная для России пониженная (в сопоставлении практически со всеми её соседями) плотность населения и разреженная инфраструктурно-дорожная сеть (либо, местами – её реальное отсутствие) практически повсеместно «прижимают» приморские селитебные и хозяйственные системы непосредственно к морским побережьям. Особым образом это выражено в Арктической зоне, где вследствие «выборочно-сплошного освоения Севера» урбанизация (как это справедливо акцентировал А. Н. Пилясов¹) имеет несплошной, прерывистый, «островной» характер. Исключением на общем фоне предстают лишь ареалы социально-экономического влияния Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Владивостока, Калининграда и других крупных, сформировавших свои агломерации приморских городов (то есть поселений, размещенных непосредственно на морском побережье, либо в устьях крупных судоходных рек и располагающих выраженной «морской составляющей» в экономике). В этом случае согласно исследованиям² «фактор моря» в развитии территории (и, соответственно, демографической динамике) прослеживается на удалении вплоть до 100–150 км от береговой линии.

Вызванный деиндустриализацией и практически повсеместной устойчивой естественной убылью населения демографический спад первоначально затронул все ведущие приморские го-

---

¹ *Пилясов А. Н.* Города-базы арктического фронта // Вопросы географии. Вып. 141. Проблемы регионального развития России. М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 503–528.

² Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты: монография / Южный федеральный университет; под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.

рода, включая Санкт-Петербург (чьё население незначительно сокращалось с 1992 по 2008 гг.), Ростов-на-Дону (депопуляция здесь проявилась с 1992 по 2001 гг.), Владивосток (неблагоприятный демографический тренд имел место с 1993 по 2009 гг.), Архангельск (с 1992 по 2007 г.), Сочи (2000–2007 гг.) и др. Общую депопуляцию приморской зоны России в 1990-е годы усугубил и масштабный (до сих пор имеющий место) отток населения из северных, северо-восточных и восточных приморских регионов России. России (от Мурманска до Владивостока и Южно-Сахалинска), Характерно, что в целом за постсоветский период из 34 городов, локализованных на арктическом и тихоокеанском побережьях страны, позитивную демографическую динамику продемонстрировали лишь 4 (Южно-Сахалинск, Нарьян-Мар, Салехард и Артём). Суммарные демографические потери для приморских городов Арктической зоны России и российского Дальнего Востока начиная с 1989 года составили почти 600 тыс. человек (что эквивалентно населению главного города России на Тихом океане – Владивостока).

Тем не менее, уже с начала 2000-х годов в России проявилось реальное «притяжение» населения к морю (в целом за постсоветский период суммарная численность населения приморских городов России возросла на 6,5 % или на 832,7 тыс. человек, достигнув к настоящему времени величины в 13,7 млн чел.; эта цифра эквивалентна 12,6 % всего городского населения страны, в то время как в 1989 г. аналогичный показатель составлял 11,8 %). Талассоаттрактивность, тем не менее, оказалась не повсеместной: из 74 приморских городов России (всего в стране 1112 городских поселений) в период с 2002 по 2018 гг. число жителей выросло лишь в 37.

На фоне последовательного перетока «приморского» городского населения на российское побережье Балтики и Каспия (в расчёте учитывалась и статистика по Крыму, ставшему в марте 2014 года частью Российской Федерации) (табл. 30) наблюдается ряд выраженных пространственных тенденций:

- Устойчивая концентрация населения страны в крупнейших многофункциональных городах – региональных «столицах» (и это полностью согласуется с общероссийским трендом): в

Таблица 30

**Распределение населения приморских городов
в разрезе приморских макрзон, %***

Макрзоны	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2018 г.
Балтийская	41,2	42,2	42,5	43,2
Азово-Черноморская	25,0	26,4	25,8	25,6
Баренц-Беломорская и Арктическая	11,7	9,6	8,9	8,5
Каспийская	7,7	9,4	10,6	11,2
Тихоокеанская	14,4	12,4	12,2	11,5

* Рассчитано автором на основе данных переписей населения и сведений текущего статистического учёта.

Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Калининграде и некоторых других.

- Активное «притяжение» населения к курортным городам как Причерноморья (в первую очередь – Сочи, Анапе, Геленджик), так и юго-востока Балтики (Светлогорск, Зеленоградск в Калининградской области).
- Опережающая демографическая динамика малых городов, выполняющих значимые функции: «припортовый» Приморск в Ленинградской области, «военно-морские» Североморск и Гаджиев в Мурманской области.

Позитивный демографический тренд характерен также для центров экспортоориентированных ресурсодобывающих территорий – Нарьян-Мар, Салехард. Присущ он и прикаспийским городам Дагестана, включая крупнейший – Махачкалу, где (в отличие от остальной приморской зоны России) основным фактором роста населения выступает естественный прирост.

Талассоаттрактивность, в итоге, проявила себя, прежде всего, как концентрация населения в ведущих приморских городах и формируемых ими системах расселения. Только в четырёх локализованных непосредственно на морских побережьях городских агломерациях (с населением более 1 млн человек каждая) – сконцентрировано 66 % всего демографического потенциала примор-

ской зоны России. В целом же, на относящихся к юрисдикции Российской Федерации побережьях функционируют 14 сложившихся городских групповых систем расселения, различающихся своей демографо-экономической «массой», пространственной структурой и функционалом. Численность их населения (включая тяготеющие к ядрам агломерации сельские поселения) суммарно достигает 15,5–15,8 млн чел., что эквивалентно 92–93 % от общего демографического потенциала 166 «приморских» муниципальных образований (городов и сельских административных районов) России. Существенно, что основные производственные, торговые и селитебные территории «вытянуты» вдоль морского побережья; в пространственной структуре городов, при этом, основную роль играют как «поперечные» транспортно-экономические оси (от морского порта во внутриконтинентальные районы), так и пересекающие их «продольные» коммуникации, объединяющие воедино «цепочку» вытянувшихся вдоль моря городских кварталов, районов, посёлков, ареалов субурбанизации. В последнее время максимально «приближаются» к побережью моря ядра концентрации деловой и селитебной (в том числе и туристско-рекреационной активности); сами города, при этом, всё в большей мере «разворачиваются» к морю своими «фасадами». В формате «мореориентированного развития» органичной частью городского пространства всё чаще предстаёт и прилегающая к городу морская акватория, в отдельных ситуациях выступающая также непосредственным ресурсом «прироста» городских территорий (в последние годы на рукотворных землях в Санкт-Петербурге сооружён так называемый его «Морской фасад»; «отвоёван» у моря участок центрального пляжа г. Сочи и др.). В совокупности всё это иллюстрирует существенность «фактора моря» в динамике системы расселения. Выраженное «притяжение» населения к морю, при этом, наблюдается лишь на отдельных участках побережья: Санкт-Петербургская агломерация (своей миграционной «притягательностью» лишь вдвое уступающая Московскому региону), Махачкалинская агломерация, Ростовская агломерация, Калининградская агломерация, Новороссийско-Анапо-Геленджикская агломерация, Севастополь и, отчасти, Владивосток.

Приморские агломерации с присущими им социально-экономическими эффектами выступают важнейшим фактором аквально-территориального системообразования как на региональном уровне (17 субъектов Российской Федерации по своим структурным характеристикам де-факто являются «мореориентированными»¹), так и в общероссийском масштабе. Существенное (фактическое и потенциальное) влияние «фактора моря» наблюдается, в частности, в таких макрорегионах как Юг России (в пределах 200 км доступности от побережья здесь проживает 67 % населения), её Северо-Запад (где аналогичный показатель достигает 96 %). Обширнейшим аквально-территориальным (по генезису, структуре, функционалу) макрорегионом выступает российский Север (Арктическая зона страны), а также весь российский Дальний Восток (корректно концептуализируемый как «Тихоокеанская Россия»²).

Весьма симптоматично, что на побережье (до 50 км от моря), в приморской зоне (до 200 км), а также в полосе непосредственной (эффективной) транспортно-экономической доступности от неё (до 500 км) в Российской Федерации локализованы «столицы» 31 субъекта Федерации (табл. 31), в совокупности вмещающие почти 27 % населения всех региональных (включая и общефедеральный) центров (табл. 32).

В присущем территориально-хозяйственной и селитебной системе России триединстве приморских и тяготеющих к ним территорий, собственно «внутриконтинентальных» («ультраконтинентальных» по Л. А. Безрукову³) регионов (на удалении 1000 км от моря и более) и, наконец весьма обширной и «каркасной» для

---

¹ Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.

² *Бакланов П. Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 8–19.

³ *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.

Таблица 31

**Распределение* региональных центров («столиц» 85 субъектов РФ)
по степени их удалённости от моря** и людности*****

Удалённость от моря, км	Численность населения города, тыс. чел.					
	Более 5000	1000–2000	500–1000	250–500	Менее 250	Все города
До 50	1	1	3	4	5	14
50–200			1	1	2	4
200–500		1	1	4	7	13
500–1000	1	1	6	15		23
1000–1500		4	2	5	1	11
1500–2000		2	1	1	1	5
2000–2500		3	2	3		8
2500–3000		1	3		2	6
Более 3000					1	1
Всего	2	13	19	33	18	85

* число городов.

** учитывалось расстояние (по прямой) до ближайшей морской акватории.

*** составлено автором с учётом данных Росстата.

Таблица 32

**Распределение населения региональных центров («столиц» 85 субъектов РФ)
по степени их удалённости от моря***

Удалённость от моря, км	1989		2010		2018	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
До 50	9966	18,7	9648	17,5	10401	17,7
50–200	1161	2,2	1343	2,5	1345	2,3
200–500	3913	7,4	3513	6,4	4011	6,9
500–1000	17673	33,2	21576	39,4	22279	38,1
1000–1500	8097	15,2	6733	12,3	7473	12,8
1500–2000	2993	5,6	2851	5,2	2969	5,1
2000–2500	6851	12,9	6337	11,6	7285	12,5
2500–3000	2439	4,6	2692	4,9	2591	4,4
Более 3000	85	0,2	110	0,2	117	0,2
Всё население центров субъектов РФ	53178	100,0	54805	100,0	58471	100,0

* составлено автором с учётом данных Росстата.

нашей страны некой промежуточной, переходной зоны (фактически – «русского междуморья»), главным образом центрированной на Москву, при этом, в равной мере существенен и коммуникационно-контактный потенциал побережья, и ресурсно-производственные возможности «внутриевразийских» территорий (включая, в первую очередь Сибирь) и, наконец, интегрирующие, обеспечивающие единство России, её глобальный «вес» и масштаб, эффекты «москвоцентричности».

Следует подчеркнуть, что «талассоаттрактивность» и, соответственно, наличие в регионально-хозяйственной структуре тех или иных «морских» отраслей и сфер, разумеется, отнюдь не всегда сопровождается должными позитивными эффектами. Корректируют (усложняют, видоизменяют) ситуацию, в частности, особые (в том числе экономические, инфраструктурные) условия жизнедеятельности в северных и северо-восточных приморских зонах России. Позитив морехозяйственной активности минимизирует и её включённость в трансграничные и трансрегиональные производственные «цепочки» и обмены (в том числе и в формате структур крупного бизнеса), зачастую сопровождаемые оттоком из приморских регионов необходимых для развития финансовых ресурсов. Негативные локальные и региональные социально-экономические эффекты порождает также специфика отдельных «морских» отраслей: сезонность «приморской» рекреации; экологические экстерналии транспортно-логистической сферы; интенсивное, сопровождаемое «сжатием» локального рынка труда, внедрение инноваций и «вахтового метода» в портовое хозяйство, «припортовую» индустрию, добычу минерально-сырьевых ресурсов и др. В этой ситуации ведущие («каркасные») регионы морехозяйственной активности весь постсоветский период, как свидетельствует статистика (табл. 33), демонстрируют разнонаправленные тренды.

Так, в частности, неизменными полюсами роста выступают все субъекты РФ на Балтике, а также Дагестан. Судя по показателю ВРП, к рубежу 2013 года существенно нарастили своё присутствие в экономике страны Краснодарский край и Сахалинская область. «Восстановительную» опережающую динамику ряд послед-

Таблица 33

**Доля «талассоцентрированных» приморских регионов в ВВП РФ,
(в промилле)***

	1995 г.	2000 г.	2013 г.	2016 г.
Санкт-Петербург	33,38	32,98	46,22	54,03
Ленинградская область	8,88	9,46	12,83	13,20
Калининградская область	3,73	3,95	5,14	5,53
Мурманская область	10,20	9,24	5,69	6,14
Архангельская область (с Ненецким АО)	10,13	10,06	9,49	9,86
Краснодарский край	21,96	23,64	29,95	29,10
Ростовская область	18,71	15,16	17,10	18,35
Астраханская область	4,08	5,16	4,95	4,90
Республика Дагестан	2,95	3,40	7,95	8,62
Чукотская АО	0,96	0,64	0,87	0,17
Магаданская область	2,40	2,02	1,64	2,12
Камчатский край	3,85	2,85	2,44	2,86
Приморский край	13,70	10,29	10,66	10,64
Сахалинская область	4,92	5,69	12,47	11,09
Республика Крым	...	...	...	4,56
г. Севастополь	...	...	...	0,43

* составлено автором до данным Росстата

них лет демонстрирует Ростовская область; аналогичный процесс наметился в Мурманской, Архангельской, Магаданской областях и Камчатском крае. Вне позитивных тенденций – пока не только Чукотская АО, но и такие узловые, геостратегически значимые регионы морского порубежья как Приморский край и Астраханская область. Иллюстрацией и следствием ситуации (за исключением Дагестана, где экономическая динамика «не поспевает» за ещё более интенсивным демографическим ростом) выступает сохраняющееся отрицательное сальдо миграции в восьми «талассоцентрированных» приморских регионах, при одновременном «перетоке» населения на другие аналогичные территории (табл. 34).

Таблица 34

**Сальдо миграции в «талассоцентрированных»
приморских регионах России, 2017 год***

Приморские регионы, имеющие отрицательное сальдо миграции			Приморские регионы, имеющие положительное сальдо миграции		
Регионы	Коэффициент миграционной убыли на 10000 чел населения	Сальдо миграции, чел.	Регионы	Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел населения	Сальдо миграции, чел.
Республика Дагестан	– 42	– 12845	Санкт-Петербург	121	64747
Архангельская область (с Ненецким АО)	– 69	– 7970	Краснодарский край	63	35299
Приморский край	– 29	– 5548	Ленинградская область	171	31002
Мурманская область	– 46	– 3464	Калининградская область	99	9840
Астраханская область	– 20	– 2034	Севастополь	202	8807
Магаданская область	– 97	– 1396	Республика Крым	43	8226
Чукотская АО	– 132	– 646	Сахалинская область	49	2410
			Ростовская область	5	2110
Итого		– 33903	Камчатский край	17	535
			Итого		162976

* составлено автором до данным Росстата

Миграционный поток (индицирующий не только ключевые центры морехозяйственной активности России, но и территории, наиболее предпочтительные для проживания, ведения малого бизнеса) в своей подавляющей части – урбо- и европоцентричен, обращён к основным приморским курортно-рекреационным зонам. Почти 59 % «мореориентированного» позитивного сальдо миграции приходится на Санкт-Петербург и Ленинградскую область и ещё более 32 % – на регионы российского Причерноморья. Лишь в 2017 году «разворот» негативного миграционного тренда обозначился в таких приоритетных регионах морехозяйственной активности как Сахалинская область и Камчатский край. Это не только предопределяет необходимость дальнейшего наращивания морского хозяйства как системообразующей компоненты экономики приморских регионов, но и инициирует ускоренную (также в существенной мере связанную с использованием «фактора моря») переориентацию (хозяйственную, инфраструктурную, инновационно-технологическую) Российской Федерации в пользу евразийских геоэкономических центров и партнёрств, одновременно генерируя для этого социально-экономические, инфраструктурные, ментально-поведенческие, а также демографические и стимулы и ограничения.

С 2019 года в Российской Федерации вновь возобновился тренд депопуляции. Процесс этот с высокой степенью вероятности окажется пролонгированным и затронет практически все приморские поселения, хронологически совмещаясь с повсеместным, связанным с технико-технологическими изменениями, «сжатием» рынка труда (в особой мере резким и ощутимым – в Арктической зоне; её освоение уже сейчас предполагается осуществлять преимущественно на основе вахтового метода с опорой на так называемые «безлюдные» технологии, что предполагает дальнейшее «угасание» сложившейся системы расселения¹). На этом фоне про-

---

¹ Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. Мурманск. 2010 г. [Электронное издание]: http://csr-nw.ru/files/csr/file_category_169.pdf (Дата доступа – 07.09.2019).

должится концентрация человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупнейших городских агломерациях¹, включая, разумеется, приморские. Позитивная демографическая динамика в них будет поддерживаться не только архиважным для страны возрождением морехозяйственного комплекса, но и нарастающей (по мере углубления экономических и демографических градиентов с сопредельными «центрами силы») привлекательностью основных «коммуникационных коридоров» (Санкт-Петербург, Новороссийск, Владивосток, Ростов-на-Дону, Калининград). Существенным фактором талассоаттрактивности станет и общая комфортность (природно-климатическая, инфраструктурная, ландшафтно-архитектурная) среды проживания, дополняемая потенциалом самозанятости (в туристско-рекреационной, аграрной сферах, «челночной» торговле). Это обеспечит дальнейший приоритетный «приток» населения на черноморское побережье Кубани (в треугольник «Краснодар-Тамань-Сочи»), в Ростовскую и Владивостокскую агломерации, города Крыма, приморские территории Калининградской области. По-прежнему «приморское» население будет прирастать на Каспии («евразийском средиземноморье», чьи экономические возможности ещё только предстоит реализовать).

---

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. М. 2013 [Электронное издание]: <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (Дата доступа – 07.09.2019).

3.3. Потенциал и векторы «мореориентированности» России в контексте «большой» евразийской интеграции

Становление России – неразрывно связано с евразийским континентом, с его этнокультурной и социально-экономической ритмикой¹. Подобного рода «евразийская детерминанта» развития нашей страны предельно ярко и масштабно обозначилась в постсоветский период, причём в особой мере – с во многом «переломного» рубежа 2013–2014 годов, когда резко проявилось геополитическое противостояние в системе «Россия – Запад», а на глобальную авансцену стал стремительно выдвигаться юго-восток евразийского материка, в первую очередь Китай. Именно это государство (чья доля в мировом ВВП по официальному обменному курсу возросла за 1992–2018 гг. с 1,8 до 16 %; характерно, при этом, что по итогам 2018 года Китай, Индия и Индонезия в совокупности генерировали половину прироста всей мировой экономики) является в настоящее время важнейшим глобальным актором в сфере портового хозяйства и торговых морских перевозок². Из 40 крупнейших (с грузооборотом более 100 млн тонн) морских портов мира – 27 также «евразийские», причём 11 из них – в юрисдикции КНР. Продвигаемый КНР мегапроект «Один пояс – один путь» (一帶一路) создаёт формат как для закрепления этого лидерства³, так и для превращения транспортно-логистических проектов

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 770 с.

² Wang M. J., Wang Y., 2018. Identification of Chinese key nodes in the shipping network of the 21st Century Maritime Silk Road[J]. Progress in Geography, 37(11): 1485–1498.

³ Liu W. D., 2015. Scientific understanding of the Belt and Road Initiative of China and related research themes // Progress in Geography, 35(5): 538–544.

«Срединного государства» в основную детерминанту морехозяйственной активности, в том числе и для России, придавая новые импульсы развитию её приморских зон в пределах Тихоокеанской России, Арктики и, отчасти – в Причерноморье и на Балтике. Для нашей страны, при этом, существенны как перспективы роста партнёрства с КНР, так и возможности участия (в качестве страны-транзитёра) в поддерживаем в огромной мере именно благодаря морским коммуникациям европейско-китайском экономическом альянсе (характерно, что лишь 1 % совокупного объёма торговли между Китаем и Европой осуществляется по железной дороге¹).

«Фактор Китая» создаёт, пожалуй, важнейшую область глобальной геостратегической неопределённости и инициирует многовекторные усилия мировых и региональных геополитических и геоэкономических акторов по практически повсеместному дележу (и, прежде всего, переделу) сфер влияния и привилегированных партнёрств. В этой возрастающей турбулентности проявляются многочисленные «зоны» напряжения и складываются межстрановые альянсы, а растущая поливариантность евразийской перспективы дополняется усилиями (в том числе и продуктивными) по балансировке интересов разномасштабных «центров силы». Сообразуясь с аксиомами классической геополитики² морские побережья (в том числе и российские) оказываются форпостами и плацдармами нового витка перманентной «большой игры», аквальные регионы евразийского порубежья (от Баренц-региона и Балтики до Охотского моря) – её приоритетными «площадками», а шельфовые зоны и важнейшие (в том числе и перспективные) судоходные морские пути – приоритетными объектами геоэкономического целеполагания. Симптоматично, что согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до

---

¹ *Фарделла Э., Проди Д.* «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайские записки № 82. Март, 2018. 11 с.

² *Семенов Тян Шанский В. П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Петроград: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1915. 78 с.; *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company. 1944. 323 p.

2025 года»¹ к числу «геостратегических территорий» отнесены все 47 приграничных (в том числе и приморских) регионов. Встроенная в евразийский контекст дальнейшая «маринизация» России будет, полагаю, в этой связи, инициирована:

- растущим запросом ведущих евразийских государств на использование ресурсно-сырьевого (включая шельфовую зону) и транспортно-транзитного (с акцентом на Северный морской путь) потенциала Российской Федерации ;
- усиливающейся геополитической турбулентностью и необходимостью выстраивания Россией и её корпорациями «гибких» логистических схем и экономических партнёрств с основными евразийскими «центрами силы» (ЕС, Китай, Индия и др.), опираясь прежде всего на развитую систему морских портов;
- благоприятными перспективами локализации ориентированных на экспорт производств (равно как и предприятий, решающих задачи частичного «импортозамещения») в ведущих приморских зонах России (побережья Балтики, Краснодарского края, юг Приморья и др.);
- стратегической необходимостью для страны активизировать своё «присутствие» в Арктике и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Трендовое для всего постсоветского периода (в логике «вестернизированности» внешнеэкономических и гуманитарных связей страны², сохраняющей и поныне свою доминанту и инерцию) развитие портовых комплексов (с очагами «припортовой» индустрии) – в новом геополитическом и геоэкономическом контексте дополняется интенсивным (особенно после 2014 года) развёртыванием военной инфраструктуры в регионах российских геостратегических интересов (Калининградская область, Крым, Курилы,

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.

Арктическая зона и др.), а также «точечным» стимулированием экономической активности в приморских зонах в формате евразийских партнёрств, включая создание «приморских» ТОР (пока их семь) в регионах Тихоокеанской России и в Дагестане.

Для инкорпорирования России в форматы «большого евразийского партнёрства» сохраняющее позиционирование «европейского запада» (включая и структуру ЕС) в качестве важнейшего в Евразии относительно компактного рынка для сырьевых товаров и в целом экономического пространства (его соотношение с КНР пока составляет 1,6 к 1,0, если оценивать ВВП по официальному обменному курсу), впрочем, по-прежнему является значимым. В этой связи, осуществляя «разворот на Восток», Российская Федерация на ближайшие десятилетия практически обречена укреплять своё западное порубежье¹, наращивая потенциал геостратегического «присутствия» в том числе и в пределах Балтийского и Чёрного морей, а также на Каспии. Именно в этих «закрыто-полузакрытых» акваториях фактически уже сейчас выстраиваются мегарегионы (особые субевразийские пространства) аквально-территориального типа; полноформатное использование их экономических возможностей, понимание структурных особенностей и центрo-периферийной специфики (табл. 35) – исключительно значимо для устойчивого и эффективного позиционирования нашей страны, для стабильности российских рубежей.

Наиболее динамично и последовательно процесс трансграничной аквальной регионализации протекает на Балтике. В юрисдикции нашей страны – всего 7% побережья Балтийского моря (около 500 км²); этот компактный сегмент приморской зоны не только глубоко инкорпорирован в евроинтеграционные процессы (в том числе и в формате «Балтийского региона»³), но и являет-

---

¹ Дружинин А. Г. О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 35–44.

² Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студженицки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28.

³ Клемешев А. П. Трансформация эксклавноности в условиях политической глобализации // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 143–157.

Таблица 35

Аквальные мегарегионы западного и юго-западного порубежья России: центрo-периферийная специфика*

	Балтика	Причерноморье	Каспий
Структурные особенности (моно- либо полицентризм региона)	Полицентричная, асимметричная, двухсекторальная	Полицентричная с предпосылками моноцентризма	Полицентричная, асимметричная, многосекторальная
Степень сформированности	Существенная (в рамках евроинтеграции и взаимодействия в системе «Россия-Запад»)	Слабая, с отдельными трансактаториальными преимущественно меридианальными «скрепами»	Слабая, с отдельными трансактаториальными преимущественно широтными «скрепами»
Место в глобальной системе «центр-периферия»	Сегмент глобального центра с элементами полупериферии	Полупериферийно-периферийное с вкраплением «глобального города»	Периферия с вкраплениями полупериферии
Цивилизационная специфика	Евроатлантическое доминирование	Европейско-евразийский баланс сил	Евразийское доминирование
Специфика позиционирования России	Стремление сохранить и расширить геоэкономический «коридор» в условиях нарастающей «рубужности»	Борьба за укрепление геополитических и геоэкономических позиций	«Мягкое» геополитическое доминирование
Основные параметры региональной общности (без России)	Население – 146 млн чел., ВВП (ППС) – 6530 млрд. долл., душевой ВВП – 44,7 тыс. долл. США	Население – 156,3 млн чел., ВВП (ППС) – 6530 млрд. долл., душевой ВВП – 44,7 тыс. долл. США	Население – 99 млн чел., ВВП (ППС) – 2398 млрд. долл., душевой ВВП – 44,7 тыс. долл. США

* составлено автором.

ся (в сопоставлении с иными приморскими территориями страны) наиболее плотнозаселённым (непосредственно на побережье здесь размещены 12 городских поселений, в сумме концентрирующие почти 6 млн жителей, т. е. 43 % горожан, проживающих на морских побережьях нашей страны), экономически освоенным и инфраструктурно обустроенным, притягательным для населения и бизнеса. В пространственном отношении он (будучи интегрирован акваторией в статусе «открытого моря») – биструктурен (вынесенная на запад Калининградская область с 1991 г. фактически эксклавна, что предопределяет специфику условий и практик хозяйствования¹) и асимметричен (практически моноцентричен) с выраженной доминантой Санкт-Петербурга (в структуре Санкт-Петербургского приморского региона²), второго по значению в стране «фокуса» социально-экономической активности и аттрактора миграции.

Резко проявившийся (с 2014 г.) кризис в системе базовых для трансграничных территорий балтийского порубежья России (особенно для Калининградского эксклава) отношений «Россия – Запад» – не только порождает геополитическое размежевание (иницируя, в том числе и формирование Российской Федерацией компонент собственной автономной конструкции коммуникации и жизнеобеспечения на Балтике), но и всё заметнее превращает северо-западный «фасад» нашей страны в её «фасадный форпост». На этом фоне под влиянием глобальной и макрорегиональной динамики (активизирующей в том числе межстрановую, межпортовую конкуренцию за российские товаропотоки³, за реальный

---

¹ Клемешев А. П., Федоров Г. М. От изолированного эксклава – к «коридору развития» // Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2004. 253 с.

² Лачинский С. С., Семенова И. В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб.: Издательство Лема, 2015. 191 с.

³ Межевич Н. М., Шамахов В. А. Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.

и гипотетический китайский транзит¹) весь Балтийский регион в целом постепенно утрачивает свой былой геоэкономический «вес»: если в 2000 году совокупная доля выходящих к Балтийскому морю стран (без России) в мировом ВВП (по официальном обменному курсу) достигала 8,1 %, то в 2017 г. – лишь 6,6 %. Показательно, что уже в 2011 году произошло существенное (на 8,7 процентных пункта) снижение удельного веса балтийских портов в общем морском грузообороте России. В новой геоэкономической реальности Российская Балтика, тем не менее, продолжает оставаться узловым, центральным элементом всей морехозяйственной деятельности страны.

В частности, уже имеющий место в регионе «морезависимый» кластерогенез в судостроении, автосорборке («притягивающей» к себе шинное производство, производство автостекла, выплавку электростали²) и пищевой промышленности – в настоящее время дополняется формированием кластера СПГ-производств (комплекс «Газпрома» в районе Усть-Луги, а также проект СПГ «Криогаз-Высоцк», реализуемый ПАО «НОВАТЭК» и АО «Газпромбанк»). Сохраняется и тренд наращивания перегрузочных мощностей, включая заявленное новое портовое строительство (универсально-погрузочный комплекс в Приморском, Ленинградской области; круизный терминал в Пионерском Калининградской области и др.). Выстраивание крупными бизнес-структурами (при весомой господдержке³) морехозяйственного мегакластера с чёткой внешнеторговой ориентацией (локализованного преимущественно на побережье Финского залива) не только подкрепляет конкурентные позиции всего транспортно-логистического коридора Россий-

¹ *Druzhinin A. G., Dong Y.* 2018, One Belt – One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia's Western Border Regions, Balt. Reg., Vol. 10, № 2. P. 39–55.

² *Клюев Н. Н.* Промышленное и транспортное освоение территории России в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 5–14.

³ Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.). [Электронное издание] <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2014/264> (Дата доступа – 24.07.2019).

ской Федерации на Балтике, но и чётче акцентирует статус Санкт-Петербурга как «морской столицы» России. Дальнейшее развитие Санкт-Петербургского портово-промышленно-инновационного комплекса (принятое в 2019 году решение о перемещении в Санкт-Петербург из Москвы штаб-квартиры «Объединённой судостроительной корпорации» в данном контексте – симптоматично) предполагает его сопряжённость с калининградским эксклавом (в свою очередь закономерно «разворачивающимся» к морю¹ и, при этом, обретающим дополнительный, ориентированный непосредственно на структуры крупного бизнеса функционал в связи с правительственным решением об учреждении на о. Октябрьский в Калининграде финансового офшора).

В Причерноморье аквальная регионализация сдерживается противостоянием в системе «Россия-Запад» (включая и его наиболее актуализированное и зримое воплощение – конфликт на Украине); реализованные российско-турецкие «морские» газотранспортные проекты (включая «Турецкий поток», чей официальный пуск в эксплуатацию состоялся 8 января 2020 года), тем не менее, уже воссоздают её вероятностный остов и контур. С марта 2014 года Российская Федерация, безусловно, усилила свою геостратегическую позицию в Черноморском регионе (что подмечают и зарубежные эксперты²), однако по настоящему весомой (и геоэкономически, и геополитически) её способно, полагаю, сделать лишь устойчивое стратегическое партнёрство с Турецкой Республикой. И вопрос здесь не только в Черноморских проливах, но и в общем вековом трендовом «смещении» демографического потенциала городов Причерноморья в южном (точнее – юго-западном), турецком (стамбульском) направлении.

---

¹ Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации : монография / Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета. М.: «ИНФРА-М», 2018. 216 с.

² The National Interest (США): новая стратегия развития ВМС Украины до 2035 года затрагивает как Россию, так и НАТО [Электронное издание] inosmi.ru/politic/20190312/244731486.html (Дата доступа – 12.10.2019).

К моменту основания Турецкой Республики (1923 г.) в Стамбуле проживало 807 тыс. человек¹, в то время как в Одессе – 427,8 тыс., в Ростове-на-Дону – 232,6 тыс.²; т. е. соотношение людности этих основных причерноморских городов-метрополий составляло 3,5 : 1,8 : 1,0³. Если принять во внимание и некоторые другие крупные советские приморские города (Таганрог с 80,7 тыс. жителей, Мариуполь с 31,5 и др.) – имел место фактический демографический паритет между северным и южным побережьями (с некоторым «перевесом» в пользу нашей тогда ещё большой страны).

К периоду распада СССР население Стамбула достигло 6,4 млн человек; баланс численности населения в черноморском трёхградье «Стамбул – Одесса – Ростов» соотносился, в итоге, как 6,3 : 1,1 : 1,0. Наличие в Причерноморье ещё 12 советских городов с людностью более 100 тыс. чел., концентрирующих около 3,3 млн жителей обеспечивало сохранение ранее сложившегося геостратегического паритета (фактически – не только между Турецкой Республикой и СССР, но и в целом Западом и так называемым «Восточным блоком»).

Присущие постсоветским городам Причерноморья неблагоприятные демографические и экономические процессы протекали на фоне «взрывного» роста демографического потенциала Стамбула (с 1990 по 2008 гг. население города удвоилось, достигнув 11,5 млн чел.). Возникший, в итоге, резкий геодемографический (и, соответственно, в ещё большей мере, геоэкономический) дисбаланс (продолжающий нарастать и поныне) был усугублён (с 2007 года) обретением «причерноморского» статуса Европейским союзом, резкой вестернизацией геополитики Грузии, а также первоначально латентным, а с 2014 г. – интенсивным дистанциро-

¹ По данным Турецкого института статистики [Электронный ресурс] <http://www.turkstat.gov.tr>.

² По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года [Электронный ресурс] <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>.

³ Дружинин А. Г. Динамика численности населения городов Причерноморья в постсоветский период: геоэкономические и геополитические аспекты // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 61–69.

ванием Украины и России. В фрагментированном, подверженном воздействию экзогенных геополитических сил Причерноморском метарорегионе, на фоне обретших силу «евро-» и «туркостремительных» процессов, позиции России (если исходить из людности приморских городов как одного из значимых индикаторов) оказались существенно (с почти пятикратным перевесом в пользу Турции) ослаблены. Даже с учётом «фактора Крымской весны» доля нашей страны в суммарном населении причерноморских городов ныне составляет лишь 14,5 %, в то время как «европейских» и «евроинтегрирующихся» стран – 15,6 %, а Турции – 69,6 %. Ситуация в Причерноморье в существенной мере предопределяется ныне действиями ЕС и НАТО и (в ещё большей мере) – позицией Турецкой Республики, её балансирующими (подчас «рыскающими») геополитическими предпочтениями и геоэкономическими интересами и, соответственно, перспективами евразийского российско-турецкого альянса.

В полном противоречий евразийском контексте Российская Федерация, оставаясь во многом «европоориентированной», тем не менее, неизбежно (хотя и неспешно) «разворачивается» на восток, юго-восток и юг, в первую очередь своими внешнеторговыми связями. На этом фоне возрастает (что акцентируют российские географы-обществоведы¹) роль внутриконтинентальных территорий (симптоматично, что за 2010-2017 гг. во внешнеторговом обороте страны доля в целом периферийной, но приграничной по отношению к КНР Амурской области возросла с 0,07 до 0,09 %). Опирающаяся на трансграничные контакты «континентализация» российской экономики, тем не менее, полагаю, не изменит общего тренда на её дальнейшую «маринизацию». И дело не только в существенной для морехозяйственной активности в России «инерции колеи» (созданная инфраструктура, отлаженная логи-

---

¹ Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14; Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.

стика, сложившиеся региональные специализации), но и в выраженной «мореориентированности» важнейших территориально-хозяйственных компонент «Большой Евразии»: 29 из 30 крупнейших по «размеру» экономики государств Евразии – «приморские»; именно в приморских зонах евразийского материка функционирует значимая часть ведущих глобальных (альфа-) городов мира (21 из 49; а в целом по Евразии, включая сопредельные острова, к данной категории относят 34 мегаполиса). Инкорпорирование России в «Большую Евразию» (если рассматривать её в границах всего материка, удачно отождествлённого Х. Маккиндером с «Мировым Островом») предполагает её дальнейшую интеграцию в мир «океанической экономики» (по П. Н. Савицкому), в том числе благодаря возрастающей морехозяйственной активности и вовлечению глобальные воспроизводственные циклы ресурсного потенциала морского порубежья страны. Если ориентироваться на современные оценки площади относимого к российской юрисдикции шельфа и континентального склона (6,2 млн км², что соответствует 21 % площади шельфа Мирового океана¹), а также размеров исключительной экономической зоны Российской Федерации (около 8,5 млн км²), то собственно морские сегменты «морского порубежья» (в широкой, геополитической и геоэкономической его трактовке) существенно превышают суммарную территорию всех примыкающих к морю муниципальных районов России (3,8 млн км²; не все эти территории, правда, могут быть отнесены к приморской зоне). Российское «морское порубежье» по своим площадным характеристикам, в любом случае, – вполне сопоставимо с обширнейшим массивом внутриконтинентальных территорий нашей страны. Это важнейший геостратегический ресурс для экономики XXI столетия; для России отстоять его в жёсткой

¹ Еремин Н. А., Кондратюк А. Т., Еремин Ал. Н. Ресурсная база нефти и газа Арктического шельфа России // Георесурсы, геоэнергетика, геополитика. 2010, № 1. С. 23–33.

² Алхименко А. П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23.

геополитической борьбе столь же важно, как и выстроить эффективную (учитывающую геоэкономические реалии) систему морского природопользования, использовать её возможности в интересах населения страны (в том числе для развития собственно приморских регионов).

Говоря о потенциале «мореориентированности» России, невозможно игнорировать, также, и устойчивое укрепление в «южном подбрюшье» нашей страны демографических и хозяйственных позиций тюркоязычных постсоветских государств¹; подписанная 12 августа 2018 года в Актау Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном (тремя «тюркскими» государствами и двумя державами с весомой «тюркской этнодемографической составляющей») Конвенция о правовом статусе Каспийского моря – создаёт предпосылки для трансграничной регионализации и в данном стратегически значимом аквальном макрорегионе.

Современное геоэкономическое (и геополитическое) «реформатирование» Евразии, формирование «Большой Евразии» (как предпочтительного для России трансевразийского мегапроекта), равно как и последовательное включение приморских (приграничных) регионов Российской Федерации в разновекторные трансграничные взаимодействия – напрямую связано с дальнейшей «маринизацией» социально-экономического пространства России. Это, в свою очередь, требует сверхчуткого внимания к многообразным эффектам морехозяйственной активности (не только собственно экономическим, но и социальным, экологическим, геополитическим).

---

¹ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.; Вардомский Л. Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.

**4. РУССКО-ТЮРКСКИЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ
ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
РОССИИ**

4.1. «Тюркская составляющая» в системе приоритетов пространственного развития России: этнодемографические, геолингвистические и этноэкономические аспекты

Развитие России на всём протяжении многовековой истории теснейшим образом связано с русско-тюркским взаимодействием, с распластавшейся широчайшей полосой по евразийскому пространству (от Балкан до Синьцзяна и Якутии) «россыпью» тюркских этносов.

С середины XVI столетия, неуклонно продвигая на восток и юг свои рубежи, Российское государство последовательно вовлекало в орбиту взаимодействия (и влияния) всё новые и новые тюркоязычные народы. В итоге, три столетия спустя, достигнув своих максимальных пространственных пределов, Российская Империя объединяла ареалы расселения подавляющей части этнических составляющих Тюркского мира; при этом (согласно первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.) тюркские языки были родными для 10 млн человек (в том числе для 3,7 млн родным был татарский, а 1,3 млн – башкирский языки)¹, т. е. для 8 % жителей огромной, трансконтинентальной, полиэтнической страны. Симптоматично, что именно в этот период сопряжённость русской и тюркской культуры и истории чётко акцентировали такие выдающиеся тюркские мыслители как Исмаил Гаспринский и Ахмет-Заки Валиди. Тематика русско-тюркского (славяно-тюркского) симбиоза

---

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

прошла «красной нитью» и в опубликованных в 1920-е годы многочисленных трудах апологетов «евразийства», включая Н. С. Трубецкого¹, заявившего о наличии «туранского элемента» в русской культуре, пожалуй, наиболее полномасштабно и последовательно.

Характерно, что весь XX век «тюркская составляющая» в населении нашей страны стабильно увеличивалась; к моменту распада СССР в его пределах проживало (по переписи 1989 г.) 49,7 млн представителей тюркоязычных этносов (17,4 % всего населения); 11,6 млн из них², при этом, были сконцентрированы непосредственно на территории РСФСР, где также наблюдался устойчивый рост численности ведущих тюркских этносов (табл. 36).

Таблица 36

Численность и удельный вес в населении РСФСР некоторых наиболее крупных тюркских этносов (по данным переписей населения)*

		1926**	1937	1959	1970	1979	1989	2010
Татары	Тыс. чел.	2452	3901	4074	4755	5006	5522	5303
	%	1,67	3,56	3,47	3,66	3,64	3,76	3,70
Башкиры	Тыс. чел.	698	824	953	1180	1291	1345	1582
	%	0,47	0,75	0,81	0,91	0,94	0,91	1,11
Чуваши	Тыс. чел.	1098	1347	1463	1637	1698	1774	1436
	%	0,74	1,23	1,24	1,26	1,23	1,21	1,01
Якуты	Тыс. чел.	235	241	236	295	327	380	477
	%	0,16	0,22	0,20	0,23	0,24	0,26	0,33
Буряты	Тыс. чел.	235	220	251	313	350	417	460
	%	0,16	0,20	0,21	0,24	0,25	0,28	0,32

* составлено автором по <http://www.demoscope.ru>.

** РСФСР в период переписи 1926 г. занимала более обширную территорию, чем в 1937 и последующие «переписные» годы.

¹ Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс] http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (дата доступа – 25.01.2018).

Если бы Советский Союз существовал и поныне, в нём (к 2019 году) по расчётам автора насчитывалось бы более 70 млн тюркского населения, т. е. порядка 24 % от всего возможного (если ориентироваться на суммарную современную численность населения постсоветских стран) демографического потенциала, и эта цифра наглядно иллюстрирует устойчивое (трендовое) изменение этнодемографических пропорций на евразийском пространстве. В силу как демографических, так и геоэкономических, геополитических причин и в современный период «тюркский фактор» сохраняется как основополагающий, базовый, обретая силу и новые грани в контексте углубляющегося конфликта с Западом, обозначившегося (прежде всего в экономической и, отчасти, военно-политической сфере) перехода к многополюсному миропорядку, стремления к конструированию новых интеграционных форматов, включая не только Евразийский экономический союз, но и так называемую «Большую Евразию».

История неизменно проецируется на геопространство, последнее является субстратом грядущей истории; в этногеографической же «матрице» современной России «тюркская составляющая» не только укоренена, устойчива, но и достаточно существенна. Последняя из двух проведённых в постсоветский период переписей населения (2010 г.) зафиксировала наличие на территории Российской Федерации 24-х тюркоязычных этносов, разнящихся своей численностью, локализацией, политико-территориальным статусом (наличием «собственного» субъекта Федерации), типом расселения и демографической динамикой (табл. 37).

Если принять во внимание, что (по данным переписей) к 2010 г. численность населения Российской Федерации составила 97 % к соответствующему показателю 1989 г. (собственно русских – 93 %), то подавляющая часть тюркоязычных этносов (за исключением чувашей, хакасов и сверхмалочисленных – всего 200 человек, караимов) продемонстрировала высокую резистентность к охватившему страну (и достигшему своего «дна» к началу 2000-х годов) демографическому спаду. Этнодемографическая статистика отражает и устойчивое воспроизводство этнокультурной

Таблица 37

**Тюркские этносы современной России
(согласно всероссийской переписи населения 2010 года)**

	С основным ареалом локализации на территории Российской Федерации	С основным ареалом локализации вне территории Российской Федерации
С численностью более 5 млн чел.	татары (0,96*)	
С численностью от 1 до 2 млн чел.	<i>башкиры</i> ** (1,18), <i>чуваши</i> (0,81)	
С численностью от 200 тыс. до 1 млн чел.	<i>буряты</i> (1,11), <i>карачаевцы</i> (1,45), кумыки (1,82), <i>якуты</i> (1,26)	азербайджанцы (1,82), <i>казахи</i> (1,02), узбеки (2,26)
С численностью от 20 до 200 тыс. чел.	<i>алтайцы</i> (1,07), <i>балкарцы</i> (1,44), <i>ногайцы</i> (1,42), <i>тувинцы</i> (1,28), <i>хакасы</i> (0,94)	киргизы (2,51), <i>турки</i> (10,5), <i>туркмены</i> (0,95)
С численностью до 20 тыс. чел.	<i>долганы</i> (1,33), караимы (0,33)	гагаузы (1,4), каракалпаки (0,23), крымские татары (0,12), уйгуры (1,42)

* соотношение числа представителей этноса в 2010 г. к 1989 г.

** *башкиры* – более 50% численности выделенного *курсивом* этноса проживает в сельской местности

идентичности большинства тюркоязычных народов современной России. Суммарная численность находящихся на территории страны их представителей составила, при этом, 12,6 млн человек (т. е. за 1989–2010 гг. выросла на 8,6 %); наибольший вклад в подобную поступательную динамику (частично обеспечившую стабилизацию численности населения Российской Федерации) внесли азербайджанцы (рост численности на 247 тыс. чел.), башкиры (239 тыс.) и кумыки (226 тыс.).

В пространстве современной России («москвоцентричном», регионально стратифицированном, с существенными социально-экономическими градиентами и контрастами¹) тюркские народы характеризуются дисперсно-компактной локализацией. С одной стороны, тюркский этнический компонент представлен во всех без исключениях субъектах Российской Федерации. Для многих территорий России тюрки (в первую очередь – татары) выступают в качестве коренного², столетиями осваивавшего обширнейшие территории страны населения. С другой – большая часть представителей тюркоязычных этносов (58,5 % по данным последней переписи) имеет чёткую региональную «привязку», поскольку сконцентрирована в 11 национальных республиках (субъектах Федерации), в десяти из которых «титულიность» соответствующего тюркского этноса акцентирована самим названием. С марта 2014 г. Россия пополнилась ещё одним регионом с существенной долей в населении «тюркской составляющей» – Республикой Крым (табл. 38).

В настоящее время на данную группу регионов приходится 23,9 % территории Российской Федерации, 12,6 % её населения и 8,6 % совокупного валового регионального продукта (ВРП). Характерно, также, что все (за исключением Татарстана) «тюркские» регионы РФ концентрируют подавляющую часть «своего» этноса; лишь в пяти субъектах РФ (Татарстане, Башкортостане, Чувашии, Якутии и Туве) в этнической структуре населения «тюркская составляющая» численно превалирует; только два региона (Татарстан и Якутия) характеризуются выше среднего по России уровнем хозяйственного развития (для социально-экономического благополучия остальных территорий существенное значение имеют различного рода межтерриториальные финансовые транс-

¹ Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

² Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / Отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. 336 с.

**Основные регионы локализации представителей
тюркоязычных этносов в Российской Федерации***

Регион	Удельный вес региона в суммарной численности представителей всех тюркоязычных этносов в РФ, %	Удельный вес в населении региона представителей тюркоязычных этносов, %	Удельный вес представителей «титального» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ, %	Душевой ВВП в регионе к среднему по РФ**	Среднедушевые доходы населения в регионе к аналогичному показателю по РФ***
Республика Башкортостан	17,5	54,3	74,0	0,73	0,92
Республика Татарстан	17,2	57,2	37,9	1,07	1,06
Чувашская республика	6,8	68,0	56,7	0,46	0,58
Республика Дагестан (кумыки)	4,8	21	86	0,42	0,92
Республика Саха (Якутия)	3,9	51,3	97,5	1,77	1,27
Республика Бурятия	2,4	30,9	62,0	0,47	0,82
Республика Крым	2,3	15,0	98,0	0,30	0,59
Республика Тува	2,0	82,1	95,1	0,34	0,46
Карачаево-Черкесская Республика	1,7	44,6	89,0	0,33	0,55
Кабардино-Балкарская Республика	0,9	13,3	97,3	0,33	0,64
Республика Алтай	0,66	40,3	93,2	0,44	0,58
Республика Хакасия	0,6	13,9	87,7	0,72	0,69

* составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2010 года и данным Росстата

** данные за 2016 г.

*** данные за 2017 г.

ферты, в том числе и связанные с трудовыми миграциями, рекреационными потоками, бюджетной поддержкой).

За пределами данной совокупности территорий (выступающих своего рода региональным «каркасом» тюркского этногенеза в России) достаточно крупные контингенты представителей тюркоязычных этносов на постоянной основе присутствуют в Москве и Московской области (3,5 % всего тюркского населения РФ), Астраханской области (1,7 %), а также в Санкт-Петербурге (0,7). Тюркский этнический компонент, выступает, в итоге, как повсеместный, значимый, динамичный (в том числе и в связи с интенсивно развивающимися диаспорами из стран СНГ), плотно инкорпорированный в систему межрегиональных взаимодействий, федеративных и межгосударственных отношений.

Более трети (34,7 %) представителей тюркоязычных этносов России сконцентрированы в пределах двух субъектов Федерации: в Татарстане и Башкортостане (справедливо рассматриваемых как «очаги хорошо сохранившейся тюркской мусульманской культуры»¹). Эти же регионы концентрируют и подавляющую часть экономического потенциала «тюркских регионов» (55 % их валового продукта, что эквивалентно 4,8 % совокупного ВРП страны).

Судя по статистике (табл. 39), благоприятный (превышающий средний по России) экономический тренд в последние годы присущ Татарстану, Якутии и, отчасти, Карачаево-Черкесии и Республике Тыва. На этом фоне в период с 2005 года своё «присутствие» в российской экономике заметно сократили Республика Бурятия и Республика Башкортостан. Характерные для данных территорий опережающие (существенно выше среднего) темпы демографического прироста и доминирование руральных форм расселения превращают и Бурятию, и Башкортостан в регионы, требующие наиболее пристального внимания федерального центра (включая и комплекс мер стимулирования экономики с акцентом на аграрно-индустриальную сферу).

---

¹ Стрелецкий В. Н. Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития. Под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459.

Таблица 39

**Удельный вес некоторых «тюркских» регионов в ВРП России
(%, в динамике)***

	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Республика Татарстан	2,67	2,66	2,80
Республика Башкортостан	2,11	2,01	1,94
Саха-Якутия	1,01	1,02	1,25
Чувашская республика	0,38	0,42	0,38
Республика Бурятия	0,44	0,36	0,29
Карачаево-Черкесская Республика	0,09	0,11	0,11
Республика Тыва	0,06	0,08	0,8

* составлено по данным Росстата

Нельзя, кстати, не подчеркнуть – социально-экономические проблемы тюркских регионов вполне «считываются», осознаются федеральной властью, что, в частности, подтверждает презентация соответствующей проблематики в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (табл. 40).

Таблица 40

**Презентация проблематики «тюркских» регионов
в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации
до 2025 года»**

	Статус региона в системе геостратегических интересов страны (+)	Акцент на наличие перспективных центров экономического роста
Республика Башкортостан		г. Уфа
Республика Татарстан		г. Казань
Чувашская республика		г. Чебоксары
Республика Дагестан	+	г. Махачкала
Республика Саха (Якутия)	+	г. Якутск
Республика Бурятия	+	г. Улан-Удэ

Окончание табл. 40

	Статус региона в системе геостратегических интересов страны (+)	Акцент на наличие перспективных центров экономического роста
Республика Крым	+	г. Симферополь
Республика Тува	+	г. Кызыл
Карачаево-Черкесская Республика	+	г. Черкесск
Кабардино-Балкарская Республика	+	г. Нальчик
Республика Алтай	+	г. Горно-Алтайск
Республика Хакасия		г. Абакан

Восемь «тюркских» регионов, при этом, справедливо отнесены к так называемым «геостратегическим территориям». Активнейшим (и неизменным) реципиентом федеральной бюджетной поддержки благодаря череде «мегапроектов» (наподобие XXVII Всемирной летней универсиады 2013 года, ЧМФ 2018 года и др.) выступает, при этом, столица Татарстана – Казань. В несколько меньшей степени фактор мегасобытий проецируется на столицу Башкортостана (в Уфе, в частности, летом 2015 года проведён саммит ШОС и БРИКС). Симптоматично также, что «тюркские» регионы являются и приоритетными получателями финансовой поддержки из бюджета Российской Федерации. Так по итогам 2017 года, суммарно в 12 «тюркских» регионах переведено более 417 млрд руб. безвозмездных перечислений (почти 101 млрд руб. пришёлся на долю Крыма), что эквивалентно 23,5 % от всего объёма расходов по соответствующей статье в федеральном бюджете (табл. 41).

Приоритеты государственной финансовой поддержки, тем не менее, лишь оттеняют достаточно неблагоприятную социально-экономическую ситуацию в подавляющей части «тюркских» регионов России. Показательно, что в течение ряда последних лет из всей рассматриваемой совокупности субъектов Федерации

Таблица 41

**Распределение безвозмездных перечислений из бюджета
Российской Федерации по «тюркским» регионам России,
2017 год***

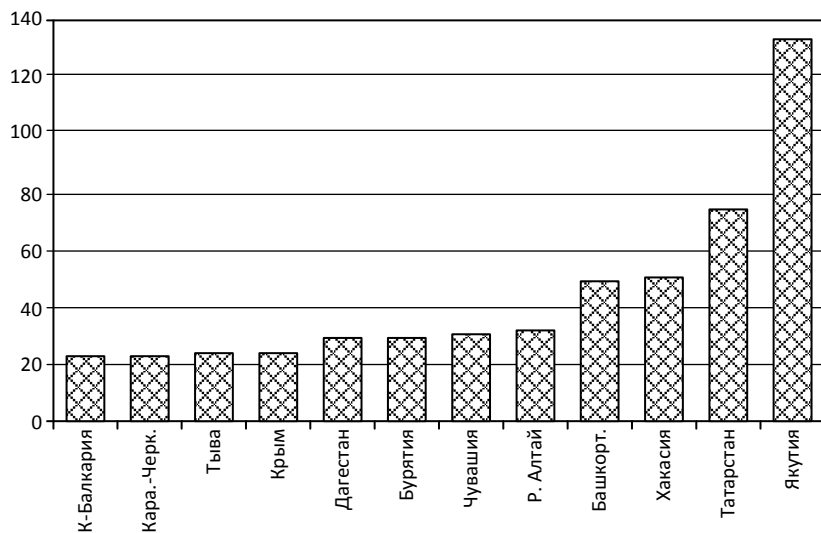
	Безвозмездные поступления из федерального бюджета млн руб.	Безвозмездные поступления на 1 жителя, тыс. руб.	Объём безвозмездных поступлений в регион к среднему по России, раз
Республика Башкортостан	33902	8,34	0,69
Республика Татарстан	33887	8,70	0,72
Чувашская республика	15157	12,31	1,02
Республика Дагестан	74785	24,4	2. 02
Республика Саха (Якутия)	65929	68,39	5,67
Республика Бурятия	23840	24,2	2,01
Республика Крым	100719	52,6	4,36
Республика Тува	15867	49,27	4,09
Карачаево-Черкесская Республика	15739	33,77	2,80
Кабардино-Балкарская Республика	15351	17,7	1,47
Республика Алтай	12268	56,3	4,67
Республика Хакасия	9726	18,08	1,50
Россия	1771700	12,06	1,00

* составлено автором по данным Росстата.

лишь Татарстан выступает как миграционно привлекательный (с 2015 года устойчивый миграционный прирост наблюдается и в Республике Крым). Для остальных территорий характерен отток населения: от умеренного в Башкортостане, до интенсивного в Дагестане, Якутии и Бурятии. В охарактеризованном контексте, полагаю, в качестве «геостратегических» для современной Российской Федерации должны рассматриваться все 12 её «тюркских» субъектов. Особый, акцент, при этом, необходимо делать не только на мерах социально-экономической поддержки регионов – экономических аутсайдеров (республики Северного-Кавказа, Тыва, Горный Алтай), но и на обеспечении макроэкономических (и политических) предпосылок устойчивой позитивной хозяйственной динамики для «тюркских» регионов-тяжеловесов: Татарстана и Башкортостана. Для большинства российских «тюркских» территорий (учитывая их руральную специфику) в развитии нуждаются не только перспективные «полюсы роста» (по факту – региональные центры), но и сельская периферия.

Сфокусированные на высокопроблемные «тюркские» регионы меры государственной поддержки особо необходимы, учитывая общеевразийский контекст и присущее ему укрепление на постсоветском пространстве позиций (в том числе ментальных) ведущего (до демографическому и экономическому потенциалу) тюркского государства – Турецкой Республики, расширения его взаимодействия с родственными в этнолингвистическом отношении регионами России. Согласно расчётам, лишь в Республике Саха-Якутия генерируемый душевой ВРП превышает среднюю величину валового продукта в Турции (рис. 3). В остальных 11 «тюркских» регионах нашей страны душевой валовой продукт уступает турецкому (в восьми субъектах РФ не достигая и его трети).

В контексте нарастающего внешнего воздействия на этнические компоненты региональной структуры России (характерного не только для тюрков, но и финно-угорских, кавказских народов) и присущей регионам России разноскоростной (отчасти и разновекторной) социально-экономической динамики – этнокультурные, этнолингвистические факторы и далее будут неизбежно

Рис. 3. Душевой ВРП в основных регионах локализации представителей тюркоязычных этносов в РФ (душевой ВВП Турции = 100)

актуализироваться, выдвигаясь на авансцену не только общефедеральной, но и международной повестки. В этих условиях важное значение обретают собственно этнодемографические тренды (в их общественно-географической проекции), в том числе и такие (многократно акцентированные российскими географами¹) как «моноэтнизация» национальных регионов, «стягивание» в них представителей «титульного» этноса, а также направленность и интенсивность этнокультурных ассимиляционных процессов.

Данные переписей населения убедительно свидетельствуют о присутствии постсоветскому периоду устойчивом инкорпорировании тюркоязычных этносов в общероссийское (формируемое

¹ Мананов А. Г. Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1897 по 2010 годы // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 57-71; Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1(2). С. 51-72.

русским языком) лингвистическое пространство. Для некоторых ведущих по численности тюркских этносов (татары, башкиры, буряты) за 1989-2010 годы характерно существенное увеличение доли лиц, указавших русский язык в качестве родного (табл. 42).

Таблица 42

Владение «своим» и русским языком представителями ряда тюркоязычных этносов России согласно переписям 1989 и 2010 гг., %*

		тата- ры	баш- киры	якуты	буря- ты	тувин- цы	кара- чаевцы
Владеют русским языком	1989 г.	72,7	72,6	65,0	72,3	59,2	79,8
	2010 г.	97,6	97,2	89,7	98,1	75,7	95,5
Владеют русским языком в качестве родного	1989 г.	14,2	10,0	5,9	13,3	1,4	2,1
	2010 г.	20,5	26,2	6,7	21,4	1,4	2,3
Владеют «своим» языком в качестве родного	1989 г.	85,6	72,8	94,0	86,5	98,6	97,7
	2010 г.	79,2	71,6	93,3	78,5	90,0	97,6

* составлено автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2010 года.

На этом фоне в целом имеет место и воспроизводство при-
сущих тюркским этносам России собственных лингвистических систем. Наиболее устойчивы в этом отношении башкиры, якуты, карачаевцы. В итоге, тюркские этносы в последние десятилетия стабильно воспроизводят фактический тюркско-русский билингвизм, постепенно эволюционирующий в направлении несколько большей укоренённости русского языка (разумеется, наиболее динамично данный процесс протекает вне территорий компактного проживания тюркских народов России, за пределами соответствующих национальных республик). Замечу, что подобного рода билингвизм в среде русского населения укоренён в существенно меньшей мере. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, из 111 млн русских, проживающих на территории Российской Федерации, лишь 273 тысячи (0,25 %) владеют теми или иными тюркскими языками (из этого числа 42 % – татарским,

12 % казахским, 8 % чувашским, 7,3 % башкирским). Несколько выше этот показатель непосредственно в национальных республиках: в Башкортостане владение языками тюркских этносов декларировало 2,6 % от всего числа проживающих здесь русских, в Татарстане – 3,8 %, в Бурятии – 0,5 %, Якутии – около 2 %.

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно более однородна по этническому составу (78 % участвовавших в переписи населения 2010 года обозначили свою национальность как «русские»). Однако с учётом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны – её неверно (и опасно!) воспринимать исключительно как мононациональное государство, тем более, учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 1989 г. – 81,5 %, в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. За последний межпереписной период (2002–2010 гг.) частичная «дерусификация» этнической структуры населения оказалась характерной для 72 регионов России¹. В полной мере данный процесс затронул и «тюркские» регионы (табл. 43).

За межпереписной период (2002–2010 гг.) доля русских в этнической структуре населения незначительно возросла лишь в Татарстане и Чувашии. В остальных регионах она сокращалась, причём, темпами выше среднероссийских – в Хакасии, Тыве, Якутии и Бурятии. Если все основания полагать, что и в последующий период этнодемографические тренды существенно не изменятся. Русское население частично переместилось (и далее продолжает «стягиваться») в немногие фактические «ядра» экономического благополучия страны; там же, по всей видимости, наблюдаются и наиболее динамичные ассимиляционные процессы. Это, отчасти, законсервировало (статистически фиксируемую) трансформацию

---

¹ Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.)// Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013, № 2 (7). С. 3-15.

Таблица 43

**Русские в населении «тюркских» регионов России
(динамика численности за 2002–2010 гг.)***

Регионы	Численность всего населения, тыс. чел.		Динамика численности всего населения за 2002–2010 гг.		Численность русских, тыс. чел.		Динамика численности русских за 2002–2010		Доля русских 2002	Доля русских 2010	Динамика доли русских, процентные пункты
	2002	2010	тыс. чел.	%	2002	2010	чел.	%	%	%	
РФ	145167	142905	- 2262	-1,58	115891	111017	- 4874000	- 4,4	79,8	77,7	- 2,1
Респ. Дагестан	2577	2978	401	15,6	120	104	- 16855	- 16,2	4,7	3,5	- 1,2
Кабардино-Балкарская респ.	902	859	- 43	- 5,0	226	193	- 33465	- 17,3	25,2	22,5	- 2,7
Караево-Черкесская респ.	440	479	39	8,9	147	150	2147	1,5	33,6	31,3	- 2,3
Респ. Башкортостан	4104	4072	- 32	- 0,8	1490	1432	- 57809	- 4,0	36,3	35,2	- 1,1
Респ. Татарстан	3779	3786	7	0,2	1492	1501	8767	0,6	39,5	39,6	0,1

* Составлено автором по данным Всероссийских переписей населения.

Окончание табл. 43

Регионы	Численность всего населения, тыс. чел.		Динамика численности всего населения за 2002–2010 гг.		Численность русских, тыс. чел.		Динамика численности русских за 2002–2010		Доля русских 2002	Доля русских 2010	Динамика доли русских, процентные пункты
	2002	2010	тыс. чел.	%	2002	2010	чел.	%	%	%	
Чувашская респ.	1314	1252	- 62	- 5,0	848	814	- 34365	- 4,2	64,6	65,0	0,4
Респ. Алтай	203	206	3	1,5	116	114	- 1708	- 1,9	57,1	55,8	- 1,3
Респ. Бурятия	981	973	- 8	- 0,8	665	630	- 34729	- 5,5	67,9	64,9	- 3,0
Респ. Тыва	306	308	2	0,6	61	49	- 12008	- 24,3	19,9	15,9	- 4,0
Респ. Хакасия	546	532	- 14	- 2,6	498	427	- 70778	- 16,5	91,2	80,5	- 10,7
Респ. Саха (Якутия)	949	958	9	0,9	390	353	- 37022	- 10,5	41,2	37,0	- 3,8

этнической структуры в ведущих, наиболее успешных в социально-экономическом отношении городских агломерациях, в очагах локализации предприятий нефтегазового комплекса, одновременно усилив процесс «этнического замещения» на большинстве территорий обширной российской периферии.

Рост полиэтничности России, в этом контексте, обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры¹. Этнодемографические изменения проецируются на этнокультурную ситуацию, предопределяют её перспективу, предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «...в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»².

Что же касается собственно тюркских этносов (как автохтонных, с месторазвитием на территории РФ, так и приуроченных в своей основе к иным составляющим евразийского пространства), то они являют собой не только одну из базовых составляющих этнодемографической, этнокультурной «палитры» России, но и фактор её этнополитической и политико-территориальной стабильности, социально-демографического и хозяйственного развития, а также один из приоритетных «скрепов», коммуникационных каналов во взаимоотношениях с другими сопредельными тюркскими государствами. Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая

---

¹ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография / А. Г. Дружинин; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

² Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.

позиция, равно как и геокультурная специфика (а почти 3/4 от общего числа российских мусульман приходится именно на тюркские народы; при этом по подсчётам А. Г. Манакова в Республике Башкортостан мусульмане составляют 55 % верующих, в Республике Татарстан – 50 %¹) – уже в ближайшей перспективе станут оказывать всё возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, предопределяя приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама. Симптоматична (и отраднa!) в этой связи позиция Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, высказанная почти три года назад во время его посещения Татарстана, что «сегодня существуют очень сильные предпосылки, глобальные, не только национальные, к развитию отношений между православными и исламом. Мы принадлежим к одной восточной культуре, у нас даже одежды похожи...»².

Присущие современной России этнодемографические процессы (и их пространственные проекции) требуют, как видится, не только предельно корректной, выверенной, ориентированной на перспективу региональной политики, но и пересмотра самих основ российской государственности. Речь, конечно же, не идёт (и не должна идти) о некоей безграничной «федерализации» страны с ориентиром на превращение её в разнородный (экономически, социально, этнически) и слабо увязанный между собой конгломерат территорий, в соответствии с логикой глобализации и факторами соседства всё более вовлекаемых в трансграничный регионогенез (в подавляющей массе ситуаций – в качестве периферии). И, тем более, не о какой-либо произвольной, насильственной «русификации» меняющегося российского социума (хотя процесс воспроиз-

---

¹ Манаков А. Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX – начале XXI в. // Географический вестник. 2019. № 2(49). С. 13–24.

² Патриарх объяснил преимущества России общей моралью православных и мусульман // <http://www.interfax.ru/russia/519793> (Дата доступа – 22.07.2016).

водства русской культуры и русского языка должен корректно, но неуклонно поддерживаться государством на всей его территории). Необходимые изменения (укладывающиеся в логику постепенного преодоления доминировавшей на просторах нашей страны три столетия «вестернизированной», «европоцентрированной» картины мира) должны, как видится, затронуть ментальную сферу, привести к переоценке совместной русско-тюркской истории (в том числе с опорой на потенциал «евразийской» идеи), ко всё более явственно-му пониманию России как в том числе и «тюркской» державы.

Осмысливая гипотетический тренд грядущих метаморфоз, важно осознавать, что под воздействием комплекса причин значение материально-вещественных «скрепов» России ослабевает; одновременно обретают силу (выходя на авансцену) факторы информационные, ценностно-ментальные. Это существенно повышает хрупкость, уязвимость территориальных общественных систем, расширяет возможности их «конструкции-деконструкции».

Как подмечал Л. В. Смирнягин, «нам всё чаще приходится признавать, что в своём поведении люди руководствуются не только и не столько пресловутыми объективными свойствами объективного мира, сколько своими представлениями о них, в сильнейшей мере опосредованных социокультурными факторами»¹. Ни относительная гомогенность современного российского этнолингвистического пространства², ни внешне «аспasiaльная»³ русская культура и превалирование в этнодемографической структуре

---

¹ Смирнягин Л. В. Место вместо местоположения (о сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза / Сост. П. М. Полян и А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф. 2012. С. 437.

² Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года русским языком владело 99,1 % жителей России и лишь на отдельных «этнических» территориях доля лиц, декларировавших незнание русского языка оказалась ощутимо выше: в Ингушетии – 5,7 %, Дагестане – 6,9 %, Чечне – 7,9 %, Республике Тыва – 13,9 %.

³ Смирнягин Л. В. Общественная география. Федерализм. Регионализм. М.: КомКнига, 2005. 464 с.

подавляющей части российских регионов представителей русского этноса – не должны, в этой связи, вызывать самоуспокоение. Постсоветский опыт свидетельствует, что для радикального реформирования региональных (и национальных) идентичностей вполне достаточно 1–2 поколений; более того, глубинные пласты национальной истории сохраняют память о жесточайшем противоборстве практически однородных по своей культуре и этнической структуре земель (например Твери и Москвы в XV столетии).

Логичным и необходимым видится в этом контексте и переосмысление такой фундаментальной категории как «государствообразующий народ». Ещё столетие назад Н. С. Трубецкой¹, обращаясь к ретроспективе, подмечал, что русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской, а само объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. И в данном историко-географическом контексте культивируемое понимание², к примеру, татар (единственного из коренных народов Поволжья с тысячелетним стажем оседлой жизни и более древней, чем у русских, традицией письменной культуры и национальной государственности, восходящей еще к Волжской Булгарии и Золотой Орде³) как (наряду с русскими) «государствообразующего народа» – должно, полагаю, обретать не только региональный, но и общероссийский масштаб. И исторически, и географически справедливым, вероятно, будет использования понятия «государствообразующий» применительно и ко всем иным тюркскоязычным народам нашей страны, равно как и к фино-угорским, кавказским этносам, другим этническим образованиям, чье месторазвитие оконтурено рубежами России.

---

¹ *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.

² Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / Отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. 336 с

³ *Стрелецкий В. Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития / под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459.

Само придание статуса «государствообразующий» тому или иному российскому этносу должно, при этом, предопределяться не столько его численностью, спецификой локализации, либо былыми историческими заслугами, сколько этнокультурной и этнополитической «укоренённостью» в структуре современной России, комплиментарностью, созвучностью собственно этнических (регионально-этнических) и общегосударственных смыслов, целевых установок, интересов. В этом плане можно только приветствовать симптоматичную (и очень отрадную) позицию, согласно которой «национальная идея Татарстана (наряду со стремлением к процветанию и универсализму) – стремление внутреннего и внешнего сохранения России»¹. «Не сохраним русских, сами все потонем...» проще и эмоциональнее сформулировал этот крайне важный, судьбоносный для перспективы России тезис молодой крымский татарин, с которым автору довелось общаться в Севастополе весной 2014 года.

Россия, как это верно констатируется, «была и остаётся ядром Евразии»², а преимущество евразийской цивилизации состоит... в том, что она «сумела сохранить красоту букета из национальных культур, каждый цветок которого и сегодня самобытен по своей окраске»³. Российская Федерация (воспроизводя и генерируя русскую культуру в качестве основополагающего «скрепа») должна, как видится, всё в возрастающей мере трансформировать себя в органичный симбиоз больших и малых «государствообразующих народов», разделяющих ответственность за единство страны, её безопасность, благополучие, грядущую евразийскую судьбу. Значимое место в этом симбиозе способны занять тюркоязычные народы России.

---

¹ Уланов В. П. Татарская национальная идея // Вестник Казанского аграрного университета. 2008. Т. 3, № 3(9). С. 144–146.

² Хакимов Р. С. Исторический аспект структурированности пространства России // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 3-1. С. 223–231.

³ Нургаллин З. А. Концепция Евразии и Россия // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1013–1014.

4.2. Россия и постсоветские тюркоязычные государства: тренды и факторы соразвития в многополюсной Евразии

К моменту разрушения СССР (1991 год) тюркоязычные этносы Средней Азии (в постсоветский период данный макрорегион всё чаще именуют «Центральной Азией»¹, причём ни в научном, ни в массовом дискурсе чёткие представления о географическом контуре данного макрорегиона так до конца и не сложились²) в своей подавляющей части имели уже практически вековой опыт нахождения в составе единого российского (а затем и советского) государства; несколько продолжительнее соответствующий период оказался у Азербайджана (с первой четверти XIX столетия). На пять союзных «тюркских» (по своей преобладающей этнолингвистической составляющей) республик приходилось 17,6 % территории Советского Союза и 18,5 % его демографического потенциала; при этом лишь Азербайджан, Туркмения и Узбекистан могли рассматриваться как в целом моноэтнические образования, в то время как в Киргизской ССР доля собственно киргизов едва превышала половину населения, а Казахская ССР отличалась преобладающей биэтничностью (табл. 44)

«Стартовое» (порождённое комплексом исторических и экономико-географических факторов) неравенство хозяйственных возможностей советских республик сочеталось с разнотемповыми

---

¹ Морозов Ю. В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М., 2016. 178 с.

² Казанцев А. А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 78–88.

Таблица 44

**России и «тюркоязычные» союзные республики в составе СССР:
некоторые сопоставления***

	Доля от территории СССР, %	Доля от числа жителей, %	Удельный вес русских в населении, %	Удельный вес «титульного» этноса в населении, %	Индекс произведённого национального дохода за 1985–1990 гг.	Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих к средней по стране
СССР	100,0	100,0	50,8	...	1,37	100,0
РСФСР	76,2	51,2	81,5	81,5	1,31	106,2
Азербайджанская ССР	0,4	2,5	5,6	82,7	1,05	82,7
Казахская ССР	12,1	5,8	37,8	39,7	1,24	98,5
Киргизская ССР	0,9	1,5	21,5	52,4	1,79	85,2
Туркменская ССР	2,2	1,3	9,5	72,0	1,68	98,7
Узбекская ССР	2,0	7,1	8,3	71,4	1,40	84,8

* составлена автором с учётом¹.

темпами их развития (в том числе и в последнее советское пятилетие, характеризующееся, в частности, опережающей динамикой Туркмении, Киргизии и Узбекистана на фоне фактической стагнации экономики в Азербайджанской ССР) и компенсировалось эффективными общестрановыми механизмами социально-территориального перераспределения. Характерно, что вплоть до ухода СССР с исторической арены во всех без исключения «тюркских» союзных республиках сохранялась приверженность нахождению в

¹ Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. 127 с.; Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. М., 2015. 239 с.; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1987.

составе единого Советского государства. В частности, на состоявшемся 17 марта 1991 года референдуме о сохранении СССР во всех пяти республиках население высказало не только однозначную, но и наиболее существенную (в сопоставлении с иными составляющими Советского Союза) приверженность сохранения большой единой страны (табл. 45).

Таблица 45

**Основные результаты референдума от 17 мая 1991 года
по тюркоязычным союзным республикам СССР**

	% принявших в голосовании	% поддержав- ших сохране- ние СССР	% поддержавших сохранение СССР от включённых в списки для голо- сования
СССР всего	80,03	77,85	62,3
Азербайджанская ССР	75,1	93,3	70,1
Казахская ССР	82,2	94,1	77,4
Узбекская ССР	95,4	93,7	89,4
Киргизская ССР	92,9	96,4	89,6
Туркменская ССР	97,9	97,9	95,4

* составлено с учётом <https://ru.wikipedia.org>.

Даже в Азербайджане, годом ранее оказавшемся жертвой масштабной, нацеленной на «расшатывание» СССР кровавой провокации (известной как «чёрный январь» 1990 года в Баку) идею сохранения единого Союза поддержало подавляющее число жителей (то есть, как минимум, половина самих этнических азербайджанцев). В последнее время регулярно посещая Баку и Ташкент, побывав в Алма-Ате и общаясь в этих поездках с самыми разными людьми, я многократно фиксировал для себя укоренённое в сознании подавляющей части жителей постсоветских тюркских государств позитивное, доброе отношение к нашему общему прошлому, заинтересованность в развитии и восстановлении былых связей и контактов с Россией и россиянами. Это сохраняющееся

190

(хотя и неумолимо «размываемое» сменой поколений и общественно-географическими метаморфозами в Евразии) ощущение общности – не только самоценно, но и, полагаю, должно восприниматься как важнейший отправной момент (и фундамент) взаимоотношений с нашими в ещё недалёком прошлом согражданами, а ныне – евразийскими партнёрами и близкими соседями.

Обретённая далее независимость обернулась для новообразованных постсоветских тюркских государств не только сложным становлением государственных институтов, этнополитическими и приграничными конфликтами (в том числе и с применением вооружённой силы), но и привносимыми глобализацией и обстоятельствами соседства различными формами полувисимости и полувисимости, деградацией и реструктурированием экономического потенциала, переориентацией хозяйственных связей на фоне практически повсеместной дальнейшей периферизации и масштабнейшего (чудовищного!) роста социального и территориального неравенства.

На фоне практически всеобщей деиндустриализации, «сырьевой крен» стал реальностью не только российской экономики, но и хозяйственных комплексов Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, оказавшихся де-факто конкурентами на глобальном рынке энергоносителей и, одновременно, резко сократившими масштаб взаимного внешнеэкономического партнёрства. При этом уже в первый постсоветский год между Российской Федерацией и её южными порубежными соседями проявилась существенная социально-экономическая «дистанция»: согласно данным Всемирного банка по такому важнейшему макроэкономическому индикатору как валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения Казахстан в 1992 году уступал России в 2,04 раза, Туркменистан в 3,77 раза, Азербайджан – в 4,64 раза, Узбекистан – в 5,13 раза, Киргизия – более чем в 6 раз (табл. 46).

Ощутимые экономические градиенты (предтеча и проявление центрально-периферийных отношений) проявились, впрочем, не только внутри постсоветского пространства, но и с Турцией, Ираном (Китай в 1990-е годы лишь начинал «приподниматься с

Таблица 46

**Душевой ВВП тюркских постсоветских государств,
России, Турции, Ирана и Китая (по официальному обменному курсу)***

	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Россия	3096	2667	1772	5324	10675	9313	10751	11288
Китай	367	610	959	1753	4550	8033	8759	9771
Турция	2842	2898	4317	7384	10672	10949	10500	9311
Иран	...	1569	1670	3246	6603	4916	5628	...
Азербайджан	667	397	665	1578	5843	5550	4147	4721
Казахстан	1515	1288	1229	3771	9071	10511	9030	9331
Узбекистан	603	586	558	547	1377	2615	1827	1532
Киргизстан	513	364	280	477	880	1121	1243	1281
Туркменистан	821	590	643	1704	4439	6433	6587	6966

* составлено автором по данным Всемирного банка.

колен» и его душевой ВВП практически не отличался от большинства постсоветских тюркских государств). Ещё более существенный потенциал влияния на ситуацию в регионе (и на всей территории бывшего СССР) обрели государства коллективного Запада. И эта способность (экономическая, политическая, имиджевая) глобальных и региональных «центров силы» влиять на «поведение» новых независимых государств (включая превалирование в их взаимоотношениях центробежных векторов) в силу комплекса факторов нарастала вплоть до начала 2000-х годов. И Россия, и новые тюркские государства, несмотря на инфраструктурную, культурно-лингвистическую и иную «инерцию колеи» (отчасти сохраняя «остаточное» сопряжение: в рамках СНГ, либо, в ещё более усечённом формате – созданного в 1992 г. ОДКБ) – самостоятельно, порознь адаптировались в новой геостратегической реальности, в огромной мере предопределяемой не только интенсивным вмешательством в процессы на евразийском пространстве внешних сил, но и необходимостью «встраивания» в мирохозяйствен-

ные обмены, реструктурирования собственной экономики и её пространственной организации, а также всей системы внешних связей.

В 1992 году суммарный ВВП (по официальному обменному курсу) Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана и Узбекистана был почти в 10 раз меньше аналогичного показателя для Российской Федерации и, при этом, в 45 (!) уступал ведущей экономике Евросоюза – германской. В 1995 году (на фоне углубляющегося экономического кризиса на всей территории бывшего СССР) данная пропорция составляла 9,6 и 63 (!). Логично, что в подобных геэкономических условиях внешнеэкономические (и в целом геостратегические) ориентиры России (её политических и хозяйственных элит) оказались почти целиком обращены на Европу, евроатлантические государства и структуры. В этом же направлении (отчасти ориентируясь на Турцию) оказались вынуждены выстраивать свои приоритеты и тюркские постсоветские государства (все они, в частности, с 1992 года обрели партнёрство в рамках «Саммита государств тюркских языков», с 1994 году стали участниками программы НАТО «Партнёрство во имя мира», а с 2009 года начали интегрироваться в «Тюркский совет»), шаг за шагом обретавшие, в итоге, фактическую многовекторность в своей внешней политике, хорошо иллюстрируемую «включённостью» в разнородные, зачастую альтернативные геополитические группировки и объединения (табл. 47).

Таблица 47

**Участие (+) постсоветских тюркских государств
в международных структурах и объединениях**

	Азербайджан	Казахстан	Киргизия	Туркменистан	Узбекистан
ОДКБ		+	+		
ЕврАзЭС		+	+		
ШОС	Партнёр по диалогу	+	+	Приглашение на саммиты	+

Окончание табл. 47

	Азербайджан	Казахстан	Киргизия	Туркменистан	Узбекистан
«Один пояс, один путь»	+	+	+		+
Тюркский совет	+	+	+	Потенциальный член	+
НАТО	Индивидуальный партнёрский план. «Партнёрство во имя мира»	Индивидуальный партнёрский план. «Партнёрство во имя мира»	«Партнёрство во имя мира»	«Партнёрство во имя мира»	«Партнёрство во имя мира»

Пришедшаяся на 1990-е (и начало 2000-х гг.) геополитическая и экономическая «немота» Российской Федерации и практическая утрата её властвующими элитами в тот период евразийских векторов и приоритетов – во многом оказалась фатальной: де-юре новые независимые тюркские государства стали таковыми де-факто; «рубикон» их дистанцирования от былой метрополии был перейдён, а позиции России, русской культуры как в странах Центральной Азии, так и в Азербайджане – стали стремительно утрачивать былую эксклюзивность.

В начале «нулевых» (болезненно пережив и в основном завершив «контртеррористическую операцию на Северном Кавказе») Российская Федерация, трезво оценивая перспективу военно-политической дестабилизации на своих протяжённых южных границах (озвученный в 1997 году концепт «Евразийских Балкан»¹, отчасти отражая реалии, чётко иллюстрировал вероятностный, в целом предпочтительный для глобальных акторов тренд), и вновь

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

осознав себя как «крупнейшая евразийская держава»¹, постепенно начала воспринимать Центрально-Азиатский регион (ставший, фактически, ареной столкновения интересов уже не только России, США, Евросоюза, Турции, но и Китая, а также Ирана²) и территории Прикаспия как значимую для себя геополитическую сферу. Причины подобной метаморфозы в российской внешней политике, как видится, несколько.

Во-первых, к началу 2000-х резко возросло значение обладания ресурсами энергоносителей (нефть и природный газ), а также возможностями (система газо- и нефтепроводов, а также специализированных морских портов) их транспортировки на внешние рынки. В фокусе геополитических интересов, соответственно, оказался не только Каспий, Азербайджан («пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии»³), но и центральноазиатские республики.

Во вторых, на рубеже «нулевых» годов державы коллективного Запада инициировали новый виток «передела мира», причём внешняя экспансия в огромной мере была обращена именно на евразийское пространство. В 1999 г. совершается т. н. «четвёртое расширение НАТО»; 2001 г. США начинают военную операцию в Афганистане, а в 2003 году – вторгаются в Ирак и инспирируют «революцию роз» в Грузии; в 2004 г. в состав Североатлантического альянса входят три постсоветских государства (страны Балтии) и, одновременно, происходит «оранжевая революция» на Украине. На всей Евразии (дезинтегрированной, экономически подчинённой и уже, казалось бы, своими ключевыми компонентами поставленной под контроль глобалистских,

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 28 июня 2000 года. [Электронное издание] <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (Дата доступа – 4.12.2018).

² Уткин А. И. Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 9–25.

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

евроатлантических сил) начал разворачиваться, фактически, новый (масштабный по своему ареалу) виток «Большой Игры». Россия (лишь частично сохранившая к тому периоду свою геополитическую субъектность и начавшая обретать финансово-экономический потенциал исключительно благодаря позитивным переменам на рынке энергоносителей, сам доступ на который во-многом контролировался Западом), уклоняясь от «фронтального» противостояния, была вынуждена проявлять активность на казалось бы второстепенных для неё направлениях, там, где «давление» Запада и степень его влияния в силу многих причин оставались не столь существенна, где российская социально-экономическая модель продолжала сохранять привлекательность. На постсоветском пространстве таким условиям соответствовала лишь Центральная Азия.

В третьих, на всей территории бывшего СССР политические и социально-экономические реалии (череда «газовых войн» России с Украиной и Белоруссией, свёртывание хозяйственных взаимосвязей между государствами СНГ, зримая «дерусификация» подавляющей части сопредельных с Российской Федерацией государств, включая собственно «отток» из них русского населения) стремительно разрушали любого рода иллюзии о вековечности общности советских народов и «содружества» новых независимых государств. Устойчивость предполагала активность; позитивные изменения – противостояние и реализацию целенаправленной геостратегии. На этом фоне сохранялось, культивировалось понимание ключевого, главенствующего позиционирования России на постсоветском пространстве¹. Как справедливо подмечали в тот период эксперты, «теперь Россия действительно готова предпринимать конкретные шаги для отстаивания своих интересов на пространствах бывшего Советского Союза, особенно в Центральной Азии»².

---

¹ *Radvanyi Jean*. La nouvelle Russie. Armand Colin. Paris. 2007. 4-ème édition.

² *Сафранчук И.* Конкуренция за безопасность в Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 6. С. 112–121.

Необходимой, желательной для России активизации реинтеграционных процессов между постсоветскими государствами (прежде всего в хозяйственной сфере, в контексте создания «Единого экономического пространства», «Таможенного союза» и далее – «Евразийского экономического союза») благоприятствовали глобальные экономические обстоятельства. На «волне» рыночной конъюнктуры социально-экономическая «притягательность» России для сопредельных государств ко второй половине «нулевых» годов существенно повысилась; стремясь обеспечить устойчивый выход на внешние рынки (а все постсоветские тюркские государства – внутриконтинентальны, зависимы от транзита, включая и российский), а также внутривосточную стабильность, элиты тюркских государств были практически обречены на углубление, восстановление (по многим аспектам, правда, непоследовательное, декларативное) сотрудничества со своим возрождающим свой экономический и военно-стратегический потенциал северным соседом. Тем более, что хозяйственные взаимозависимости выстраивались преимущественно спонтанно, зачастую носили «серый» и теневой характер, а основным их «скрепом» стал иницируемый социально-экономическими градиентами поток трудовых мигрантов в основные центры России.

Важно осознавать, что сложившийся между странами Центральной Азии и Российской Федерацией «миграционный коридор» является в последнее время одним из самых крупных и устойчивых в Евразии и мире; согласно оценкам¹, его возможностями регулярно пользуются от 2,7 до 4,2 млн человек, то есть, от 10 до 16% экономически активного населения всей Центральной Азии. Динамику и финансовый эффект от подобного рода «отходничества» из постсоветских тюркоязычных государств наглядно (хотя и не полномасштабно) за ряд последних лет отражает ведомая Центральным банком России статистика сальдо трансграничных переводов физических лиц (табл. 48).

---

¹ *Рязанцев С. В., Красинец Е. С.* Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2016. № 5. С. 5–14.

Таблица 48

Сальдо трансграничных переводов физических лиц между Россией и тюркоязычными постсоветскими государствами (+), млн долл. США*

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2018 г.
Узбекистан	- 5253	- 6100	- 4978	- 2548	- 2442	- 3685
Кыргызстан	- 1577	- 1694	- 1637	- 1061	- 1415	- 1983
Азербайджан	- 1003	- 1093	- 879	- 569	- 566	- 888
Туркменистан	- 3	+ 8	+ 44	+ 96	+ 46	+ 32
Казахстан	+ 647	+ 680	+ 810	+1082	+ 616	+ 696

* составлено по данным Центрального банка России; (+) приток в Россию, (-) отток средств из России.

Судя по данным ЦБ РФ, среди тюркских государств основным финансовым бенефициаром трудовой миграции в Россию выступают Узбекистан и Киргизия, в меньшей степени – Азербайджан (чьи граждане, вероятнее всего, перечисляют на домой не столько плату за труд, сколько часть предпринимательского дохода). Возможность эффективного трудоустройства (ведения бизнеса) в России (значимая для Узбекистана, Азербайджана и, особенно, Кыргызстана, где, в частности, поступления от «отходничества» эквивалентны 20 % от всего ВВП страны) оказалась лимитирована кризисом 2015–2016 гг. и динамикой валютных курсов. Тем не менее, к 2018 году объём финансовых трансферов вновь возрос (в Киргизии достигнув исторического максимума). Подобное восстановление столь значимого для диалога России и постсоветских тюркоязычных государств механизма хозяйственного (и социокультурного) сопряжения и коммуникации происходит на фоне всё более характерной диверсификации (и, отчасти, сокращения) потоков трудовой миграции, ориентированных уже не только на Российскую Федерацию, но и на монархии Персидского залива, Турецкую Республику, Республику Корея и др. «Российское направление» остаётся, тем не менее основным, равно как и в целом сохранится (в ситуации возрастающего роста производительности труда в сельском хозяйстве государств Центральной Азии и сопут-

ствующего ему аграрного перенаселения) значение трудовой миграции как важнейшего социально-экономического «амортизатора» и, одновременно, фактора реконструкции паневразийской целостности, механизма этнокультурных инноваций и трансформаций. Под влиянием миграций будут и далее прирастать диаспоры в крупнейших городских центрах России, обеспечивая не только необходимый для неё баланс на рынках труда, но и воспроизводя приоритетную составляющую межстрановой взаимозависимости в новом, неуклонно меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте, инициирующем изменение позиционирования в Евразии и самой России, и сопредельных с ней тюркоязычных государств, требующем реновации, реконструкции, наращивания между нами не только хозяйственных, но и социокультурных, а также военно-политических взаимосвязей.

Базовое, фундаментальное значение (для корректной оценки как современной ситуации, так и перспективы) имеют, прежде всего, этнодемографические тренды, постепенно (но поступательно, неотвратно) превращающие большую часть постсоветского пространства («Сердцевинную Евразию») в ареал уже не столько преобладающего расселения русских в сложной «мозаике» иных этносов и соответствующих этнокультурных систем (как это имело место на рубеже XIX–XX веков, а далее, претерпевая некоторую коррекцию, в целом сохранялось и в пространственном контуре Советского Союза), сколько в «рассекаемый» государственными границами и в существенной мере уже «выплеснувшийся» за бывшие рубежи СССР ареал «взаимонаслаивающегося» русско-тюркского расселения и взаимодействия.

Если ориентироваться на демографический прогноз ООН (а также на современные параметры этнической структуры), то к 2050 году на постсоветском пространстве удельный вес представителей тюркоязычных этносов в общей численности населения достигнет 32 % или более 93 млн чел. (т. е. за грядущие тридцать лет возрастёт на 7 процентных пунктов), а к 2075 г. – 34 %, далее оставаясь стабильным примерно на этом уровне. Ближайшие пять десятилетий, таким образом, будут ознаменованы устойчивым

смещением этнодемографической структуры в пользу «тюркской составляющей». При этом уже сейчас в пространстве «Большой Евразии» русский этнический компонент (суммарно – порядка 123 млн чел.) зримо уступает «россыпи» тюркоязычных этносов (не менее 160 млн); в перспективе данная пропорция (равно как и сопоставимый демографический «вес» России и её южных соседей) будет продолжать видоизменяться: если в 2018 году соотношение численности населения Российской Федерации и семи преимущественно тюркских по этнолингвистической структуре (либо с весомым «тюркским компонентом») государств её «южно-го подбрюшья» составляло 1 : 1,5, то по прогнозу ООН в 2050 г. – 1 : 2,02 (табл. 49).

Таблица 49

Изменение соотношения численности населения в России и некоторых сопредельных государствах Евразии (по прогнозу ООН; Россия = 100)

	2018 г.	2030 г.	2050 г.
Россия	100	100	100
Азербайджан	6,7	7,5	8,2
Афганистан	23,5	30,1	46,6
Казахстан	12,3	14,4	17,3
Киргизия	4,0	5,0	6,1
Туркмения	3,9	4,8	6,0
Турция	54,3	62,9	72,0
Узбекистан	21,5	26,1	46,6

За демографическими трендами неизменно следует изменение экономических пропорций. Показательна в этом отношении динамика ВВП (в постоянных ценах) за последние девять лет (с 2010 года): даже в условиях турбулентности на глобальном рынке энергоносителей Казахстан, Туркмения и Узбекистан полностью избежали любых проявлений рецессии; Россия на этом фоне продемонстрировала наиболее негативные (в сопоставлении с другими тюркскими постсоветскими государствами) темпы экономи-

ческой динамики; наивысший же рост ВВП оказался локализован именно в государствах Центральной Азии (табл. 50), обретающих, тем самым, свою не только природно-ресурсную, позиционную, транспортно-логистическую, геополитическую, но и (особенно с учётом долгосрочной перспективы) общую геоэкономическую значимость и привлекательность.

Таблица 50

Динамика ВВП (в постоянных ценах) в России и постсоветских тюркоязычных государствах к предшествующему году, %*

	Россия	Азербайджан	Казахстан	Киргизия	Туркмения	Узбекистан
2011 г.	104,3	100,1	107,5	105,7	114,7	108,3
2012 г.	103,4	102,2	105,0	99,1	111,1	108,2
2013 г.	101,3	105,8	106,0	110,5	110,2	108,0
2014 г.	100,6	102,8	104,3	103,6	110,3	108,1
2015 г.	96,3	101,1	101,2	103,5	106,0	108,0
2016 г.	99,8	96,2	101,1	103,8	106,2	107,8
2017 г.	101,5	100,1	104,0	104,5	106,5	105,3
2018 г.	102,3	102,3	104,1	103,5	106,2	105,1
Динамика за 2010–2018 гг.	109,7	110,8	138,2	139,3	197,2	176,3

* составлено автором по данным Росстата.

Характерно, что если в 2010 году «разрыв» в ВВП между Россией и пятёркой постсоветских тюркских государств (в их сумме) являлся 9-кратным, то к 2018 году он сократился до 5-кратного. И государства Центральной Азии, и Азербайджан – с каждым годом становятся потенциально всё более «весомым», желанным, значимым внешнеэкономическим партнёром России. Пока, повторюсь, именно преимущественно потенциально, поскольку совокупный удельный вес тюркских постсоветских государств во внешнеэкономической активности России (включая и сферу внешней торговли – табл.) остаётся стабильно-невысоким (табл. 51).

Таблица 51

**Удельный вес тюркских постсоветских государств
во внешнеторговом обороте России, %***

	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Азербайджан	0,3	0,4	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
Казахстан	2,4	3,1	2,7	3,0	2,8	3,0	2,6
Киргизстан	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3
Туркменистан	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
Узбекистан	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6
Все пять государств	3,6	4,5	4,1	4,5	4,3	4,4	4,0

* составлено автором по данным Федеральной таможенной службы.

Тем не менее, в системе раскладов и интересов реальной экономики (всё заметнее являющей эффекты «деглобализации») наши южные соседи (демонстрируя опережающую, в целом превышающую среднемировые темпы, экономическую и демографическую динамику) предстают уже отнюдь не столь «бесполезными» (именно это слово использует В. Л. Иноземцев¹, пытаясь доказать заведомую экономическую бесперспективность для России развития сотрудничества со странами Центральной Азии) и подобные количественные и качественные метаморфозы чутко ощущает российский крупный бизнес, уже с середины 2000-х годов проявляющий всё более явный интерес к рынкам и ресурсному потенциалу государств Центральной Азии, а также к Азербайджану. Уже к 2013 году (по данным А. В. Кузнецова²) в пяти тюркских постсоветских государствах было накоплено почти 15 млрд долл. российских прямых инвестиций, что эквивалентно 36 % российских инвестиций в страны СНГ. В частности «ЛУКОЙЛ» вложил около 3 млрд долл. в Казахстане и порядка 2,5 млрд долл. в Узбекистане. Постепенно растут в этих странах и ПИИ «Газпрома», превысившие в каждой из

¹ *Иноземцев В. Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71–82.

² *Кузнецов А. В.* Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 58–69.

стран 0,3 млрд долл. Как подмечают эксперты, «официальные тезисы о «приоритете стран постсоветского пространства» (в том числе и Центральной Азии) долгое время оставались преимущественно декларативными. Сейчас, однако, можно уверенно говорить, что оформленный курс появился – проект Евразийской экономической интеграции, воплощенный в Таможенном союзе, Евразийском экономическом союзе и Едином экономическом пространстве. И роль стран Центральной Азии в нем чрезвычайно высока»¹.

Не только геостратегическое положение, но и демографо-экономический рост в тюркских государствах объективно превращает последние в один из узловых элементов всей «Большой Евразии»; любые усилия (в том числе и со стороны Российской Федерации) выстроить и реализовать евразийскую стратегию вне учёта и за действия «тюркского фактора», вне фокусировки внимания на пятёрке постсоветских тюркских государств – окажутся недостаточными и заведомо неэффективными.

Обозначившийся в последние полтора десятилетия процесс «освоения» крупнейшими бизнес-структурами России её южного «подбрюшья» сочетался с масштабным (зримо проявившемся с конца «нулевых» годов XXI столетия) изменением геоэкономических пропорций на всём евразийском пространстве, когда новым лидером, рыночным аттрактором, инвестором и, наряду с этим, центром принятия крупных территориально-хозяйственных решений стал стремительно становиться Китай. Так, китайский гигант «СNPC» вложил в нефте- и газодобычу Казахстана более 12 млрд долл., а еще почти 8 млрд долл. он направил на строительство магистральных трубопроводов для поставок центральноазиатских ресурсов в «Срединное государство». Кроме того, 1,4 млрд долл. составили инвестиции в добычу углеводородов в Казахстане со стороны «Sinorec», еще примерно по 0,95 млрд долл. – со стороны «CITIC» и «China Investment Corp.», а 0,7 млрд долл. – не-

---

¹ Сафанчук И. Глобализация в головах // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 120–126.

скольких более мелких компаний¹. Тюркоязычные государства оказались в «поле» стабильно нарастающего экономического тяготения Китайской Народной Республики, а само взаимодействие стран Центральной Азии с Россией уже с рубежа 2013–2014 годов объективно оказалось частью сложных, многогранных отношений в системах «Россия – Китай» и «Китай – Запад (США)».

В целом соглашаясь с тезисом, что «продвижение КНР на запад является для России и вызовом и шансом»², замечу, что современный потенциал влияния КНР в постсоветских тюркских государствах неверно как недооценивать, так и преувеличивать. Показательна в этом отношении сложившаяся (и в целом в последние годы демонстрирующая свою устойчивость) структура внешнеторговых связей постсоветских тюркских государств. Для всех из них (кроме Туркмении, сфокусированной на партнёрство с Китаем), судя по статистике Международной торговой организации за 2018 год, роль сопредельных резонансных «центров силы» (включая не только Китай, Россию, но и Турцию, а также Иран) в экспорте товаров – сравнительно невелика (табл. 52): 13 % – для Азербайджана; 21 % – для Казахстана; 29 % для Киргизии. Лишь в Узбекистане на четвёрку сопредельных «евразийских лидеров» приходится 44 % всего объёма национального экспорта (в 2015 г. – немногим менее 42 %).

Для подавляющей части постсоветских тюркоязычных государств приоритетные рынки сбыта, таким образом, – преимущественно внерегиональны. Так, к примеру, Казахстан до 84% своего нефтяного экспорта отправляет в Европу и на мировой рынок, транспортируя «чёрное золото» через территорию России, и только 16% идет по недавно построенному трубопроводу в Китай³. У Азербайджана 30 % экспорта ориентировано на Италию (что, кстати, на порядок превосходит стоимость товарного потока в Россию). Гео-

¹ Кузнецов А. В. Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 58–69.

² Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на запад» и «Новый шёлковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 5–15.

³ Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71–82.

Таблица 52

**Удельный вес сопредельных «центров силы»
в совокупном экспорте тюркских постсоветских государств, %***

	2015 год				2018 год			
	Россию	Турцию	Китай	Иран	Россию	Турцию	Китай	Иран
Азербайджан	3,6	3,7	0,3	1,2	3,0	9,0	1,0	0,0
Казахстан	5,4	1,5	6,4	0,6	8,0	2,0	10,0	1,0
Киргизия	9,5	5,1	2,1	0,1	19,0	6,0	3,0	1,0
Туркменистан	0,7	5,6	78,8	0,0	1,0	2,0	77,0	0,0
Узбекистан	9,4	11,6	20,7	0,0	15,0	8,0	19,0	2,0

* составлено по данным Международной торговой организации <https://www.trademap.org>.

графическая структура экспорта сама по себе предопределяет приоритет «многовекторной» геополитики постсоветских тюркских государств, их неизменное стремление сбалансировать влияние внешних сил. Одновременно многократно возрастает геоэкономическая ценность военно-политической стабильности в собственном и сопредельных регионах, диверсифицированность (и устойчивость, безопасность, экономическая приемлемость) транспортно-логистических маршрутов; в этом контексте значимость России и взаимодействия с нашей страной вновь начинает возрастать. Симптоматично, что весной 2014 при голосовании в Генеральной ассамблее ООН резолюции по Крыму (по-сути – антироссийской) лишь Азербайджан высказался «за», Казахстан и Узбекистан поддержались, а Киргизия и Туркменистан – не участвовали в голосовании. Проявившаяся после 2014 года турбулентность на сырьевых и валютных рынках также способствует активизации партнёрства в вопросах регулирования ситуации в сфере производства и реализации энергоносителей, благоприятствуя выстраиванию более тесного альянса тюркоязычных постсоветских государств с нашей страной. Достигнутый военно-политический успех в Сирийской Республике не только повысил конкурентоспособность Российской Федерации на рынке вооружений (из тюркских государств расходы

на оборону наиболее существенны в Азербайджане), но и продемонстрировал её реальную способность выступать гарантом геостратегической стабильности в Центральной Азии и Прикаспии.

Впрочем, одновременно усиливает своё действия и «фактор Китая», активно развивающего и реконструирующего транспортно-инфраструктурный каркас на своём западном порубежье (в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь») и уже приступившего к выстраиванию в государствах Центральной Азии собственных компонент военно-силовой структуры. Вряд ли на этом фоне стоит ожидать какого-либо сокращения активности в макрорегионе других крупных региональных акторов (Турции, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии), равно как и США, ЕС, организуемых и контролируемых ими структур (от гуманитарных до откровенно террористических). Тюркские постсоветские государства объективно выступают ныне не только фактическим «островком» многополярного бытия, но и приоритетным ареалом взаимопересечения (конфликта) интересов современных «центров силы», своего рода фокусом, индикатором меняющегося геостратегического баланса в Евразии.

Что же касается России и Китая, то их взаимный весьма существенный интерес к потребительским и инвестиционным рынкам тюркоязычных постсоветских государств предельно выражен в сфере импорта (табл. 53).

Таблица 53

Удельный вес сопредельных «центров силы» в совокупном импорте тюркских постсоветских государств, %*

	2015 год				2018 год			
	Россию	Турцию	Китай	Иран	Россию	Турцию	Китай	Иран
Азербайджан	15,6	12,7	5,6	0,1	16,0	14,0	10,0	4,0
Казахстан	34,4	2,4	16,6	0,2	38,0	2,0	17,0	0,0
Киргизия	32,1	4,1	26,1	0,1	29,0	5,0	37,0	0,0
Туркменистан	14,8	32,7	14,4	0,0	10,0	17,0	11,0	14,0
Узбекистан	21,7	4,8	21,9	0,0	20,0	6,0	20,0	1,0

* составлено по данным Международной торговой организации <https://www.trademap.org>.

Позиции КНР здесь выглядят наиболее основательно (удельный вес «китайской составляющей» в импорте варьирует от 10 % в Азербайджане до 37 % в Киргизии), но, при этом, в целом сопоставимы с Российской Федерацией (роль КНР в обеспечении импорта значимее в Киргизии, где к тому же за последние годы Россия резко сократила своё рыночное присутствие; Российская Федерация превалирует в Казахстане и Азербайджане). В то же время, КНР и Россия по объёму своих импортных поставок в Туркменистан – уступают Турции и Ирану; Турецкая Республика является также второй (после России) страной-импортёром в Азербайджан.

Меняющееся позиционирование в макрорегионе России и Китая предельно наглядно иллюстрирует ситуация в Республике Узбекистан (наиболее важной и самой густонаселенной стране Центральной Азии¹, второй, после Турции державы мира по числу тюркоязычного населения, с динамичной диверсифицированной экономикой, обладающей, к тому же, как не без основания полагают², исключительными возможностями для формирования единого макрорегионального общественно-географического пространства, в обеспечении стабильного развития трансконтинентальных экономических коридоров и важнейших элементов систем региональной безопасности). За последние четыре года темпы роста экспорта из Узбекистана в Китай вдвое превосходили аналогичный показатель для России (табл. 54).

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.

² *Dadabaev, T.* (2019) Uzbekistan as Central Asian game changer? Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era. *Asian Journal of Comparative Politics*. 4 (2). С. 162–175; *Khaydarov, A. A. A., Mirkasymov A. S. M.* (2019) Uzbek Perspective on Eurasia. *India Quarterly*. 75 (1). С. 94–99; *Matveeva A.* EU Stakes in Central Asia. *Chaillot Paper* № 91. European Union Institute for Security Studies, Paris, 2006. 125 p.; *Салиев А. С., Файзуллаев М. А.* Социально-экономическое развитие Республики Узбекистан за годы Независимости // Социально-экономическая география: Вестник АРГО. 2013. № 2. С. 131–143; *Федорко В. Н., Эгамбердиев А., Курбанов Ш. Б., Ражабов Ф. Т.* Географическое общество Узбекистана. Т., 2019. 92 с.

Таблица 54

**Удельный вес России и Китая во внешней торговле
Республики Узбекистан в 2014 и 2018 годах**

	2014		2018	
	млн долл.	% от всего экспорта (импорта) Узбекистана	млн долл.	% от всего экспорта (импорта) Узбекистана
Экспорт в Россию	869	12	1063	13
Экспорт в КНР	1597	22	2324	28
Импорт из России	3113	23	3230	20
Импорт из КНР	2678	20	3942	24

* составлена автором по данным Международной торговой организации.

За этот же период объём импорта из России в Узбекистан вырос на 3 %, в то время как из Китая – на 45 %. Укрепление геоэкономических позиций Китая – процесс, впрочем, логичный и повсеместный (доля КНР во внешней торговле России за последние 10 лет увеличилась с 8 до 16 %). Если принять во внимание, что экономика КНР в 5,8 раза «весомее» (ВВП по ППС), чем российская, то можно вне всякого сомнения говорить о приоритетных, привилегированных хозяйственных отношениях России и Узбекистана. Констатируя это, замечу также, что взаимодействие, партнёрство России с Узбекистаном и другими сопредельными евразийскими государствами – это не рудимент общего прошлого, не бремя, а условие стабильного социально-экономического роста и важный фактор государственного суверенитета, причём сказанное применительно и непосредственно к самой Российской Федерации. Этот вывод основывается на чётком понимании неизбежности дальнейшего роста геоэкономических и геополитических возможностей Китайской Народной Республики, равно как и её вероятностного успеха в стратегическом «продвижении на запад». Сталкиваясь с дальнейшим поступательным усилением влияния «Срединного государства» (безальтернативным, поскольку, как подмечают

аналитики, потенциал экономического роста за счёт расширения внутреннего спроса в рамках ЕАЭС весьма ограничен¹), властные элиты государств Центральной Азии будут стремиться всячески укреплять свои иные внешнеэкономические и внешнеполитические альянсы, наращивая сотрудничество с Российской Федерацией (при определённых условиях) – в приоритетном порядке. Как справедливо подчёркивает казахский географ Шарипжан Надыров², Россия «хотела бы сохранить свое традиционное влияние в регионе за счет равноправного сотрудничества и добровольного восстановления политических и экономических связей на взаимовыгодной основе, для чего есть все основания».

Впрочем, и для самой России наличие долгосрочного и устойчивого альянса с КНР ныне является столь же важным, необходимым условием обеспечения собственной геостратегической субъектности и социально-экономической, политической стабильности, как для тюркоязычных постсоветских государств – выстраивание, сохранения «особых» (с акцентом на позитив!) отношений со своей бывшей метрополией, а ныне – северным соседом. Абсолютно прав, в этой связи, А. В. Кузнецов, подмечая, что начавшуюся (и, замечу, наиболее выраженную именно в центральноазиатском макрорегионе) конкуренцию России и Китая не следует абсолютизировать³. Декларируемое (и крайне актуализированное!) «сопряжение» российской и китайской евразийских интеграционных инициатив в ситуации Центральной Азии, равно как и Каспия – должно означать не только признание исторически сложившихся особых интересов России в этом макрорегионе, но и выстраивание стратегии (реализуемой системой институтов, во-

---

¹ Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах-членах Евразийского союза / Под ред. И. В. Пилипенко. СПб.: Научно-технологические исследования, 2019. 975 с.

² *Надыров Ш. М.* Теория и практика нового Экономического пояса Шёлкового пути // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017 (6). С. 64–73 (71).

³ *Кузнецов А. В.* Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 58–69.

площаемой в конкретных практиках, проектах) взаимоподдерживающего совместного китайско-российского позиционирования в экономическом и гуманитарном пространствах тюркоязычных постсоветских государств. Аналогичного рода системы совместных альянсов должны выстраиваться, впрочем, и между Россией и Турцией, а также Россией и Ираном.

Складывающийся ныне в Евразии геодемографический, геоэкономический и геополитический контекст, в итоге, в целом благоприятствует сближению России и постсоветских тюркских государств и это очень позитивное для нашей страны, её евразийского позиционирования обстоятельство. Важно, одновременно, осознавать пределы и барьеры подобного рода реинтеграционных процессов: восстановить некое «усечённое» подобие СССР по многим значимым моментам – уже столь же невозможно, сколь проблематично обеспечить «особые условия» присутствия Российской Федерации и её структур как в государствах Центральной Азии, так и в Азербайджане. Любого рода «сближение» России и тюркоязычных государств (равно как и пролонгация современного уровня взаимных хозяйственных и социально-гуманитарных контактов, кстати, абсолютно невозможны «по умолчанию». В этом отношении показательна российская статистика, беспристрастно иллюстрирующая снижение миграционной привлекательности нашей страны, в том числе и для жителей постсоветских тюркских государств. За 2013–2018 гг. общее сальдо миграции между ними и Российской Федерацией сократилось со 148 тыс. до 62 тыс. человек, т. е. в 2,4 раза (табл. 55).

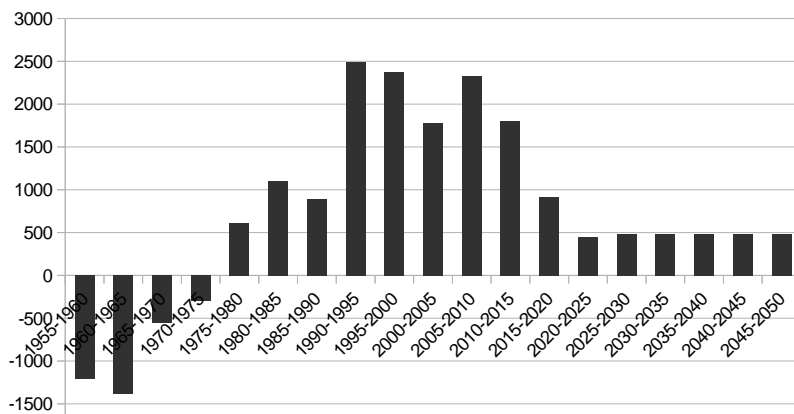
Наиболее масштабно и резко сократился, при этом, миграционный прирост за счёт выходцев из Узбекистана (где в последние годы показатели рождаемости держатся на уровне 23–24 ‰, смертности 5–6 ‰, а естественного прироста, соответственно 18 ‰) – практически в 4,5 раза. Несмотря на наметившийся тренд, тюркские государства, тем не менее, остаются важнейшим источником восполнения демографических потерь современной Российской Федерации, обеспечивая порядка половины всего миграционного прироста, согласно демографической статистике ООН сокращающегося, но имеющего пока неясную перспективу (рис. 4).

Таблица 55

Роль тюркских постсоветских государств в миграционном приросте в Российской Федерации*

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Весь миграционный прирост, чел.	295859	270036	245384	261948	211878	124854
В том числе в миграционном обмене с						
Азербайджаном	17241	12350	10660	10439	8599	8737
Казахстаном	40156	40638	34767	37130	32736	26516
Киргизией	19812	15255	9935	11043	19355	8978
Туркменистаном	3821	2598	2329	2418	2873	2951
Узбекистаном	67266	36733	20668	19672	22167	14822
Миграционный прирост по всем тюркским государствам, чел.	148296	107574	78359	80702	85690	62004
Удельный вес тюркских государств в миграционном приросте России, %	50,12	39,83	31,93	30,80	40,44	49,66

* составлено автором по данным Росстата.

Рис. 4. Миграционный прирост (убыль) населения Российской Федерации, тыс. чел.*

* согласно данным ООН.

Безусловным позитивом видится, в этой связи, существенное расширение в вузах России квот на приём абитуриентов из центрально-азиатских государств (из 181,5 тыс. иностранных студентов, въехавших в нашу страну в первой половине 2019 года – 59,3 тыс. из Казахстана и 14 тысяч – из Узбекистана¹), открывающее перспективу к сохранению, укреплению в регионе позиций России в лингвистической и технологической сферах.

Привлекая в вузы России перспективную тюркскую молодёжь, равно как и ориентируясь на сохранение (значимого для нашей страны) притока на территорию Российской Федерации мигрантов (в том числе в формате трудовой миграции), нам, гражданам Российской Федерации, крайне важно как можно скорее преодолеть зачастую ещё укоренённые в ментальности, в подсознании и проявляющиеся в стереотипных поведенческих реакциях представления о «южных» соседствующих государствах и их народах как в чём-то, якобы, уступающих «мировой», «европейской», российской культуре. Вряд-ли мы, россияне, сможем успешно реализовывать наши евразийские стратегии, выстраивать партнёрские долгосрочные интересы с тюркским миром, продолжая воспринимать выходцев из Узбекистана, Киргизии и других стран Центральной Азии. как исключительно разнорабочих, людей «с лопатой», «с тележкой», а граждан Азербайджана (где, в частности, несмотря на все постсоветские перемены, интеллигенция города Баку продолжает бережно культивировать русский язык) – лишь как торговцев на рынках. Признавая, воспринимая и позитивно оценивая в чём то иную (хотя, безусловно, близкую, понятную нам) культуру, традиции – очень важно обеспечить не только адаптацию нынешних и будущих мигрантов в российском обществе, но и распространить на них (и их потомков) возможности «социальных лифтов» (к сожалению всё ещё пока немногочисленных, «медленных» и недостаточно эффективных в том числе и для самих россиян).

---

¹ ФСБ впервые раскрыло данные о приезжающих на учёбу в Россию / РБК [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f> (Дата доступа – 24.11.2019).

Ориентируясь на долгосрочную евразийскую перспективу, нам необходимо также научиться воспринимать в качестве «соотечественников» не только лиц, относящих себя к русским, либо обладающих славянской внешностью, но и всех тех, для кого ценна, позитивна наша общая российская (советская) история, кто знает (и учит) русский язык, кто готов искренне и конструктивно взаимодействовать с россиянами, прилагать усилия для выстраивания и развития связей с Россией, действовать в том числе и в её интересах. Сама внешняя политика России, при этом, должна обрести чётко выраженный «тюркоориентированный» аспект (симптоматичен и крайне значим, в этой связи, озвученный министром иностранных дел РФ С. Лавровым посыл о готовности рассмотреть вопрос вступления нашей страны в «Тюркский совет»); приоритет, при этом, целесообразно, полагаю, отдавать не столько поддержке конкретных государств (их политических элит, режимов), сколько российских интересов (в том числе и присутствия) в этих государствах, продвижению совместных интеграционных проектов, всему тому, что не только генерирует социально-экономический позитив и сокращает риски военно-политической дестабилизации на наших южных рубежах, но и укрепляет Россию, усиливает её евразийские позиции.

4.3. Российско-турецкие отношения в меняющемся постсоветском евразийском контексте: особенности, факторы, перспективы

Из ныне существующих тюркоязычных государств, Турецкая Республика и демографически, и экономически, и в военно-политическом отношении, безусловно, – наиболее мощное, обладающее внушительными (в особой мере проявившимися в постсоветский период) геополитическими и геоэкономическими амбициями, имеющими чётко выраженный (ещё со времен Мустафы Кемаля Паши¹) евразийский вектор.

В продолжительной (вмещающей более пяти столетий) ретроспективе российско-турецкого взаимодействия последние три десятилетия – период особый, максимально насыщенный разномастными геоэкономическими и геополитическими событиями, характеризуемый трендовым «сближением» двух государств (испытывающих сложные внутренние метаморфозы, пребывающих в перманентном поиске достойного места в стремительно меняющемся мире) на фоне как аспектной, «пульсирующей» регионально сфокусированной активизации их бывшего соперничества в обширном евразийском ареале, так и попыток (в том числе реализованных, удачных) выстраивания форматов двухстороннего стратегического сотрудничества. Основным его мотивом, фундаментом и «скрепом» (как это многократно акцентировано и российскими²,

---

¹ *Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998. S. 125–126.*

² *Егоров В. К. Россия и Турция: конструктивная взаимозависимость // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 132–145; Дергачёв В. А. Многопартийная геополитика Турции // Вестник аналитики, 2010. № 3 [Электронное издание] <http://www.dergachev.ru/analit/191010.html> (Дата доступа –*

и турецкими¹ аналитиками) выступает, при этом, экономика, прагматичные хозяйственные, в первую очередь торговые интересы. Превалируя в геостратегическом диалоге России и Турции, проецируя на его векторы и тональность, «экономическая составляющая» взаимоотношений двух стран в свою очередь чутко реагирует не только на любого рода политическую турбулентность, но и в существенной мере зависит от глобальной конъюнктуры, от радикальной геоэкономической «перецетровки» современной Евразии.

Траектория взаимодействия России (СССР) и Турецкой Республики характеризуется многочисленными циклами «сближения-отдаления» двух стран на фоне их пролонгированного (уже целое столетие!) мирного сосуществования в рамках складывающихся в евразийском и глобальном масштабе балансов геополитических и геоэкономических сил.

К 1991 году турецкая экономика по своей «массе» (ВВП по официальному обменному курсу) более чем в пять раз уступала советской; аналогичным образом соотносилась между собой и численность населения двух стран. Распад СССР не только запустил механизмы пролонгированного «нивелирования» геостратегических позиций Российской Федерации и Турецкой Республики (если ориентироваться на современные тренды, выравнивание экономического и демографического потенциалов двух стран

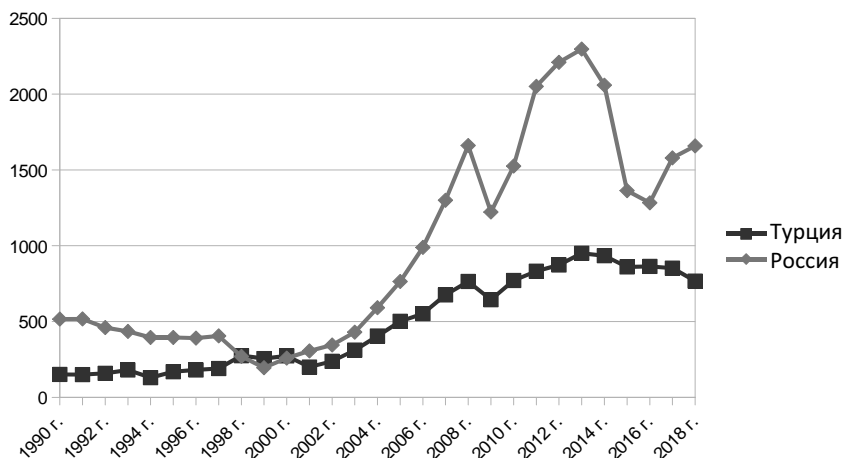

28.09.2015); *Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В.* Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. 218 с.; *Стегний П.* Вдвоём на хартленде // *Россия в глобальной политике.* 2015. Т. 13, № 1. С. 109–118; *Дружинин А. Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография / А. Г. Дружинин; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

¹ *Аккая М.* Российско-турецкие отношения в 2000–2006 гг. // *Власть.* 2008. № 11. С. 69–76; *Давутоглу А.* Внешняя политика Турции и России // *Россия в глобальной политике.* 2010. Т. 8, № 1. С. 60–70; *Туран И.* Турция на подъёме // *Россия в глобальной политике.* 2011. Т. 9. № 5. С. 124–138; *Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А.* Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // *Известия Русского географического общества.* 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.

вполне достижимо уже во второй половине XXI столетия), но и «открыл» для последней постсоветское пространство, позволив приступить к практическому выстраиванию евразийского вектора геоэкономики и геополитики.

Все 1990-е годы турецкая экономика по своему «объёму» (ВВП по официальному обменному курсу) приближалась к российской, превзойдя её в 1998-2000 годах (рис. 5).

Рис. 5. Динамика ВВП России и Турции за 1990–2018 годы (по официальному обменному курсу), млрд долл. США*

* рассчитано автором по данным Всемирного банка (<http://www5.worldbank.org/eca/russian/data/>).

Нарастивая потенциал своего геоэкономического влияния, Турецкая Республика активно выстраивала (частично, например в случае ОЧЭС – с участием России; но в большинстве ситуаций – вне партнёрства с нашей страной) форматы и инфраструктуру взаимодействия с новыми независимыми государствами, прежде всего «тюркскими», в период постсоветской трансформации резко проявившими своё экономическое отставание от Турции (если в 1990 г. соотношение ВВП этой страны и аналогичного суммарного показателя пяти «тюркских» республик СССР составляло 3 : 1, то в 2000 г. – 6 : 1) (табл. 56).

Таблица 56

**Соотношение ВВП (по официальному обменному курсу) Турции,
России и «тюркских» новых независимых государств
(ВВП Турции = 100)***

	1990 г.	2000 г.	2008 г.	2013 г.	2015 г.	2018 г.
Турция	100	100	100	100	100	100
Россия	345	96	217	235	159	216
Азербайджан	6	2	6	8	6	6
Казахстан	18	7	17	25	21	22
Киргизия	2	1	1	1	1	1
Туркмения	2	1	2	4	4	5
Узбекистан	9	5	4	6	8	7

* составлено автором по данным Всемирного банка (<http://www.worldbank.org/eca/russian/data/>).

Евразийская геоэкономическая и геополитическая активность Турции (выступавшей в уже исторически привычной ей роли «младшего партнера европейских держав без права решающего голоса»¹) в тот период, впрочем, в целом вписывалась в тренд вестернизации и практически не встречала активного противодействия экономически деградирующей и пребывающей в состоянии геополитического бессилия России, пытавшейся интегрироваться в формат «западоцентрированного» глобализирующегося мира. На этом малоконфликтном фоне «драйвером» двухсторонних экономических отношений первоначально стала «челночная торговля» (к середине 1990-х гг. «челноки» ежегодно закупали в Турции товаров на 3–4 млрд долларов², что было эквивалентно 6–8 % всего импорта Российской Федерации). В общей череде постсоветских лет данный период (*первый этап*) от-

¹ Дружиловский С. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 6. С. 48–61.

² Мельниченко Татьяна, Болонини Альберто, Заватта Роберто. Российский челночный бизнес. Общая характеристика и взаимосвязь с итальянским рынком. 1997. [Электронное издание] http://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129115#2_7 (Дата доступа – 25.07.2017).

ношений двух стран, отличаясь относительной стабильностью, оказался наиболее продолжительным (с 1991 по 1997 г.). Разразившиеся далее экономические кризисы (в России – 1998 г., а Турции – 2000 г.), в целом сопряжённые с ними политические изменения в двух странах (приход в 2000 г. к власти В. В. Путина и в 2002 г. – «Партии справедливости и развития» во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом), а также обусловленное вводом в эксплуатацию газопровода «Голубой поток» (проект реализован в 1997–2003 гг.) существенное наращивание возможностей сотрудничества в энергетической сфере (в последние годы – важнейшей для двух стран¹) видоизменили контекст российско-турецких отношений. Именно в 1998–2003 гг., впервые в современной российской истории, произошло изменение базовых (внешних и внутренних условий) взаимодействия с Турецкой Республикой, что позволяет идентифицировать трансформационный характер данного временного интервала, рассматривать его как *второй этап* в постсоветской эволюции российско-турецких отношений. Фоном для перемен во внешнеэкономической и иных сферах явился кризис «челночной» торговли, трендовый рост (наиболее масштабный – с 2004 г.) мировых цен на энергоносители (породившей пространство взаимодействия российского и турецкого крупного бизнеса), стабилизация военно-политического положения на российском Северном Кавказе, а также фактическая пробуксовка реализуемого Турцией евразийского интеграционного проекта («пантюркистского натиска на Восток»²).

Динамичный экономический рост 2002–2008 гг. (когда и турецкая, и, в особой мере, российская экономика год за годом укрепляли свои позиции в глобальном масштабе) стал фундаментом расширяющегося российско-турецкого внешнеторгового сотрудничества. Симптоматично, что за 2001–2008 гг. товарообмен двух

¹ Стегний П. Вдвоём на хартленде // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 109–118; Даутоглу А. Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8, № 1. С. 60–70.

² Дружиловский С. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 6. С. 48–61.

стран возрос в 9,5 раз (с 4 до 38 млрд. долл. США), а удельный вес России во внешнеторговом обороте Турции (по данным Турецкого института статистики) достиг рекордных за всю постсоветскую историю 11,4 %; доля Турецкой Республики во внешней торговле Российской Федерации составила 5,7 % (табл. 57).

Таблица 57

Внешнеторговый оборот России и Турции (в динамике)*

Годы	Внешнеторговый оборот России и Турции, млрд долл. США	Внешнеторговый оборот РФ всего, млрд долл. США	Внешнеторговый оборот Турции всего, млрд долл. США	Удельный вес Турции во внешнеторговом обороте России, %	Удельный вес России во внешнеторговом обороте Турции, %
2018	25	688	391	3,6	6,4
2017	22	587	390	3,7	5,6
2016	17	471	341	3,6	5,0
2015	24	530	351	4,5	6,8
2014	31	805	400	3,9	7,8
2013	32	867	404	3,7	8,0
2012	33	736	389	4,5	8,5
2011	30	845	389	3,6	7,7
2010	26	626	376	4,2	6,9
2009	23	469	243	4,9	9,5
2008	38	672	334	5,7	11,4
2007	28	552	277	5,1	10,1
2006	17	439	225	3,9	7,6
2005	13	340	190	3,8	6,8
2004	11	257	160	4,3	6,9
2003	7	191	73	3,7	9,6
2001	4	141	73	2,8	5,5

* Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики России и Министерства экономики Турции.

Поступательная взаимовыгодная динамика российско-турецкого взаимодействия, являвшая собой важнейший идентификационный признак (и сущностную характеристику) *третьего* (2004–2007 гг.), наиболее продуктивного и совокупностью обстоятельств за постсоветский период самого благоприятного для двух стран этапа их экономического взаимодействия, оказалась прервана глобальным финансовым кризисом 2008 г., «снизившим обороты» внешнеторгового сотрудничества (товарооборот России и Турции в 2009 г. составил лишь 60 % от уровня предыдущего года). Более чем вдвое сократилась и инвестиционная активность (к примеру, если в 2008 г. прямые инвестиции резидентов РФ в Турцию по данным Центробанка России составляли 272 млн долл., то в 2009 – 106 млн). Хронологический рубеж 2008–2009 гг. можно считать самостоятельным, *четвёртым* этапом постсоветской динамики российско-турецких отношений, прочем, не только из-за кризисных проявлений (даже в поступательной динамике российского выездного туризма в Турцию обозначился небольшой спад¹), но и вследствие радикально меняющегося в тот период евразийского и глобального геополитического контекста (табл. 58).

Пришедшееся на «нулевые» годы одновременное наращивание экономического потенциала и России, и Турции (создававшее предпосылки для межгосударственной интеграции в условиях взаимной комплиментарности двух стран общему формату реализуемого Западом глобалистского проекта) имело место в условиях последовательного смещения геоэкономического и геодемографического потенциала на восток, юг и юго-восток Евразии². Опережающими (в сопоставлении со среднемировыми) темпами прирастала (обретая внешнеторговую многовекторность, проявляя всё больший интерес к странам Закавказья, Ближнего Восто-

---

¹ Давутоглу А. Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8, № 1. С. 60–70.

² Дружинин А. Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО, 2017, № 6. С. 24–38.

Таблица 58

**Основные этапы эволюции взаимоотношений России и Турции
в постсоветский период***

Основная специфика этапа	Годы	Составляющие (факторы) этапа			
		Экономические позиции России и Турции	Экономическое взаимодействие двух стран	Внутренний политический контекст	Геополитика и геоидеология
Выстраивание отношений в постсоветской геополитической и геоэкономической реальности	1991	Ослабление геоэкономических позиций России и укрепление Турции (сохраняющей неустойчивость экономической ритмики)	«Челночная торговля» на основе активности малого и среднего бизнеса	Президентство Б. Н. Ельцина. Политическая доминанта сил кемалистской ориентации и военных	Пантюркизм Турции. Следование (Россией и Турцией) в русле организуемого Западом «глобального проекта»
	1992				
	1993				
	1994				
	1995				
	1996				
	1997				
	1998				
Обретение новых «драйверов» и форматов взаимодействия	1999	Опережающий (мировые темпы) одномоментный экономический рост в России (с 2000 г.) и Турции (с 2002 г.)	Динамичное развитие двухсторонних взаимодействий (с акцентом на энергетическую сферу)	Президентства В. В. Путина и Д. А. Медведева. Политическая доминанта «Партии справедливости и развития» во главе с Р. Т. Эрдоганом	Возникновение (как у России, так и Турции) дистанции в отношениях с Западом. «Евразийский вектор» интересов России. Неосоциализм и исламизм в геополитике Турции
	2000				
	2001				
	2002				
Развитие отношений в формате «глобального проекта»	2003	Экономический кризис	Частичный спад взаимных связей		
	2004				
	2005				
	2006				
Вступление в полосу турбулентности	2007	Восстановительная динамика (в Турции – до 2011 г.)	Посткризисное восстановление и стабилизация двухсторонних связей		
	2008				
	2009				
«Инерция развития отношений» и	2010				
	2011				
	2012				
	2013				

* составлено автором.

Окончание табл. 58

Основная специфика этапа	Годы	Составляющие (факторы) этапа			
		Экономические позиции России и Турции	Экономическое взаимодействие двух стран	Внутренний политический контекст	Геополитика и геоидеология
нарастание их кризиса	2014	Утрата позиций в мировой экономике (в России – резкая)	ронних экономических связей		
Острая геополитическая «размолвка»	2015		Резкий спад активности		
	2016				
«Постконфрантационное, дистанцированное, неустойчивое стратегическое партнёрство»	2017	Экономическая стабилизация в России и спад в Турции	Реализация новых инфраструктурных проектов, включая «Турецкий поток»		Противоречивое взаимодействие в Сирии
	2018				
	2019				

ка, Центральной Азии) и турецкая экономика. На этом фоне уже с 2007 года турецкие политики и стратеги стали воспринимать свою страну как региональную державу, способной влиять на мировую политику¹. Одновременно, в базовых установках турецкого государства происходила смена националистической ориентации на исламистскую²; во внешней же политике Турецкой Республики, при этом, проявился явственный неосманистский тренд (наиболее рельефно – с приходом во власть А. Давутоглу). С рубежа 2007–2008 г. обозначилось и противоречие (далее лишь нарастающее) во взаимоотношениях Запада и России, приступившей к

¹ Туран И. Турция на подъёме // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 5. С. 124–138.

² Надеин-Раевский В. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.

воссозданию собственной геоэкономической и геополитической конструкции¹.

Обретая всё более выраженную геополитическую субъектность (и, тем самым, множа свои противоречия с ЕС и США), чётче идентифицируя собственное «евразийское» позиционирование и интересы, и Российская Федерация, и Турция оказались в полосе размежевания новой (пока лишь формирующейся, латентной) глобальной биполюсности сил и это обстоятельство не только возродило межстрановые барьеры (как политические, так и ментальные), но и потребовало согласования позиций, учёта экономических и геополитических интересов каждой из держав. Новые геополитические и геоэкономические реалии (нарастание геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резкое обострение глобальной конкуренции и неизбежный в этих условиях переход к многополярности²), а также внутренние политические и социально-экономические процессы предопределили вступление (с 2008 г.) двух стран в *полосу пролонгированной турбулентности* в своих взаимоотношениях. В этих условиях взаимодействия России и Турции обрели ещё большую «многослойность», разновекторность, а периоды сколько-нибудь стабильного двухстороннего взаимодействия оказались не только более неявными, «размытыми», но и стали заметно короче.

Устойчивые экономические интересы, созданный институциональный и инфраструктурный фундамент взаимовыгодного сотрудничества и, что ещё существеннее – скорый выход как России, так и Турции из кризиса, тем не менее, и в новом евразийском контексте продолжали поддерживать сложившейся ранее тренд на российско-турецкое сближение, в полной мере присущий и *настоящему этапу* (2010–2014 гг.) отношений двух стран. Симптоматич-

¹ Druzhinin A., 2016, Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae, 35(3), 31–39.

² «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [Электронное издание] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (Дата доступа – 29.06.2017).

но, что именно в 2009 г. была подписана «Совместная Декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой», в 2010 г. создан «Совет сотрудничества высшего уровня», а в 2011–2012 гг. внешняя торговля двух стран вновь (вслед за ростом цен на энергоносители) обрела былую позитивную динамику. Нарастали, тем не менее, как торговые¹, так и геополитические взаимные противоречия. По инициативе Турции в 2008 г. создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, а в 2009 г. – Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет), объединивший под своей «крышей» все ранее имевшиеся тюркские организации. Свои «евразийские интересы» всё более уверенно начала отстаивать и Россия (с 2010 года стартовал Таможенный союз, всё более значимым для Российской Федерации стал и расклад геополитических сил на Балканах, в Сирии, Ираке).

Первым неявным симптомом нарастающего кризиса в двухсторонних отношениях стал перехват турецкими истребителями российского рейса, направляющегося в Сирию (октябрь 2012 г.). Последующие события (полуофициальная поддержка Турцией группировок, признанных Россией террористическими, воссоединение Крыма с Российской Федерацией, а также российская военная операция в Сирийской Арабской Республике) лишь наращивали потенциал конфронтации. Неучастие Турции в объявленных Западом экономических санкциях, а также перспектива взаимовыгодных внешнеэкономических взаимодействий поддерживали, тем не менее, двухсторонние отношения на достигнутом ранее уровне.

Резкий «разворот» ситуации в конце ноября 2015 г. (когда вблизи турецкой границы в небе над Сирией был сбит российский бомбардировщик) произошёл на непростом политико-экономическом фоне. По многим причинам удельный вес «русской со-

---

¹ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография / А. Г. Дружинин; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

ставляющей» во внешнеторговом обороте Турецкой Республики с 2012 года устойчиво сокращался (особо значим в этой связи тренд турецкого экспорта в Россию: в 2013 г. – 7 млрд долл.; 2014 – 5,9; 2015 – 3,6 млрд; 2016 – 1,5 млрд). Впервые (после спада 2002 г.) наметилось и болезненное для турецкого общества отставание страны от мировых темпов экономического роста. Формирование компенсирующей «социально-экономическую заминку» позитивной геополитической повестки оказалось усложнено (и омрачено) российской активностью на территориях, значимых (с точки зрения идеологом неосманизма) для Турецкой Республики (Причерноморье, Ближний Восток), чье бизнес-сообщество, к тому же, начало утрачивать практический интерес к России, её «сжимающемуся» в условиях экономического спада потребительскому и инвестиционному рынкам.

В русле кризисного тренда 2015–2016 гг. стоимостной показатель внешней торговли Российской Федерации «съёжился» в 1,6 раза, а ВВП в 1,63 раза; ощутимо снизилась инвестиционная активность (её объём в 2016 г. составил лишь 88 % от уровня 2013 г.). По величине генерируемой экономикой ВВП (по официальному обменному курсу) Россия оказалась отброшена к уровню 2007 года. Мультипликация конфликтогенных факторов и последующая серьёзнейшая за весь постсоветский период геополитическая «размолвка» стали основной сущностной характеристикой *шестого этапа* (с осени 2014 г.) в российско-турецких отношениях, исчерпавшего свою повестку к лету 2016 гг., когда и с турецкой, и с российской стороны были предприняты внятные шаги для столь необходимого (как по экономическим, так и политическим мотивам) восстановления межгосударственных двухсторонних отношений и, тем самым, ослабления резко проявившегося деструктивного влияния геополитического фактора на внешнеэкономическую сферу.

Современные отношения России и Турции – противоречивы, поливариантны своей перспективой. Складываясь под влиянием проявившейся с 2007–2008 гг. глобальной геоэкономической и геополитической турбулентности, они *постконфронтационны* и это

означает, что наряду с позитивными устремлениями и ожиданиями в них в существенно большей (чем десятилетием ранее) мере присутствуют различного рода проблемные моменты и риски, подкрепляемые реанимированными страхами, мифами, образами «врага». Возрождаемые с ориентацией на опыт постсоветских десятилетий и достигнутые параметры сотрудничества («образца» 2008 года, «пикового» в плане оборота взаимной торговли), эти отношения отличает ныне большая (чем в периоды, предшествующие ноябрю-декабрю 2015 г.) неопределённость. Весьма неустойчив их геополитический контекст (симптоматично, что в актуальной версии «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹ видение Турции совершенно не прояснено), а гуманитарный «скреп» (за исключением немногочисленных межнациональных браков, да спорадических контактов в туристско-рекреационной сфере) так до сих пор и не создан.

Предъявляя устойчивый спрос на российские энергоносители, а также зерно, подсолнечник и продукцию его переработки, некоторые другие товары, Турция остаётся для России желанной (и приоритетной) туристской дестинацией (согласно данным министерства культуры и туризма Турции, в 2018 году эту страну посетили 5,82 млн российских граждан, что на 28 % превышает показатель 2017 года²), поставщиком овощей и фруктов; внешнеторговый фундамент российско-турецкого стратегического взаимодействия, тем не менее, всё ещё недостаточен для существенного «сближения» двух держав. Несмотря на созданную инфраструктуру, наработанные бизнес-контакты и сложившиеся стереотипы потребительского поведения, Турция для России и Россия для Турции пока не являются первостепенными внешне-

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронное издание] http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата доступа – 30.06.2017).

² Сколько россиян в 2018 году посетило в Турцию? <http://www.vestiturkey.com/skolko-rossiyan-v-2018-godu-posetilo-v-turciyu-4716h.htm> (Дата доступа – 21.08.2019).

экономическими партнёрами. Если в 2008 г. согласно турецкой статистике российский импорт в Турецкую республику (31,4 млрд долл. США) почти вдвое превышал аналогичный показатель для Германии и Китая, то уже с 2015 г. (после коррекции нефтегазовых цен) Россия оказалась лишь третьим поставщиком товаров на турецкий рынок; на два-три года «выпала» Российская Федерация и из «топ-20 стран» импортёров турецкой продукции, хотя ранее уверенно занимала в нём четвёртую (после Германии, Италии и Франции) позицию. Наметившаяся летом 2016 года «разморозка» двухсторонних отношений частично видоизменила данный тренд. Турецкий экспорт в Россию, составлявший в «провальном» 2016 году 1,7 млрд долл. США (в максимально «оптимистичном» 2013 году он достигал почти 7 млрд), в 2017 г. вырос до 2,7 млрд, а в 2018 г. – до 3,4 млрд долл. США (в рейтинге государств-получателей турецкого экспорта Российская Федерация, в итоге, оказалась на 12 месте, в то время как в 2013 году занимала 4-ю позицию). В 2018 году Россия вернула себе и статус лидирующего поставщика товаров на турецкий рынок (в 2015–2017 гг. в этом качестве выступал Китай).

Волатильность нефтяных котировок и, как следствие, эпизодическое «обмеление» потоков природно-ресурсной ренты, подпитывающей российско-турецкие хозяйственные контакты – лишь одна из причин наблюдаемой во внешнеэкономической сфере ситуации. Иной, пожалуй, более фундаментальный фактор – продолжающееся видоизменение центрo-периферийной архитектуры хозяйственных взаимозависимостей в Евразии (в первую очередь – в пользу Китая), когда и Россия, и Турция постепенно, но неуклонно вынуждены пересматривать свои геостратегические ориентиры. Характерно, при этом, что для Турции геоэкономический «китаецентризм» существенно менее выражен, чем для России: если в 2010 г. на КНР приходилось 5 % всего внешнеторгового оборота Турции, то в 2018 – около 6 %. Реализация общеевразийского по масштабу инфраструктурно-логистического проекта «Один пояс и один путь» (на фоне общего изменения геоэкономической архитектуры Евразии), тем не менее, неизбежно

активизирует этот процесс (и «знаковые» политические события уже происходят; так в августе 2019 года руководство Турции озвучило стратегию – «Yeniden Asya / Азия заново», предусматривающую приоритетное расширение партнёрств с Китаем, Индией и иными государствами востока евразийского континента¹). Впрочем, перспектива включения и России, и Турции в сферу геэкономических интересов Китая, равно как и вероятностные возможности (отчасти гипотетические, отчасти реальные) сотрудничества в уже сложившихся крупных евразийских интеграционных форматах (например, ШОС) – не способна до конца купировать тренды, риски и угрозы социально-экономической периферизации; необходимо культивирование привилегированных локальных (в том числе и двухсторонних) экономических партнёрств, и у России и Турции здесь, важно подчеркнуть, имеются достаточно солидные заделы и перспективы.

Определённый потенциал воспроизводства демонстрируемого ранее уровня экономического партнёрства двух стран связан, прежде всего, с реализацией масштабного газотранспортного проекта «Турецкий поток». В 2018 г. «Газпром» (единственный российский поставщик природного газа в Турцию, занимающий около 50 % соответствующего рынка этой страны) поставил турецким потребителям 24 млрд м³ голубого топлива, что эквивалентно (с учётом действующих цен) порядка 6 млрд долл. США, или около четверти стоимостного объёма всего российского экспорта в Турцию. Состоявшийся в январе 2020 года ввод в эксплуатацию трансчерноморского «Турецкого потока» (суммарной мощностью 31,5 млрд м³ в год) создаст предпосылки для превращения Турецкой республики (в 2018 г. на неё пришлось 5 % объёма реализации «Газпрома» или 3,3 % всего добываемого в Российской Федерации природного газа) не только в важнейший для нашей страны (после Германии) зарубежный энергетический рынок, но и в плотно имплантированную в геэкономические интересы России транзитную державу.

---

¹ Haberler <https://www.haberturk.com/cavusoglu-yeniden-asya-acilimilani-ediyoruz-2510929>.

Состоится ли для России и Турции переход от уже привычной в энергетической сфере модели отношений «производитель – потребитель» (чей потенциал, кстати, уже практически исчерпан в связи со стремлением Турецкой Республики реализовывать и альтернативные проекты, включая TANAP, чьё сооружение завершено этим летом) к полномасштабному партнёрству по продвижению российского природного газа на рынки европейских стран – пока сказать сложно. Определённый оптимизм порождает сохраняющаяся заинтересованность ведущих стран ЕС в импорте российского природного газа (доля России на европейском рынке «голубого топлива» достигает уже более 40 %; за 2018 год экспорт газа из РФ европейским потребителям по данным АО «Газпром» вырос на 3,7 %); пессимизм – возрастающая глобальная конкуренция (прежде всего со стороны США), а также риски экономической рецессии в тех или иных государствах, включая и Турцию (за 2016–2018 гг. потребление российского газа в этой стране сократилось на 3 млрд м³ или на 12,5 %). Очевидно, при этом, что в условиях нарастающего бицентризма глобальной геополитической конструкции и, соответственно, сохраняющегося на перспективу в целом неблагоприятного фона во взаимоотношениях России и Запада (пока лишь 12 % всего экспорта «Газпрома» ориентировано на рынки стран, не входящих в структуры ЕС и НАТО и не являющиеся их фактическими сателлитами и союзниками) перспективы эффективного использования связующей Россию и Турцию газотранспортной инфраструктуры (и в целом российско-турецкого энергетического альянса) таят существенные риски. В случае дальнейшего углубления геостратегической «размолвки» России с государствами западного альянса (что весьма вероятно) – Турция может оказаться (в зависимости от её позиции и интересов) как необходимой, встроенной в экспортную логистику нашей страны «шлюзовой камерой», так и дополнительным барьером на пути продвижения стратегически значимого российского экспортного товара. При этом, и для России (в меньшей мере), и для Турецкой Республики (сохраняющей принадлежность к НАТО) – вопрос степени близости-дистанцированности от Запада продолжает оста-

ваться открытым, накладывая отпечаток на геоэкономику, настоящее и будущее российско-турецких торговых, инвестиционных, научно-технических и иных отношений, выступая, без преувеличения, одной из главных евразийских геополитических загадок и интриг XXI столетия.

Иной стабилизирующий, и, одновременно, порождающий риски в российско-турецких отношениях фактор – практическая зависимость всего юго-западного (черноморско-азовского) вектора внешнеторговой активности России от режима судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы, напрямую контролируемых Турцией. По мере развития транспортно-логистических комплексов в российской части Причерноморья (что предусмотрено, в частности, «Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года»¹) и наращивания пропускной возможности трансчерноморской газотранспортной системы – «турецкая детерминанта» экономики обретает всё более выраженные контуры не только для отдельных южнороссийских регионов (например, Ростовской области²), но и всей страны в целом. Если же учесть перспективу «многовекторности» энергетической (и не только) политики Турции, то геоэкономическая российско-турецкая взаимозависимость в средне- и долгосрочном временных горизонтах, в итоге, не только может возрасти (что, учитывая общеевразийские процессы видится позитивом), но и способна обрести более асимметричный (в пользу Турецкой Республики) формат. Фоном для этого явится дальнейшее трендовое выравнивание демографической (если в 1950 году соотношение численность населения в РСФСР превышала аналогичный показатель в 4,3 раза, то в настоящее время – лишь в 1,8 раза; к 2050 году данное соотношение

---

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р) ГАРАНТ.РУ [Электронное издание] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94460/#ixzz4lMjht0DM> (Дата доступа – 15.07.2017).

² Дружинин А. Г. Российско-турецкое взаимодействие в пространстве постсоветской Евразии: возможности, проблемы и перспективы для Юга России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 58–62.

согласно прогнозу ООН уменьшится до 1,4) и экономической «массы» двух стран. В русле данной мегатенденции уже в ближайшее десятилетие (ориентировочно – к 2030 году) примерный паритет обретут два важнейших геоэкономических центра «срединных» евразийских пространств – Московский регион (Москва + Московская область) и включающий Стамбульскую агломерацию турецкий столичный регион Мармара (концентрирующий 37 % ВРП Турецкой Республики¹). Характерно, что если десятилетие назад соотношение приходящегося на них ВРП (по ППС) по расчётам автора составляло 1,67 к 1,0 (в пользу российской метрополии)², то в настоящее время – 1,3 к 1,0. Неизбежное в этих условиях усиление «евразийской позиции» Турецкой Республики будет дополняться пролонгированным военно-стратегическим балансом (основывающимся на ядерном потенциале России и принадлежности Турции к НАТО), сводящим к «нулю» вероятность любого рода попыток полноформатного задействования «фактора силы» в двухсторонних отношениях и, тем самым, как бы «программируя» их на более конструктивные сценарии, опирающиеся на использование возможностей геостратегического соседства и частичной дополняемости экономик. Сохранится, впрочем, и взаимный конфликтотенциал, порождаемый спонтанно генерируемыми хозяйственными противоречиями, конъюнктурными внутривнутриполитическими соображениями, а также перспективой столкновения интересов двух держав в процессе практически неизбежного геополитического и геоэкономического «передела» евразийского пространства. Остроту противодействия России и Турции по всему обширному контуру их пересекающихся геополитических интересов, тем не менее, вряд ли стоит преувеличивать, тем более, что мотивированные (исторически, этнолингвистически и иным образом) претензии двух стран на особую роль в тех или иных

¹ La Turquie au Carrefour de enjeux stratégiques et varia. Revue tirs monde. 2008. № 194. P. 288.

² Дружинин А. Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.

регионах явно и латентно, оспариваются (часто – успешно) «третьими силами». Обострить российско-турецкое соперничество (используя его в своих интересах, при этом, стремятся не только ведущие глобальные и региональные акторы, но и некоторые малые государства Балкан, Закавказья, Ближнего Востока, а также отдельные землячества, диаспоры и этнические группы, локализованные как на территории как Турции, так и России. Опираясь на выстроенные (и формируемые) экономические «скрепы», российско-турецкий геостратегический диалог должен, в этой связи, заключать в себе возможность конструирования каждой из двух сторон собственного («взаимопересекающегося» со сферой интересов страны-партнёра) ареала геополитического и геоэкономического евразийского доминирования на малоконфликтной основе, используя практику необходимых компромиссов, с учётом взаимных интересов и договорённостей.

Ещё почти 140 лет назад видный крымско-татарский мыслитель, один из основоположников идеологии пантюркизма И. Гаспринский, характеризуя превалирующие контакты представителей тюркских народов и русских, подмечал, что «все отношения начинаются и кончаются на «купи – продай», давай – бери, и затем один идет направо, другой – налево»¹. Ныне, в контексте всё более явной деглобализации², роста протекционизма и (зачастую) создаваемых «по случаю»³ геополитических и геоэкономических коалиций, в ситуации, когда практические пределы российско-турецкого внешнеэкономического сотрудничества (при современном социально-экономическом положении обеих стран) в значительной мере достигнуты, развитие российско-турецких отношений, их позитивная, отвечающая интересам **народов** России и Турции перспектива, как видится, связана с существенным пересмотром

¹ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. С. 54.

² *Лосев А.* Неомеркантилизм, неомодернизм или неоимпериализм? // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 75–84.

³ *Силаев Н., Сущенко А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 34–39.

(и расширением) двухсторонней повестки в пользу **общегуманитарной, научно-образовательной** составляющих, позволяющих подкрепить выстраиваемые взаимовыгодные хозяйственные контакты столь необходимым ростом комплементарности национальных культур, чёткой фиксацией в массовом сознании как турецких граждан, так и россиян своей общности (выстраданной многовековой историей и предопределяемой географическим «соседством»), позитива углубления столь необходимого (в условиях нарастающей геоэкономической и геополитической турбулентности) взаимоподдерживающего многоаспектного стратегического сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамика планетарного социума, его многоликость, спонтанно складывающиеся пространственные форматы (включая «палитру» геополитических и культурно-территориальных образований) – это, в том числе, и «наложение концептуальных структур..., мир... соприкасающихся, взаимодействующих гецивилизационных мифов и образов»¹. В их зыбкой, практически бесконечной и очень изменчивой череде – видное, всё более значимое место ныне занимает геоконцепт «Евразия»: содержательно ёмкий, многомерный, междисциплинарный, опирающийся на почти вековую отечественную интеллектуальную традицию, обретший интернациональное, полилингвистическое звучание, полный внутренних противоречий, в чём-то мистический, объединяющий и, одновременно, дезинтегрирующий, задающий параметры и векторы, высвечивающий прошлое, прочерчивающий перспективу.

Укореняясь в пластах общественного сознания, обретая новые грани, претерпевая серьёзные содержательные метаморфозы², «евразийская идея» (т. е. совокупность представлений о «Евразии», её границах, специфике) в современной России – всё более востребована. Доминантные геоэкономические, геодемографические, геокультурные и геополитические тренды XXI столетия при этом таковы, что Российская Федерация и далее, с высокой степенью вероятности, станет не только в возрастающей мере воспринимать себя «евразийской» страной, но и фактически становиться (внеш-

---

¹ *Замятин Д. Н.* Геополитика образов и структурирование геопространства // Полис. 2001. № 3. С. 82–102.

² *Дружинин А. Г.* Геоконцепт «Евразия»: содержательные метаморфозы в меняющемся общественно-географическом контексте // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2019 (8). С. 24–44.

неторговыми и внешнеполитическими связями, этнокультурными и конфессиональными характеристиками, ментально и др.) таковой. Эти фундаментальные изменения повлекут за собой не только существенные подвижки в территориальной организации российского общества, но и будут сопровождаться трансформацией географической картины мира, коррекцией геоистории страны (казавшейся ещё ранее незыблемой); одновременно возрастет многовариантность национальной стратегической перспективы, причём, сами представления о ней станут всё более «размытыми» и дискуссионными.

Общественно-географические трансформации присущи, впрочем, не только России, но и всей Евразии; положение (роль, «вес») нашей страны в евразийских структурах и процессах – несомненно окажется нестатичным. Уже сейчас (учитывая реалии постсоветского тридцатилетия) можно идентифицировать ряд существенных для Российской Федерации «сдвигов» (как уже практически имеющих место, так и прогнозируемых) в её позиционировании в масштабе евразийского материка:

- трансформацию «евразийского пространства» от былой модели «Евразия = Россия» к более широкой многополюсной структуре, в которой Россия – лишь значимая составная часть;
- переход от многовекового преимущественного освоения Россией Евразии к выстраиванию многообразных (по векторам, форматам, эффектам) связей и взаимозависимостей между собственно Россией и иными, также евразийскими государствами;
- постепенный отход России от присущей ей в течение трёх столетий «вестернизированнойности» к выстраиванию многовекторной геостратегии, включая и так называемый «разворот» на Восток;
- рост «морезависимости» российских территорий (включая и её внутриконтинентальные пространства) и, соответственно, «мореориентированности» страны, её хозяйственной, селитебной и инфраструктурной подсистем; повышение «веса» в территориальной организации российского общества при-

морских зон, порубежных территорий, трансграничных и акваториально-территориальных структур (Арктической зоны, Тихоокеанской России и др.);

- совершаемый ныне переход от превалирования русско-славянского компонента в сердцевинных областях Евразии к русско-тюркскому паритету, что уже спустя всего одно поколение (к рубежу 2050 года) существенно повысит значимость «тюркской составляющей» во внутренней и внешней политике Российской Федерации.

Евразийские трансформации (в их проекции на российское пространство) сочетаются, коррелируют и с противоречивыми, сложными глобальными трендами.

Столь широко выраженные в современном мире полимасштабные интеграционные процессы и растущая взаимозависимость стран и регионов планеты (в том числе и в контурах Евразии, «евразийского пространства») – дополняются ныне последовательной, неумолимо устойчивой дезагрегацией, распадом ещё сравнительно недавно казавшихся мощными (и вечными!) «империй», «миров» и «мирков», ростом всё большего и большего числа «суверенных» (а де-факто – полузависимых и зависимых) государств и квазигосударственных территориальных структур. На фоне всё чётче просматриваемого, нарастающего политико-территориального, природно-хозяйственного и геосоциокультурного многообразия – всё рельефнее просматривается культурно-технологическая и ценностно-поведенческая унификация. Она дополняется, поддерживается и культивируется сетевой структурой общепланетарных центров принятия решений и генерирования многоаспектных инноваций (предтечи, прообраза, фундамента в грядущем будущем, вероятно, безальтернативного планетарного единства Человечества), оформившихся в ужесточающейся конкурентной борьбе. Одновременно всё более зримо (в различных проекциях и форматах) проявляется социально-экономическая фрагментированность пространства и его социально-экономическая асимметрия, сопровождаемая территориальным изоляционизмом, ксенофобией, снобизмом, инвариантными проявлениями

различного рода регионализма и сепаратизма. Последние, кстати, дополняются, «подпитываются» утверждающимися в современном социуме культом индивидуализма и установкой на предельно пролонгированную качественную личностную (либо – узкогрупповую) жизненную траекторию. В прогрессирующем доминировании информационных технологий, «искусственного интеллекта», «больших баз данных» – резко нарастают эффекты не только «сжатия» пространства, но и социального (и социально-территориального) отчуждения от всего «чужого», непонятного, «далёкого», «малозначимого»; параллельно, усиливается пространствоорганизующая роль ментально-психологических обстоятельств. Географическая картина мира (обретая черты важнейшего фактора и грани общественно-географической реальности) в этих условиях являет собой непрерывно усложняющуюся (стремительно видоизменяющуюся, целенаправленно конструируемую, искажаемую) архисложную «мозаику» сопряжённых, конкурирующих, часто альтернативных представлений, образов, геоконцептов. Новые технологические реалии и поведенческие императивы (а их укоренение протекает, разумеется, с различной интенсивностью «от места к месту»), с одной стороны, – разрушающе воздействуют на ранее сложившиеся политико-территориальные и социокультурные структуры пространства, с другой – многократно повышают ценность, востребованность устойчивости общественно-территориальных систем, процессов, а также ментальных образов, в том числе и культивируемых в рамках уже плотно укоренённой в российском дискурсе «евразийской идеи».

Евразийские перспективы Российской Федерации ныне (пожалуй, как никогда ранее!) многовариантны и практически не поддаются сколько-нибудь однозначному, корректному прогнозу. Пойдёт ли наша страна по пути углубления стратегического партнёрства с Китаем (и насколько паритетными, приемлемыми для России и долгосрочными окажутся эти отношения), либо напротив, вновь усмиряя свои геостратегические амбиции и разрушая военно-стратегический потенциал, – она будет довольствоваться статусом второсортной европейской сырьевой периферии? Смо-

жет ли (испытывая всё возрастающее давление извне) обеспечить незыблемость своих рубежей, стабилизировать и сохранить «русский мир» за их пределами и, даже, – выстроить собственный (либо в равноправном партнёрском альянсе с другими евразийскими державами) эффективный и устойчивый интеграционный проект? Каким образом будут протекать созвучные евразийским трендам этнодемографические и этнокультурные изменения в самой России; с какой интенсивностью, последствиями затронут они те или иные её регионы? Сможет ли Россия, меняясь, сохраниться; получится ли сохранить Россию без масштабных, кардинальных культурных и политико-экономических изменений? Современный геоэкономический и геополитический контекст, ввергая Россию в состояние стратегической неопределённости и продуцируя риски, оставляет для нашей страны весьма широкий «коридор возможностей». Все они так или иначе связаны с геоконцептом «Евразия», с воплощённым в нём императивом многовекторного развития (а на этой основе – возможности самосохранения, воспроизводства этнокультурных и хозяйственных комплексов, политических систем и юрисдикций), равноудалённости от старых и новых доминирующих «центров силы» («ни Запад – ни Восток, ни Европа – ни Азия») и, соответственно, обеспечения государственного суверенитета в расширяющемся ареале мирохозяйственного «предела» и сопутствующих ему геокультурных трансформаций.

Для современной России феномен «Евразии» остаётся архиважным ещё и потому, что оконтуриваемая данным геоконцептом реальность – это и геоисторические «фундаменты» нашей страны, и важнейшее пространство её «жизнедеятельности», и система столь приоритетных в современном мире устойчивых (основывающихся на факторах соседства и традиции) хозяйственных и культурных взаимодействий. Постулаты «евразийства», опора на них в политике – создают столь необходимую ныне интеллектуальную платформу для противодействия изоляции, маргинализации страны и, соответственно, гипотетически вероятностной (при совокупности преимущественно внутренних обстоятельств) дезинтеграции. Они же – формируют идеологический контур для

противодействия (явного и латентного) чрезмерному влиянию на евразийские государства внешних («неевразийских») юрисдикций, структур, сил.

Очерчивая и высвечивая межстрановой (фактически обще-континентальный) горизонт видения и решения ресурсно-экологических, военно-политических, экономико-демографических и иных предельно актуализированных в контексте XXI столетия извечных проблем Человечества, идея «Евразии» (что крайне ценно для общественно-географической науки, комплементарно её предмету и методологии!) – не только «подпитывается» пространством, исходит из его специфики, но и напрямую сфокусирована на конкретном территориальном феномене: его структуре, динамике, факторах и векторах развития. Важнейшей же, имманентной составляющей Евразии выступает, при этом, сама Российская Федерация. И именно «евразийская оптика» концептуального анализа и стратегического целеполагания позволяет полновесно отразить, акцентировать специфику её обширнейшего и разнородного пространства, его приоритеты, то есть обеспечение целостности и обустройства (с акцентом на природосбережение, народосбережение, градосбережение и сохранение селитебной сети как узлового элемента российского культурного ландшафта и национального историко-культурного наследия).

Именно качественные аспекты бытия российского общества и его территориальной организации выходят в настоящее время на первый план, обретают базовое, системоформирующее значение, в том числе и для реализации евразийских стратегий Российской Федерации, выстраивании ею предпочтительных (усиливающих позиции страны) интеграционных форматов и партнёрств. И именно «вещественно-невещественные», «чувственно-сверхчувственные», нематериальные факторы предопределяют ныне наблюдаемое (во-многом – фатальное, роковое) «топтанье» нашей страны на месте (по-существу, её продолжающееся отставание и от ведущих «центров силы» Евразии, и от общемировых трендов) в столь значимых социально-экономической и демографической сферах. Суть проблемы видится, в этой связи, не только (и не

столько!) в собственно стагнации российской экономики, сколько в её сверхвысокой степени зависимости от экзогенных рынков, технологий, финансовых и правовых институтов. Усугубляет ситуацию и сложившаяся в постсоветский период система «обмена и распределения», в свою очередь резко ограничивающая внутренних потребительский и инвестиционный спрос и, соответственно, в ещё большей мере закрепляющая зависимый геоэкономический статус страны и, одновременно, лимитирующая рост её населения.

Впрочем, сам демографический спад (характерный для страны в период 1996–2009 гг. и вновь наметившийся с 2019 г.) – лишь отражение, следствие серьёзнейших социокультурных и экономических проблем современной России, ставящих под сомнение реалистичность её евразийских амбиций. Вопрос даже не столько собственно в демографии. В годы Великой Отечественной войны СССР потерял почти 20 % своего населения, но, при этом, никто в послевоенном мире не усомнился в статусе нашей страны как сверхдержавы. Современная же депопуляция в масштабе всей России, кстати, не столь существенна, поскольку за 1991–2019 гг. число её жителей (если не учитывать демографический потенциал Крыма) сократилось лишь на 2,5 %. Проблема, следовательно, не в ней – а в культурной (часто – негативной) трансформации, захватившей широкие слои населения, в его отчуждении и разобщённости, отсутствии единых осмысленных, интегрирующих российский социум идеалов, императивов, целей, в ментально-психологической неготовности к «принятию» и восприятию иноэтнической миграции, в латентном нежелании идти на какие-либо экономические и иные жертвы ради существенного приращения числа своих потенциальных (!) соотечественников.

Хотелось бы, в этой связи, подчеркнуть, что отношение человека (территориальной общности) к своему городу, региону, стране – суть проекции отношений человека к человеку; отчуждение «от России» (и соответствующие «россиебежные» поведенческие модели, начиная от миграции и вывоза капитала и вплоть до русофобии в идеологии и политике) – это в огромной мере не только гуманитарная, но и социально-экономическая проблема,

базирующаяся как на глубинных (досоветских) исторических пластах культуры, так и современных политико-экономических фундаментах. Человек же ныне «отодвинут» на задний план; он не цель и уже, практически (на переходе от сырьевой экономики к её же «информационному» инварианту, когда потребность в «факторе труд» ещё меньше) – не средство. Знаменитое высказывание Н. Н. Баранского «Человека забыли» – ныне всё так же актуально! Не соревнование «пропагандистских машин», не успехи в военно-технологической области, а именно условия жизнедеятельности широких слоёв населения (инициирующие устойчивое чувство гордости за страну и себя, свою семью, корпорацию, город, регион – как её неотъемлемую «частичку») являются ныне всё более важными, приоритетными общественно-географическими «скрепами». Существенны они и в плане притягательности России для сопредельных (в том числе и постсоветских) государств, для сохранения (и наращивания) нашей страной статуса и функционала как одного из ведущих центров современной Евразии.

Важно, при этом, понимать, что сама «Евразия» (как общественно-географическая, геокультурная реальность, как специфическая территория и особый геоконцепт) в современном своём виде существует лишь покуда сохраняется Россия, пока наша страна способна генерировать и проводить самостоятельную политику, пока Российская Федерация являет сердцевину, «несущий конструкт» всего «Русского мира», пока она территориально целостна и выступает как многонациональное, поликультурное и поликонфессиональное образование, «притягательное» для других евразийских этносов и государств. Говоря о «Евразии», нам следует думать и помнить о России, чётко, при этом, осознавая её евразийскую специфику и сущность.

Крайне необходимо, также, чтобы «евразийская идея» на всех грядущих зигзагах нашего российского геоисторического процесса сохраняла свою внятность, адекватность, чтобы она не только апеллировала к исчезающему былому, но и прочерчивала новые контуры, ориентировала на перспективу. Важно, чтобы векторы «евразийской интеграции», «евразийской геополитики» – не

подменяли (и не заслоняли собой) интересы глобального (в общепланетарном масштабе) позиционирования нашей страны и, одновременно, не «уводили» нас от решения острейших политико-экономических и социокультурных проблем развития самого российского общества.

Оперируя категорией «Евразия», апеллируя к идеологии и концептам «евразийства» (как к архиважным для настоящего и будущего России), необходимо учитывать и динамику евразийской реальности, осознавая, что ситуация в Евразии «образца 1921 года» (когда были опубликованы первые труды по «евразийству») – столь же существенно отличается от современной, сколь последняя будет непохожа на расклад евразийских факторов и сил в уже сравнительно недалёкой второй половине XXI столетия. «Евразийская идея» (чьё осмысление, развитие, популяризация, тиражирование видится актуальнейшей и одной из наиболее фундаментальных задач современной российской общественной географии) – не просто должна видоизменяться с учётом геоэкономических, геополитических и геокультурных процессов, но и выстраиваться «на опережение» в качестве «самосбывающегося пророчества», нацеленного на позитив, на Россию и её интересы.

Библиография

1. *Аверьянов В. (автор-составитель), Баранов С., Гапоненко А., Елисеев А., Кологорцев А., Стариков А.* Доктрина Русского мира. Доклад Изборскому клубу. [Электронное издание] <https://izborsk-club.ru/10269#a2> (Дата доступа – 4.12.2018).
2. *Агафонов Н. Т., Лавров С. Б., Хорев Б. С.* О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 6. С. 533–539.
3. *Аккая М.* Российско-турецкие отношения в 2000–2006 гг. // Власть. 2008. № 11. С. 69–76.
4. *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23.
5. Амурская область. Только факты. Благовещенск: изд. Деловое Приамурье, 2018. 160 с.
6. *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
7. *Артоболевский С. С., Бабурин В. Л., Бакланов П. Я., Касимов Н. С., Колосов В. А., Котляков В. М., Люри Д. И., Тишков А. А.* Стратегии пространственного развития Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 3. С. 8–17.
8. *Бабурин В. Л.* Совокупные издержки как базовая категория оценки хозяйственной деятельности в Арктике // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 18–25.
9. *Бабурин В. Л., Даньшин А. И., Елховская Л. И.* География российского порубежья: мы и наши соседи. М.: Просвещение, 2006. 303 с.
10. *Бакланов П. Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 8–19.
11. *Бакланов П. Я.* Морское пространственное планирование: теоретические аспекты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 76–85.

12. *Бакланов П. Я., Романов М. Т.* Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Восточной Евразии // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 194–227.
13. *Балацкий Е. В., Гусев А. Б.* Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 5–25.
14. *Безруков Л. А., Ишмуратов Б. М., Корытный Л. М., Савельева И. Л.* Политико-географические проблемы Сибири в начале XXI века // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 100–107.
15. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
16. *Безруков Л. А.* Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. С. 12–23.
17. *Безруков Л. А.* Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 79–80.
18. *Безруков Л. А.* Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
19. *Безруков Л. А.* Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 228–262.
20. *Бейдина Т. Е., Новикова А. В.* Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учётом внешних санкций // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология». 2017. Т. 16. С. 23–32.
21. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. Госиздат: Москва–Ленинград, 1930. 348 с.
22. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
23. *Бичурин Н. Я. (отец Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л.: изд. АН СССР, 1950. 333 с.

24. *Блаккисруд Х., Рове Э. У., Вакульчук Р.* Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений // Валдайские записки. № 92. Август, 2018. 11 с.
25. *Бляхер Л.* Фронтир будущего // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. <https://www.globalaffairs.ru/number/Frontir-buduschego-19738>.
26. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 704 с.
27. *Бордачёв Т.* Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. <https://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754>.
28. *Бордачёв Т.* Россия и Китай в Большой Евразии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки № 50. Июнь, 2016. 15 с.
29. *Бордачёв Т. В.* Что Россия может дать Азии? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 71–75.
30. *Бордачёв Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д.* Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018. Июнь. 36 с.
31. *Бочарников В. Н.* Геопространство «дикой природы» России // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. С. 165–174.
32. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Весь мир, 2007. 551 с.
33. *Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В.* Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 74–87.
34. *Бусыгина И. М.* Модель «центр-периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства // Политическая наука. 2011. № 4. С. 53–70.
35. *Вардомский Л. Б.* Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия или уроки русских революций // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 12. С. 33–50.

36. *Вардомский Л. Б.* Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 23–40.
37. *Вардомский Л. Б., Лобанов М. М., Пылин А. Г.* Вопросы регионализации белорусско-российско-украинского приграничья // *Регионализация внешнеэкономических связей России и соседних стран*. М., 2014. С. 148–159.
38. *Вардомский Л. Б.* Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // *Мир перемен*. 2019. № 2. С. 129–140.
39. *Вардомский Л. Б.* Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии // *Вопросы географии*. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 144–166.
40. *Вендина О. И.* Мигранты в российских городах // *Отечественные записки*. 2012. № 3(48). С. 216–229.
41. *Вишневский А. Г.* Время демографических перемен. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2015. 517 с.
42. *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 263 с.
43. *Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура* / Бордачев Т. В., Кашин В. Б., Куприянов А. В., Лукьянов Ф. А., Суслов Д. В. М.: МДК «Валдай», 2018. 36 с.
44. *Вперед к Великому океану – 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе* / под ред. С. А. Караганова, Т. В. Бордачева. М., 2018.
45. *Гаджиев К.* Большие трещины на «Великой шахматной доске» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 1, т. 61. С. 29–42.
46. *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. 170 с.
47. *Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза* / сост. П. М. Полян и А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. 896 с.
48. *Глазьев С.* КНР как новый глобальный лидер // *Доклад Изборскому клубу*. <https://izborsk-club.ru/7581> (Дата доступа – 9 ноября 2018 г.).

49. *Гленн Дизен.* Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки № 63. Март, 2017. 12 с.
50. *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
51. *Њато Р.* Геополитички процеси и отворена питања новонасталих држава на географском простору бивше Југославије. Зборник радова: Трећи конгрес српских географа. Бања Лука: ГДРС, СГД, ПМФ Бања Лука, ГФ Београд, 2011. С. 17–29.
52. *Горкина Т. И.* Геополитические проблемы Арктики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 6. С. 7–18.
53. *Горкина Т. И.* Океанический шельф как район нового освоения для мировой экономики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 3. С. 19–28.
54. *Горохов С. А.* Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. С. 107–116.
55. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М.: Государственный университет «Высшая школа экономики», 2000. 400 с.
56. *Гумилев Л. Н.* Хунну: Срединная Азия в древние времена / АН СССР. Ин-вост. лит.-ры. М., 1960. 292 с.
57. *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.
58. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
59. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
60. *Гумилев Л. Н.* В Горбачеве я вижу Августа // Союз. 1991. № 18. С. 5–12.
61. *Давутоглу А.* Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8, № 1. С. 60–70.
62. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
63. *Деланоэ И.* Сильные и слабые стороны российского ВМФ в период преобразований. Записка аналитического центра ОБСЕРВО, март 2018. 24 с.
64. *Денисенко М. Б., Степанова А. В.* Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.

65. *Дергачёв В. А.* Геоэкономика. Киев: ВИРА-Р, 2002. 341 с.
66. *Дергачёв В. А.* Морехозяйственный комплекс Азово-Черноморского региона СССР: экономико-географические аспекты // Южные моря СССР: географические проблемы исследования и освоения. Л.: Геогр. об-во СССР, 1989. С. 39–50.
67. *Дергачев В. А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное издание на CD + Интернет-гиперссылки) – Издательский проект профессора Дергачева, 2011.
68. *Дергачёв В. А.* Многопартнерская геополитика Турции // Вестник аналитики. 2010. № 3 [Электронное издание] <http://www.dergachev.ru/analit/191010.html> (Дата доступа – 28.09.2015).
69. *Дец И. А.* Освоение восточной России: история изучения и современные тенденции // География и природные ресурсы. 2015. № 1. С. 17–21.
70. *Джеффри Ф. Коллинз.* Арктика в период геополитических перемен: оценки и рекомендации // Валдайские записки № 75. Сентябрь, 2017. 15 с.
71. *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32–36.
72. *Добрански С.* Формирование Черноморского сообщества // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 177–181.
73. *Дружиловский С.* Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 6. С. 48–61.
74. *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.
75. *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
76. *Дружинин А. Г., Ионов А. Ч., Кетова Н. П.* АПК России: факторы, особенности и механизмы регионализации. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2004. 318 с.
77. *Дружинин А. Г.* Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.
78. *Дружинин А. Г.* «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002

- и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2(7). С. 3–15.
79. Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.
80. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
81. Дружинин А. Г. Российско-турецкое взаимодействие в пространстве постсоветской Евразии: возможности, проблемы и перспективы для Юга России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 58–62.
82. Дружинин А. Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте // Известия РАН. Серия Географическая. 2014. № 1. С. 19–27.
83. Дружинин А. Г. Полизаисимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.
84. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография / А. Г. Дружинин; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
85. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 6. С. 7–16.
86. Дружинин А. Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38.
87. Дружинин А. Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28–43.

88. Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 5–12.
89. Дружинин А. Г. Динамика численности населения городов Причерноморья в постсоветский период: геоэкономические и геополитические аспекты // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 61–69.
90. Дружинин А. Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.
91. Дружинин А. Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
92. Дружинин А. Г. О феномене «западное порубежье России» // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 35–44.
93. Дружинин А. Г. Западное порубежье России: делимитация, структурирование, типологизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. № 1. С. 5–16.
94. Дружинин А. Г. Трансформация пространства России в контексте формирования «Большой Евразии»: важнейшие факторы и векторы // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 110–143.
95. Дружинин А. Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 136–151.
96. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. Россия в Мировом океане: геополитические и геоэкономические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1–19.
97. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
98. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
99. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 4, т. 62. С. 5–24.
100. Егоров В. К. Россия и Турция: конструктивная взаимозависимость // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 132–145.

101. *Ефременко Д.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. <https://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478>.
102. *Жданов Ю. А.* Солнечное сплетение Евразии. Учебная лекция по регионоведению / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону, 1998. 40 с.
103. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семёнова. Т. 12. Восточные окраины России. Приморская и Амурская области. М., 1895. 493 с.
104. *Забияко А. П.* Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.
105. *Замятин Д. Н.* Геополитика образов и структурирование геопространства // Полис. 2001. № 3. С. 82–102.
106. *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.
107. *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8–21.
108. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времён Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.
109. *Зубаревич Н. В.* Рента столичного статуса. – Pro et Contra // Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6(57). Ноябрь–декабрь. С. 6–19.
110. *Зубаревич Н. В.* Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. 2015. № 147. С. 23–31.
111. *Зубаревич Н. В.* Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
112. *Зуенко И., Зубань С.* Трансконтинентальный транзит Азия–Европа // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 7, т. 60. С. 70–76.
113. *Иванов Г. И.* Картины России по географическим областям. Петроград, 1917. 115 с.
114. *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю.* Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул. Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

115. *Ильин И. А.* О России. Три речи. 1926–1933. София.: Изд. «За Россию», 1934. 78 с.
116. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.
117. *Иноземцев В. Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 71–82.
118. *Иноземцев В.* Возвращение «Больших стратегий» <http://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (Дата доступа – 9 ноября 2018 г.).
119. *Кабузан В. М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этн. и полит. границ рус. народа / В. Кабузан; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. 347 с.
120. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
121. *Каганский В. Л.* Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216.
122. *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
123. *Казанцев А. А.* Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 78–88.
124. *Каледин Н. В.* Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32–42.
125. *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
126. *Калуцков В. Н.* Культурно-географическое районирование России: геоконцептуальный подход // Псковский регионалистический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.
127. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии / под ред. Ш. М. Надырова. Алматы: Мир, 2014. 180 с.

128. *Караганов С., Макаров И.* Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] <http://svop.ru/main/14175/> (Дата доступа – 06.02.2015).
129. *Караганов С.* С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета. Федеральный выпуск № 7109(241). 24.10.2016.
130. *Караганов С.* Мир на вырост // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-na-vyugrost-19357> (Дата доступа – 22.03.2018).
131. *Караганов С. А.* Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.
132. *Караганов С. А.* Уход военного превосходства Запада и геэкономика // Polis. Political Studies. 2019. № 6. Р. 8–21.
133. *Кацусигэ Кобаяси.* Кто хозяин либерального мирового порядка? Трансформация Евразии и новая парадигма международных отношений // Валдайские записки № 77. Ноябрь, 2017. 10 с.
134. *Кашин В. Б., Дружинин А. И.* Безопасность в Большой Евразии: российская политика в сфере обороны и безопасности // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 76–89.
135. *Кефели И. Ф.* Геополитические риски и шансы в процессе становления «Большого евразийского партнёрства» // Геополитика и безопасность. 2017. № 2(38). С. 38–46.
136. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Семь слов о Русском мире. М.: ВРНС, 2015.
137. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (Аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 84 с.
138. *Клемешев А. П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 143–157.
139. *Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28.
140. *Клюев Н. Н.* Промышленное и транспортное освоение территории России в постсоветский период // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 5–14.

141. Колесниченко К. Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена. регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 116–125.
142. Колосов В. А., Вендина О. И., Бородулина Н. А., Середина Е. В., Фёдоров Д. Р., Климанов В. В. Создание новой предпринимательской среды в Москве: основные тенденции и противоречия // Известия АН. Серия географическая. 1998. № 5. С. 5–12.
143. Колосов В. А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 8–20.
144. Колосов В. А., Вендина О. И., Эккерт Д. Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований // Крупнейшие города и вызовы глобализации / под ред. В. А. Колосова и Д. Эккерта. М.–Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 5–16.
145. Кортунов А. В. Вернётся ли Россия в Европу? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 54–70.
146. Кортунов А. В. Воссоединение хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 344–356.
147. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.
148. Краткая географическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Григорьев. М.: Советская энциклопедия, 1961. 592 с.
149. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
150. Кузнецов А. В. Российские прямые инвестиции как фактор евразийской интеграции // Вопросы экономики. 2014. № 8. С. 58–69.
151. Кузнецова О. В. Москва как объект федеральной региональной политики // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. № 1. С. 606–621.
152. Кузнецова О. В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // МЭиМО. 2018. № 2. С. 47–56.
153. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.

154. *Ламанский В.* Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург, 1892. 132 с.
155. *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма / сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
156. *Ланно Г. М.* Развитие крупных городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 287 с.
157. *Ланно Г. М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
158. *Ларин А., Матвеев В.* Китайская стратегия «продвижения на запад» и «Новый шёлковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 5–15.
159. *Лачининский С. С., Семенова И. В.* Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб.: Издательство Лема, 2015. 191 с.
160. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 299–430.
161. *Ленин В. И.* Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. (октябрь 1917 – март 1918). М.: Изд-во политической литературы, 1977. С. 221–223.
162. *Лисоволик Я. Д.* Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 3. С. 46–54.
163. *Лисоволик Я. Д., Сутырин В. В.* География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям. М.: МДК «Валдай», 2017. 18 с.
164. *Лисоволик Я. Д., Сутырин В. В., Иванов К. С.* Актуальные аспекты наследия евразийцев для российского экономического развития // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 309–343.
165. *Лосев А.* Неомеркантилизм, неомодернизм или неоимпериализм? // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 75–84.
166. *Маергойз И. М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 236 с.
167. *Малов В. Ю.* Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой? // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в фор-

- мирующей Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 263–308.
168. *Мальшева Д.* Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 5. С. 101–108.
169. *Манаков А. Г.* Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1897 по 2010 годы // *Региональные исследования*. 2018. № 1. С. 57–71.
170. *Манаков А. Г.* Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX – начале XXI в. // *Географический вестник*. 2019. № 2(49). С. 13–24.
171. *Манаков А. Г.* Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
172. *Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А.* Московская агломерация и «Новая Москва». – Pro-contra // *Москва как физическое и социальное пространство*. 2012. № 6(57) ноябрь–декабрь. С. 19–32.
173. *Мегем М. Е.* «Русская Литва» в концепции Н. Г. Устрялова // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. № 12. С. 14–20.
174. *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой.* М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
175. *Межевич Н. М.* Пространство российского Северо-запада: некоторые аспекты эволюции геоэкономического положения // *Социально-экономическая география*. 2016. № 5. С. 93–109.
176. *Межевич Н. М.* Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, № 1. С. 26–47.
177. *Межевич Н. М., Шамахов В. А.* Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.
178. *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.
179. *Минакир П. А.* Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2002. № 2. С. 3–18.
180. *Минакир П. А.* Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 388 с.

181. *Минакир П. А.* В поисках пространственной гармонизации // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 7–15.
182. *Мироненко Н. С., Твердохлебов И. Т.* Рекреационная география. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 207 с.
183. *Мироненко Н. С.* Геополитическая концепция евразийства // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 53–65.
184. *Мироненко Н. С., Сорокин М. Ю.* Общественно-географические проблемы освоения Мирового океана // Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана. М., 2008. С. 87–95.
185. *Михайлов Ю. П.* Куда идти Сибири: взгляд географа // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 158–165.
186. *Морозов Ю. В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М., 2016. 178 с.
187. *Надеин-Раевский В.* Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
188. *Надыров Ш. М.* Теория и практика нового Экономического пояса Шёлкового пути // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 64–73.
189. *Назарбаев Н.* Семь граней Великой степи [Электронное издание] http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (Дата доступа – 22.11.2018).
190. Народонаселение стран мира. Справочник / под ред. Б. Ц. Урланиса. М.: Статистика, 1978. 527 с.
191. *Нефёдова Т.* Увидеть Россию // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 76–89.
192. *Нефёдова Т. Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 21–34.
193. *Никитченко А.* Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] <http://regnum.ru/news/economy/2087555.html> (Дата доступа – 2.03.2016).
194. *Носков В. В.* Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем. 2010. № 32.

195. Павленко В. И., Меламед И. И., Куценко С. Ю., Авдеев М. А. Формирование контура Арктической зоны Российской Федерации как субъекта управления // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 4. С. 5–11.
196. Парфенов А. Роль транспортных коммуникаций и портовых комплексов в развитии экономики России // Морские порты. 1997. № 2. С. 34–47.
197. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах - членах Евразийского союза / под ред. И. В. Пилипенко. СПб.: Научноёмкие технологии, 2019. 975 с.
198. Перцик Е. Н. География городов (геоурбанистика). М.: Высшая школа, 1991. 319 с.
199. Пилясов А. Н. Города-базы арктического фронта // Вопросы географии. Вып. 141. Проблемы регионального развития России. М.: издательский дом «Кодекс», 2016. С. 503–528.
200. Поляков В. Сырьевая ориентация российского экспорта // МЭ и МО. 2006. № 1. С. 78–86.
201. Потоцкая Т. И. Трансформация территориальной организации трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием геополитического фактора // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. С. 50–63.
202. Потоцкая Т. И. Геополитический аспект современного транспортногеографического положения России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 5–17.
203. Прибыткова И. М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. 2003. С. 17–31.
204. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации / под ред. А. Г. Дружинина: монография / Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета. М.: «ИНФРА-М», 2018. 216 с.
205. Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России : монография / под ред. проф. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019.
206. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

207. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. 336 с.
208. *Родоман Б. Б.* Страна перманентного колониализма // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы. М.: ИГРАН, 2008. С. 130–138.
209. *Родоман Б. Б.* Экологическая специализация – желательное будущее для большей части России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 140–147.
210. *Романенко А. А.* Морские порты, транспортный флот и судостроение России // Морехозяйственный комплекс России. Санкт-Петербург: РГО, 2005. С. 24–73.
211. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колодова. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с.
212. *Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И.* Трудовые иммиграции в России: динамика и возможные последствия // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1(123). С. 91–100.
213. *Рябцев В. Н.* Геополитическая мысль в России за последние 100 лет: 1914–2014 гг. (внутренние метаморфозы на фоне перипетий истории страны и мира). Вып. 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. 368 с.
214. *Рязанцев С. В., Красинец Е. С.* Современные тенденции и экономические эффекты трудовой миграции из Центральной Азии в Россию // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2016. № 5. С. 5–14.
215. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
216. *Савченко А. Б.* Территориальное развитие России как ведущего экспортёра на глобальных рынках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 2. С. 7–18.
217. *Савченко А. Б., Воробьев Е. А.* Этапы освоения геопространства и изменение стратегического выбора России в Евразии // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 167–193.
218. *Салиев А. С., Файзуллаев М. А.* Социально-экономическое развитие Республики Узбекистан за годы Независимости // Социально-экономическая география: Вестник АРГО. 2013. № 2. С. 131–143.

219. Самбурова Е. Н. Региональные диспропорции современного развития региональной экономики Китая // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 49–55.
220. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
221. Сафранчук И. Глобализация в головах // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 120–126.
222. Сафранчук И. Конкуренция за безопасность в Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 6. С. 112–121.
223. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.
224. Силаев Н., Сущенко А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 34–39.
225. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
226. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 342 с.
227. Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988. 315 с.
228. Смирнягин Л. В. Место вместо местоположения (о сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры. Памяти И. М. Маергойза / сост. П. М. Полян и А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 421–456.
229. Смирнягин Л. В. Общественная география. Федерализм. Регионализм. М.: КомКнига, 2005. 464 с.
230. Смирнягин Л. В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 44–59.
231. Соколовский Н. И. География. Часть четвёртая. География Российской Империи. Санкт-Петербург, 1846. 295 с.
232. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 347 с.
233. Социально-экономическая география зарубежных стран. М.: Дрофа, 2001. 560 с.

234. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
235. *Сталин И. В.* Об основах ленинизма // И. Сталин. Сочинения. Т. 6. 1924. С. 69–188.
236. *Стегний П.* Вдвоём на хартленде // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 109–118.
237. *Стрелецкий В. Н.* Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1(2). С. 51–72.
238. *Стрелецкий В. Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития / под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459.
239. *Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinchestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.03.2018).
240. *Суслов Д. В., Пятачкова А. С.* Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 15–53.
241. *Сухаренко А. Н.* Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 148–156.
242. *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.
243. *Тархов С. А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск: Универсум, 2005. 386 с.
244. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авт.; отв. ред. акад. РАН П. Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
245. *Ткаченко А. А.* Иммиграция в Россию: новые тенденции XXI века // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 32–40.
246. *Толфлер Э.* Метаморфозы власти (знание, богатство и сила на пороге XXI века). М.: Издательство АСТ, 2001. 358 с.
247. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и эки-

- стические эффекты : монография / Южный федеральный университет ; под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.
248. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / отв. ред. П. Я. Бакланов, М. Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
249. *Трейвиш А. И.* Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В. А. Колосова. М., 2000. С. 56–71.
250. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
251. *Тренин Д.* От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта / Московский центр Карнеги URL: <https://carnegie.ru/2015/05/13/ru-pub-60066> Дата обращения – 17.03.2019.
252. *Троцкий Л. Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М.: 2016. 476 с.
253. *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.
254. *Трубецкой Н. С.* Мысли об автаркии / Трубецкой Н. С. Избранное. М.: Росспэн, 2010. 615 с.
255. *Тулохонов А. К.* О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. 228 с.
256. *Туран И.* Турция на подъёме // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9, № 5. С. 124–138.
257. *Туровский Р. Ф.* Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 99–117.
258. *Уланов В. П.* Татарская национальная идея // Вестник Казанского аграрного университета. 2008. Т. 3, № 3(9). С. 144–146.
259. *Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В.* Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. 218 с.
260. *Уткин А. И.* Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 9–25.
261. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 685 с.
262. *Хакимов Р. С.* Исторический аспект структурированности пространства России // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 3-1. С. 223–231.

263. Ханс-Йоахим Шпангер. Поворот России на восток, поворот Китая на запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути // Валдайские записки № 47. Май, 2016. 26 с.
264. Хекимоглу Л. Куда движется «хартленд»? Центральная Азия, география, глобализация // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4(40). С. 79–97.
265. Хорев Б. С. Проблемы городов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство «Мысль», 1975. 428 с.
266. Хорев Б. С. Региональная политика в СССР. М.: Мысль, 1989. 285 с.
267. Фарделла Э., Проди Д. «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайские записки № 82. Март, 2018. 11 с.
268. Фащук Д. Я., Тишков А. А., Землянов И. В., Кочемасов Ю. В., Зацепина С. Н. Морское природопользование: концепция, современные проблемы и пути их решения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 1. С. 21.
269. Федорко В. Н. Некоторые этногеографические аспекты населения сопредельных с Узбекистаном стран Центральной Азии // Ўзбекистон География жамяти ахбороти, 52-жилд. Илмий журнал. Тошкент, 2018 йил. б. 54–69.
270. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990–2007 гг. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 219 с.
271. Федоровский А. Россия и вызовы Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 58–71.
272. Чубаров И., Калашников Д. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1, т. 62. С. 25–33.
273. Цвијић Јован. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.
274. Цымбурский В. Л. «От великого острова Руси...» к прасимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1997. № 6. С. 34–56.
275. Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии, 1998. № 1–2.
276. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
277. Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / ред.-сост. Г. Б. Кремнев, Б. В. Межуев. М.: Европа, 2011.

278. *Шупер В. А.* Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
279. *Шупер В. А.* Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 4. С. 7–17.
280. *Яковец А. В., Растворцев Е. Е.* Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 63 с.
281. *Әхмәтзәки Валиди Туған.* Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө. Китап, 1994. 374 с.
282. *Anıl Çeçen.* Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998. S. 125–126.
283. *Bai Y X, Wang S J.* Silk-road economic belt: the strategic corridor of China going global // Journal of Northwest University: Philosophy and Social Sciences Edition. 2014. № 44(4). С. 32–38.
284. *Beniuc V, Rosca L., Afanas N.* Uniunea Europeană-Uniunea Euroasiatică: studiu comparat. Chisinau, 2015.
285. *Claval P.* Postmodernisme et géographies // Géographie et Cultures. 1999. № 4. P. 3–24.
286. *Dadabaev T.* Uzbekistan as Central Asian game changer? Uzbekistan's foreign policy construction in the post-Karimov era // Asian Journal of Comparative Politics. 2019. № 4(2). С. 162–175.
287. *Deborah Cowen, Neil Smith* After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // Antipode. 2009. Vol. 41, № 1. P. 33–48.
288. *Dieter Groh.* RuBland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt am Main, 1988. 342 p.
289. *Druzhinin A.,* 2016. Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer // Quaestiones Geographicae. № 35(3) P. 31–39.
290. *Druzhinin A.,* 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. Quaestiones Geographicae. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, p. 91–100.
291. *Eder, T. S.* (2014) China-Russia Relations in Central Asia. Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. № 89(2). P. 287–294.
292. Encyclopedia of the Peoples of Asia and Oceania. 2008. Vol. 1. 826 p.
293. *Feng Z. X.,* 2014. Strategic transportarteries connecting transport arteries China to eurasia: details of the area, route delineation and function of the new silk road economic belt // Science Frontier, (4): 79–85.

294. *Fiona Hill and Bobo Lo*. Putin's pivot: why Russia is looking East // Foreign Affairs, 31 July 2013; Timofey Bordachev and Yevgeniy Kanaev. Russia's new strategy in Asia // Russia in Global Affairs, № 3, 2014.
295. *Halecki O*. The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana, 1962.
296. *Harvey, D.* (1972): Revolutionary and Counter Revolutionary Theory in Geography and the Problem of Ghetto Formation. Antipode 4 (2), 1–13.
297. *Humboldt A. von*. Kosmos. Bd. 1. Stuttgart; Tübingen, 1845. 562 c.
298. *Glenn Diesen*. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia London 2017. 206 p.
299. *Guo L X*. 1994. Distribution of ports in China[J]. Acta Geographica Sinica, 49(5): 385–393
300. *Gao H C*. 2014. Deepen economic and trade cooperation: the “Belt and Road” makes new pattern of economic and trade cooperation // International Business and Accountant, (6): 5-7.
301. *Yun Sun*. March West: China's Response to the U. S. Rebalancing. 31 January 31, 2013. www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/01/31-china-us-sun.
302. *Juha Käpylä, Harri Mikkola*. The promise of the geoeconomic Arctic: a critical analysis. Asia Europ Journal. June 2016, Volume 14, Issue, pp 203–220.
303. Geography, environment, sustainability. D. Suocheng, V. Ya. Portyakov, I. G. Chubarov, S. A. Tarkhov, V. A. Shuper. The chinese initiative “The belt and Road”: a geographical perspective // 2017 № 1. 5–20.
304. *Khaydarov, A. A. A., Mirkasymov A. S. M.* (2019) Uzbek Perspective on Eurasia. India Quarterly. 75 (1), c. 94–99
305. *Klemeshev, A., Fedorov, G. and Fidrya, E.,* 2017: Specific Kaliningrad character of the Russian identity. In: Biegańska, J. and Szymańska, D. editors, Bulletin of Geography. Socio-economic Series, No. 38, Toruń: Nicolaus Copernicus University, pp. 47–55.
306. *Lavrov A*. New Russian Military Infrastructure on the Border with Ukraine. Moscow Defense Brief, no. 6, 2015.
307. La Turquie au Carrefour de enjeux stratégiques et varia. Revue tires monde. 2008. N. 194. 280–291 P.
308. *Liu W. D.* Scientific understanding of the Belt and Road Initiative of China and related research themes // Progress in Geography, 2015. 35(5): 538–544.

309. *Liu W. D.* 2017. Inclusive globalization: New philosophy of China's Belt and Road Initiative. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences*,(4): 331–339.
310. *Mackinder, H. J.* «The geographical pivot of history». *The Geographical Journal*, 1904, 23, pp. 421-437
311. *Mackinder H.* *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction.* Wash, 1996. 214 p.
312. *Mao H Y.* 2013. Prospects of energy cooperation of China with Russia and Central Asian countries // *Progress in Geography*, 32 (10): 1433–1443.
313. *Matveeva A.* EU Stakes in Central Asia. Chaillot Paper № 91. European Union Institute for Security Studies, Paris, 2006. 125 p
314. Mediterranean Observatory. 2017. URL: <http://www.sr-m.it/>
315. *Mohaparta, A. K.* (2018) Tukey's quest for regional role in Central Asia. *International Studies*. 38(1), с. 29–52.
316. *Pabst, A.* (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. *American Foreign Policy Interests*. 31(3), с. 166–176.
317. *Radelet S., Sachs J. D.* Shipping Costs, Manufactured Exports, and Economic Growth. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.earth.columbia.edu/sitefiles/File/about/director/pubs/shipcost.pdf>. (дата обращения 10.05.2018).
318. *Radnitz, Scott* (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence *Europe-Asia Studies* 70(10), с. 1597–1611.
319. *Radvanyi Jean.* *La nouvelle Russie.* Armand Colin. Paris. 2007. 4-ème édition.
320. *Radvanyi J.* Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // *Hérodote. Géopolitique de la Russie*, 2017 № 166-167 pp. 113–132.
321. *Roman Vakulchuk.* Russia's new Asian tilt: how much does economy matter? // *Russia's turn to the East: domestic policymaking and regional cooperation*, edited by Helge Blakkisrud and Elana Wilson Rowe, 139–57. Palgrave Pivot, 2018. <https://www.palgrave.com/us/book/9783319697895>.
322. *Sassen S.* 1991. *The Global City.* Princeton: Princeton University Press.
323. *Svanstom, N.* (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. с. 1–248.
324. *Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M.* Diversity and power in the world city network // *Cities*. 2002. № 19. P. 231–241.

325. The World Accorging to GaWC 2016. <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2016t.html> (Дата доступа – 10.11.2018).
326. Transcontinental Infrastructure Needs to 2030 / 2050. France's Gateway Ports and Inland Connections. Meeting with Meeddm Officials, Paris, 7 May 2010. Final Report. OECD. International Futures Programme. URL: <https://www.Oecd.Org/Futures/Infrastructure-to2030/48368193.pdf>.
327. *Soja E.* Postmodern geographies: The reassertion of space in critical social theory. L.-NY.: Verso, 1989. 266 p.
328. *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company. 1944. 323 p.
329. *White C. D.* Geography, Policy, and Barriers to International Trade in Central Asia // Business Journal. November 3. 2010. P. 44–54 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/306380017_Geography_Policy_and_Barriers_to_International_Trade_in_Central_Asia (дата обращения 10.05.2018).
330. *Zhou M. L.* 2014. Build Silk Road Economic Belt and promote regional economic correspond development // China Nationality, (8): 20–23.

Научное издание

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ
(взгляд географа-обществоведа)**

Монография

Подписано в печать 09.01.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 15,58.
Уч. изд. л. 11,62 Заказ № 7480. Тираж 500 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук (с 1995 г.), профессор (с 1999 г.), Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (с 2010 г.), директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета, профессор-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта.

А.Г. Дружинин закончил в 1979 году (с золотой медалью) школу в г. Ростове-на-Дону и с отличием — географическое отделение Ростовского государственного университета (1984 г.). Соискатель Ленинградского государственного университета (1985-1986 гг.); ученик доктора географических наук, профессора Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ, Президента Русского географического общества Сергея Борисовича Лаврова.

Профессор А.Г. Дружинин — автор более 500 научных работ, включая 35 монографий. Научные труды опубликованы на русском, английском, испанском, китайском, польском, турецком и французском языках.

Под руководством А.Г. Дружинина реализовано свыше 30 крупных исследовательских проектов, в том числе поддержанных Российским научным фондом (РНФ), Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), фондом «Хамовники», Российской академией архитектуры и строительных наук и др. Подготовил (в качестве научного руководителя) 78 кандидатов, 1 PhD и 2-х докторов наук.

Является главным редактором журнала «Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов». Член редколлегий и редакционных советов ряда российских («Балтийский регион», «Географический вестник», «Научная мысль Кавказа», «Псковский регионологический журнал», «Ученые записки Крымского федерального университета, серия "География-геология"», «Вестник БФУ им. И. Канта, серия "Естественные и медицинские науки"») и зарубежных периодических научных изданий, включая: «Quaestiones Geographicae» (Польша), «Гласник Географского друштва Републике Српске» (Республика Сербская, Босния и Герцеговина), «Revista GeoUSAL» (Аргентина), «Slupskie Prace Geograficzne» (Польша), «Boletín de GÆA Sociedad Argentina de Estudios Geográficos» (Аргентина); «Известия Географического общества Узбекистана» (Узбекистан).

Почётный зарубежный член Географического общества Республики Сербской и Географического общества Узбекистана.

Профессор А.Г. Дружинин является активным путешественником (посетил 118 стран мира).

✉ alexdr9@mail.ru

